

О. ПЕРОВСКАЯ
Г. ЗАМЧАЛОВ

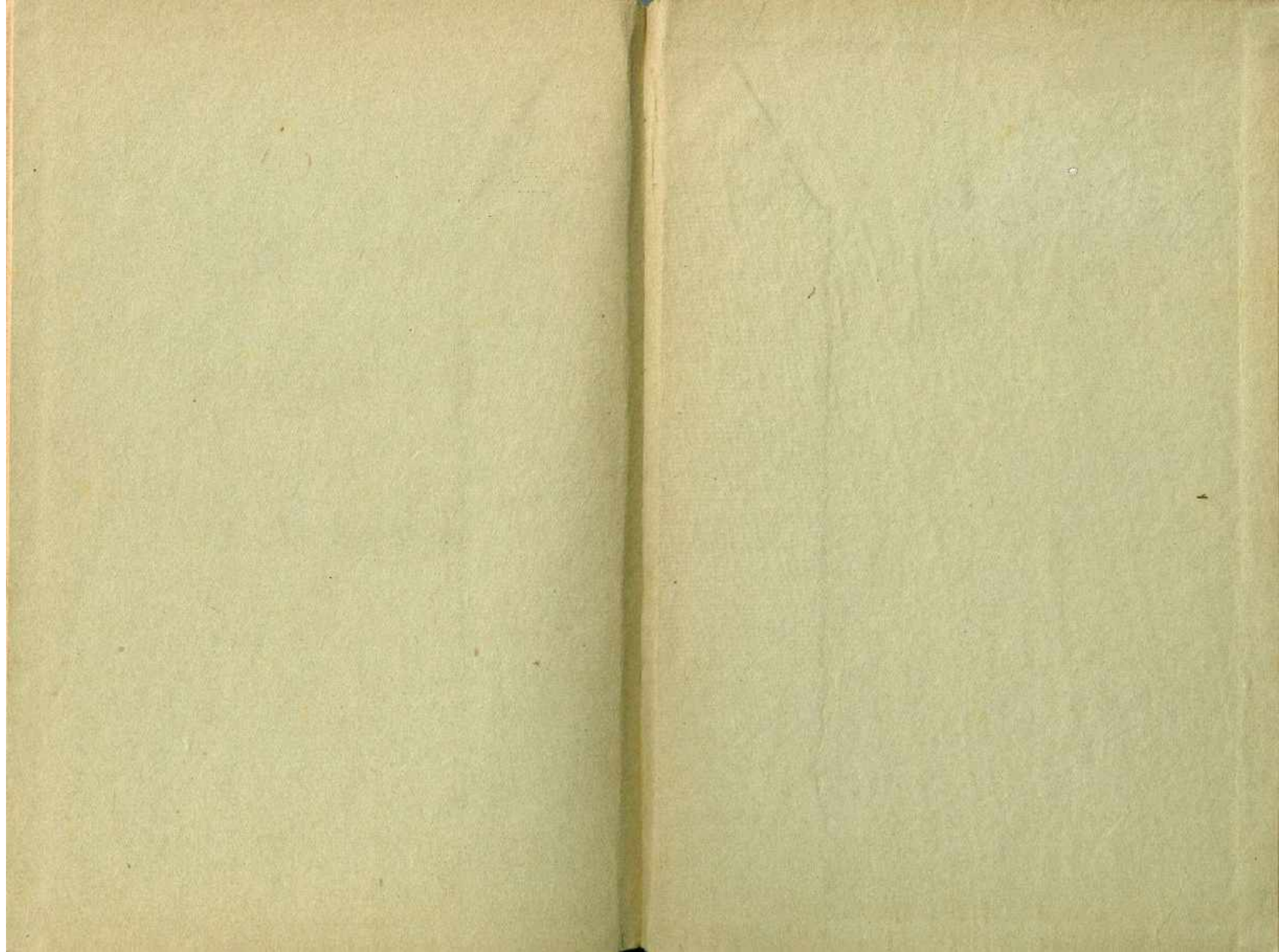

**ОСТРОВ
в
СТЕПИ**

1941

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Вс. Белоусов

П-26

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

О. ПЕРОВСКАЯ и Г. ЗАМЧАЛОВ

ОСТРОВ В СТЕПИ

Рисунки В. Ватагина

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

Ребята! Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Укажите свой адрес, имя, фамилию и возраст.

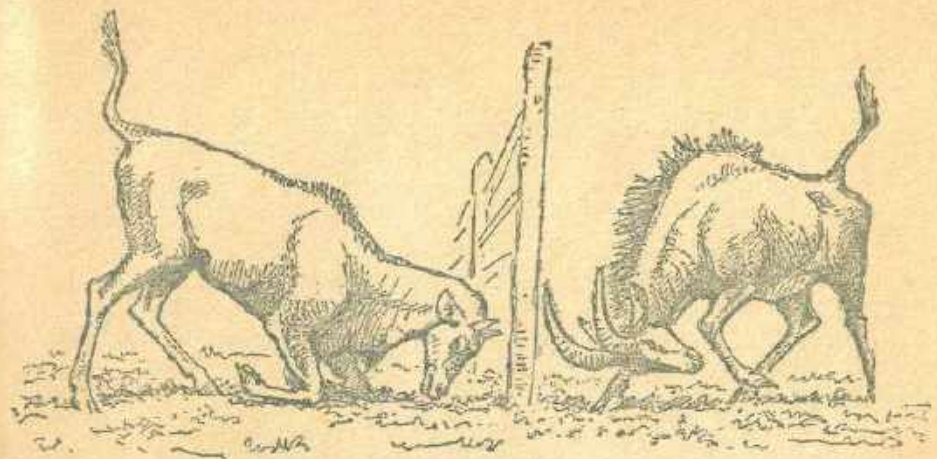
Наш адрес: Москва 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Детиздат, Массовый отдел.

Для начальной школы

Ответств. редактор Н. Медведкова. Художеств. редактор П. Суворов. Технич. редакторы Р. Крацова и Г. Лавина. Корректоры Р. Гранова и Е. Трушковская. Подписано в печать с матриц 6/ХІ 1940 г. Детиздат № 2009. Индекс Д-8. Формат 64×108¹/₁₆. 12 печ. л. (10,9 уч.-изд. л.), 37500 зн. в печ. л. Тираж 178000 экз. А20840. Заказ № 895.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Суцеский вал, 43.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена по адресу: Москва 18, Суцеский вал, дом № 43, Фабрика детской книги. Телефон К 5-08-50.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НОЧИ

I

Крр!.. Крр!.. Квак! квак! — поют на черной земле лягушки.

Снег растаял. Всюду вязкая, пухлая грязь, и лягушкам раздолье. Со всех сторон слышны их звонкие голосистые трели. А иногда сразу целый хор, целый оркестр зальется вдруг перед какой-нибудь лягушиной красавицей.

Если красавице не по вкусу музыка, она надменно проскачет мимо оркестра, и тогда долго слышатся торопливые шлёп... шлёп... шлёп... Это музыканты спешат догнать ее, остановить и еще раз спеть ей горячую песню о том, как она прекрасна — такая зеленая, скользкая, пучеглазая.

С неба упала маленькая звездочка. Над самой землей, в больших кустах, она как будто раздвоилась: из нее родилось два крохотных огонька. Огоньки отделились от кустов и поплыли к темному спящему дому.

Вдруг они задрожали и заговорили обыкновенными человеческими голосами. Оказалось, что это никакие не звездочки, а самые простые папиросы в зубах двух человек.

Одна папироса прыгает очень высоко. Это кто-то худой, долговязый и басистый. Он медленно вытягивает из грязи ноги и шагает, как в семимильных сапогах.

Другой огонек на целый аршин ниже. Кто-то очень проворный, живой скачет через лужицы и стоит на одной ноге, выбирая, куда бы поставить другую.

— А что, Черный отдышался? Есть начал? — спрашивает маленький и прыгает дальше.

— Теперь ничего. Все в порядке, Павел Федотыч, — отвечает басистый.

Он делает гигантский шаг и сразу выбирается из грязи на тротуар.

— Мы его заперли в отдельный дворик. Дали сена, свежей подстилки. Через десять минут он начал есть, и как ни в чем не бывало. До чего они выносливые, а, Павел Федотыч!

— В драке — да, выносливые. Зато против болезней они совсем не закалены. Чуть проглотит что-нибудь прелое или гнилое, сейчас наохлится — и капнут... Ну, а второго хулигана, Митьку, вы осматривали?

— Смотрели. С виду-то ему тоже попало здорово: весь бок в крови был. Но его разве поймашь, Павел Федотыч! В нем словно бес засел. Когда мы заперли Черного, он все старался просунуть рога и достать его через сетку. До самой темноты шатался вокруг дворика. А чуть сделаешь к нему шаг, он кидается в драку.

— Вот забияка!.. Ну, я пошел, Август Иванович. Эх, по правде сказать, и есть хочется! Знаете, как подумаю про горячую котлету или про стакан молока, так в животе бурчит — за версту слышно.

— Еще бы! Такой уж сегодня денек выдался. Наверно, половина работников без обеда осталась.

Маленький человек пожал руку должговязому и поднялся на крыльцо темного дома. Тихонько, как вор, он взялся за ручку двери и уже хотел открыть ее, но тут его сзади окликнул веселый голос:

— Павел Федотыч! С прибавлением семейства: бубалиха отделилась.

— Да ну? И что же, благополучно? Когда это случилось? Маленький здоров?

— Только что. Все ладно. Я до ветеринара бегал, а он на сарай, оказывается, уехал. Там и ночевать будет. Так я здрас до вас смотался. Дай, думаю, повешу.

— А кто же в антилопнике?

— Микола — парень, которого мне прислали в помощники.

— Новичок? Э-э, Сашко, так не годится! Как же ты в такую минуту оставляешь антилопник на неопытного работника? Надо было его послать, а самому... Нехорошо, не ожидал я от тебя!

— Да я ж...

— Сейчас же ступай в антилопник! Я через две минуты тоже приду. Только найду, хоть хлеба кусок съем да скажу, чтобы не беспокоились. Хотя, впрочем... Сашко!

— Я здесь, Павел Федотыч! — уже из-за кустов отозвался Сашко.

— Постой, я тоже иду. Ладно уж, после поем.

II

Снова вспыхнул огонек на конце папиросы. Снова маленький проворный человечек запрыгал через грязь. Выбравшись на дорогу, он зашагал так прытко, что Сашко не мог поспеть за ним, хотя был гораздо выше.

— Да вы не беспокойтесь, Павел Федотыч. Я ж ему объяснял все. Сказал, чтобы он ни на шаг не отходил от бубалихи.

— Ага, объяснил все-таки. Ну, отлично!

Они прошли по дорожкам парка к длинному зданию антилопника.

В открытых дверях его стоял парень и раскуривал цыгарку.

— Ты почему не у станка?

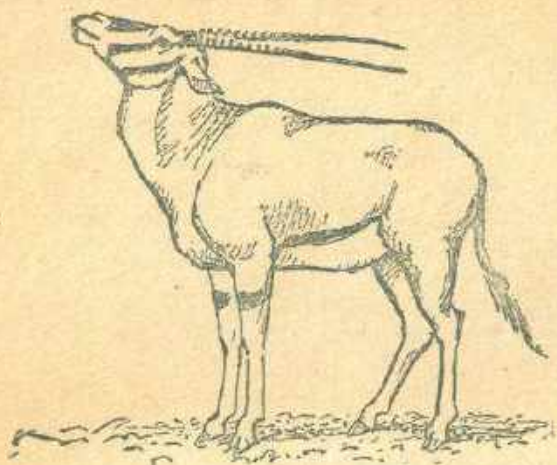
— Да я только сейчас отошел. Покурить охота.

— Это что за ответ? — грозно спросил Павел Федотыч. — Ты где, на улице или на работе?

Толстые, некрасивые губы Павла Федотыча крепко сжались. Видно было, что он очень рассердился. Но говорил он вполголоса и с виду как будто был совершенно спокоен. В антилопнике запрещалось шуметь, бегать, даже взмахивать руками. Редкие, дорогие антилопы могли испугаться и в страхе насмерть побиться о стенки.

В одиннадцать часов вечера переставала работать электростанция, и на ночь антилопник освещался керосиновыми фонарями. Во всем длинном узком коридоре таких фонарей висело четыре. От них падал тусклый свет на помещения для животных — станки. Это были небольшие комнаты из досок, отделенные от коридора железными решетчатыми дверями. Замок в каждом станке стояли антилопы. Теперь в них остались только такие, которых еще рано было выпускать в степь или у которых должны были родиться дети.

Павел Федотыч прошел вдоль станков. Две стройные антилопы нильгау встали с подстилок и тревожно проводили его взглядом своих чудесных бархатных глаз. Маленькая пугливая блэсбок шарахнулась в дальний угол. Тонконогие джейраны, дрожа всем телом, прижались к стенке. Водяной бык Кобус фыркнул и сердито топнул ногой. А напротив него нарядные дымчато-розовые антилопы

Дымчато-розовая антилопа бейза.

ким-то особым, добрым, ласковым голосом — так, как говорит мать с больным ребенком:

— О-о-о! О-о-о! Ну, как твои дела, голубушка?

В дальнем углу у станка стояла коричневая худая антилопа. У нее были невероятно тонкие высокие ноги, длинная глупая морда. На плоском лбу торчали короткие извилистые рога. Глаза она испуганно таращила, как будто ее собирались резать. При каждом движении Павла Федотыча она широко раздувала ноздри и вздрагивала. Казалось, что она вот-вот закричит пронзительно и громко.

— О-о, не бойся, не бойся, глупая! — уговаривал ее Павел Федотыч, осторожно подбираясь к бубаленку.

Желтенький и длинноногий, как мать, новорожденный бубаленок лежал на подстилке, вытянув ножки.

— Здоровенький! — радостным шопотом сказал Сашко. — Как только родился, так и стал сразу продувать свои ноздри.

— Что-то нехорошо он лежит, — ответил Павел Федотыч. — Они должны лежать на животе, а ноги подбирать под себя, чтобы можно было каждую минуту вскочить и удрать.

Сашко пригляделся внимательно к маленькому и сказал тревожным голосом:

— А ну, давайте зайдем скорей.

Бубалиха захрапела и кинулась на стену. Павел Федотыч дотянулся до задних ножек бубаленка, взял их в руку

бейзы изо всей силы бахнули рогами о железные прутья двери. Так, просто из озорства.

Разглядев или разнюхав Павла Федотыча, все антилопы моментально успокоились: этот маленький решительный человек был им очень хорошо знаком.

Не доходя трех станков до конца коридора, Павел Федотыч замедлил шаги. Он заговаривал ка-

и потащил к себе. Бубаленок вяло, как тряпка, заскользил по соломе.

— Ой, мамочка моя! — приглушенно вскрикнул Сашко и схватился за голову.

Мертвого бубаленка вытащили в коридор и дверь в станок заложили задвижкой.

— Ну, видишь вот, Сашко?

— Вижу, Павел Федотыч. Верите ли — сам бы себе в рожу плюнул! Ясно: матка молодая, первый теленок, тянулся сосать, она и вдарила его.

— Да ничего этого не было, — лениво вмешался в разговор Микола. — Я же тут был; так это он — сдох, да и всё.

Эти неторопливые, вразвалочку, слова хлестнули Павла Федотыча, словно кнутом. Глаза его загорелись и на минуту сделались такими же, как у бубалихи.

— Да ты понимаешь, что для нас значил этот маленький бубаленок? Ведь мы потратили три года на то, чтобы его получить. До сих пор бубалы у нас нигде еще не размножались в неволе. Мы первые добились от бубалихи приплода, ты взял и сгубил его своей цыгаркой. Если бы...

Павел Федотыч безнадежно махнул рукой и быстро добавил:

— Утром пойдешь в рабочком и скажешь, что я тебя уволил. Нам такие работники не нужны.

Парень упрямо глядел на свои чоботы. Сашко держал мертвого бубаленка. Было очень тихо.

Вдруг в самом конце коридора раздался какой-то угрюмый, зловещий рев. Микола вздрогнул, попятился и опрокинул позади себя ведро. Оно с грохотом покатилося по полу.

Во всех станках заметались самочки. Самцы забарабанили рогами в загородки. Послышалось беспокойное фырканье и храп.

— Ну, ну, без паники! Осторожнее! Тихе! Не надо ведро оставлять под ногами.

Спокойный, размеренный голос Павла Федотыча сразу расставил всех по местам. Парень поднял ведро и понес его в конец коридора, где для ведра был специальный крючок.

Вдруг снова страшный рев пригвоздил его к месту. Микола вобрал голову в плечи, глянул направо — и совсем остолбенел. Из предпоследнего станка тянулась к нему огромная косматая морда. Широкий вдавленный нос, вместо ноздрей большие круглые ямы. Глаза хитрые, косые. Над ними — рога, а над рогами — щетинистая грива.

Морда веселилась. Она открывала пасть, скалила зубы. Из нутра ее выходило мрачное басистое мычанье.

Павел Федотыч и Сашко заметили, как перепугался Микола. Они подошли к чудовищу, и сердитое, грозное лицо Павла Федотыча опять сделалось добрым.

— Ах, это ты, Кокеточка? Смотри, Сашко: мы говорили шопотом, а она все-таки узнала нас и позвала. Кокетка, Кокеточка! Ах ты, глупая! Ну, ну, поди сюда!

Он просунул сквозь решетку руку. Чудовище игриво потерлось о нее головой и тем же противным голосом, только совсем тихо замычало: «М-мам-мм...»

— Ты что это сдрейфил? — спросил Миколу Сашко. — Это же гну. Антилопа такая — гну. Кокетка.

— Да что ж, я не знаю, что ли? Я сам ее кормил и поил пять раз, а тут шут ее... померещилось... Дюже страшная она. Як сатана.

— Сашко! — позвал Павел Федотыч. — Ты обрати на нее внимание. У нее тоже вот-вот должен быть детеныш.

— Слушаю, Павел Федотыч. С бубаленком — это верно, недоглядели. Но теперь вот увидите: неделю спать не будем, а уж гнусенок вам будет живехонький и невредимый. Да и бубаленка второго... Сразу, как родится, отберем у матери. Я его лучше из соски выкормлю.

— То-то, Сашко. На будущее время, я знаю, это тебе хороший урок. А пока придется все-таки объявить тебе выговор.

— Объявляйте, Павел Федотыч: моя вина!

— Ну, вот что. Бубаленка сдайте в лабораторию. Пусть его там осматрят как следует и измерят. Череп и шкуру пусть сохраняют. А за бубалихой присмотрите: как бы она тут без него не натворила чего-нибудь.

Павел Федотыч последний раз скользнул хмурым взглядом по бубаленку и вышел из антилопника.

III

В саду была рыхлая, мокрая земля, голые деревья. Бугорки в лужицах лежали, как застывшие котлеты в масле. Павлу Федотычу так захотелось есть, что он, забыв о бубаленке, скорее зашагал домой.

На пруду жалобно стонали дикие утки огари, трубил лебедь кликун. Весь птичий народ, чем-то обеспокоенный, проснулся и шумел.

«Ну и пускай! — отмахнулся Павел Федотыч. — Я же не каменный, когда-нибудь надо же мне отдохнуть и поесть».

Бубалиха с бубаленком.

Трах!.. Из-за поворота на дорожку выскочил человек и со всего маху ударился о Павла Федотыча.

— Что такое? Кто это?

— Павел Федотыч, я до вас бегал! Наталья Александровна сказала, что вы еще из лаборатории не приходили. Там у вас на столе обед, чай. Все остыло. Наталья Александровна сердится. Она уже спать легла и Варечку уложила. Я, говорит, не обязана до свету...

— Подожди. Ты сам-то для чего меня ищешь?

— Да у нас зебра что-то захворала, Пальма.

— Ну вот, я так и знал!

Павел Федотыч повернулся и снова зашагал к калитке. Мимо антилопника, страусятника и целого ряда затянутых сеткой двориков он прошел к низкому длинному зданию, где помещались дикие лошади и зебры. Это помещение называлось «тарпанник». Когда-то в стенах были такие дикие лошади — тарпаны.

Их очень много водилось на земле, а теперь они все вымерли. Вот в память об этих лошадях конюшня называлась тарпанником.

В сенях тарпанника лежала рама с войлоком. Войлок был мокрый. Его нарочно пропитывали едкой жидкостью, чтобы люди, наступая, убивали всю заразу на своих сапогах.

Павел Федотыч вытер ноги и подошел к станку Пальмы. Там стоял высокий сутулый техник Панченко.

— Что с ней такое?

— К-к-катается! — выпалил Панченко.

— Как катается?

— Да вот, к-к-катается.

Панченко безнадежно махнул рукой и отвернулся. Он сильно заикался, поэтому не любил говорить и все делал по-своему. С ним очень трудно было работать. Но зато никто так хорошо не знал лошадей и быков, как он.

В станке лежала пузатая, как самовар, зебра. Она тяжело вздыхала и с большим трудом перекатывалась с боку на бок. Павел Федотыч осторожно поднял ее, осмотрел, оцупал.

Лицо у него сделалось таким грустным, что Панченко неловко затоптался на месте и закашлял...

Пальма была любимицей Павла Федотыча. Кроме того, в толстом животе у нее вырастал чудесный жеребенок, помесь зебры и лошади. Этого жеребенка ждали все работники института. Всем очень хотелось узнать, в кого он будет — в мать или в отца. Наука говорила, что в нем должны смешаться свойства и матери и отца. А вот как они

смешаются — этого никто не знал. Он мог получить от родителей самое лучшее, например всю их силу, резвость, выносливость. А мог получить и все самое плохое. Это значило бы, что смешивать зебру и лошадь бесполезно. Вот почему люди с таким нетерпением хотели узнать, какой будет этот жеребенок.

— Давно она так?

— П-п-после обеда начала.

— Что же вы не послали за доктором? Тогда он еще дома был.

— Я к-к-к-к...

— А ну вас совсем! Слова из вас не выжмешь!

Подошли старший нарядчик Куксин и дедушка Федоренко.

— Кто ее кормил вчера?

— Я кормил! — сказал Федоренко. — Зерна дал и сена. Ела она плохо.

— Зерно свежее было, не прелое?

— Только вчера получил.

— А ларь чистил перед тем, как засыпать?

— Ларь? — Федоренко помолчал, потом неуверенно ответил: — Да, как же... своими руками.

Павел Федотыч пристально посмотрел на него.

— А ну, пойдем посмотрим.

Сначала Федоренко пошел к ларю быстро и решительно. Потом шаги его сделались тише, тише. Наконец он остановился и поднял растерянное лицо.

— Павел Федотыч, ларь-то я вычистил, вот с места не сойти. Только... не знаю уж, как и сказать вам... Там у меня этот... мышьяк на дне...

— Мышьяк? Ты с ума сошел? Ведь ты же за это в тюрьму попадешь!

— Да нет, там не самый яд, а только лепешки такие, на мышьяке. Шесть штук. Я видел, хозяйка мышей так травила. А у меня их тут пропасть, этих мышей. Овес едят. Жалко ведь.

Павел Федотыч побелел от досады и беспокойства.

— Сейчас же дать ей слабительного! Куксин, приготовь ведро теплой воды. А ты сбегай к Августу Иванычу и попроси хорошую порцию лекарства. Скажи — для Пальмы. Да живо! Слышишь? Чтобы через пять минут здесь был!

Засуетились, забегали люди, испуганно захлопала тяжелая дверь. Молодой самец лошади Пржевальского поднялся на дыбы и по-волчьему ощерил зубы: что, мол, вы тут носитесь, спать не даете?

Панченко трусой подбежал к Павлу Федотычу и взволнованно замахал руками:

— Я к-к-ка-ка...

— Отстаньте вы! — огрызнулся Павел Федотыч. — Не каркать надо, а дело делать! Проворонили такое безобразие! Имейте в виду, что вы будете отвечать за Пальму, если она сложит.

Принесли ведро с теплой водой, слабительное. Павел Федотыч сам сделал болтушку и понес Пальме. Панченко еще сильнее замахал руками и вдруг выстрелил одним словом:

— Уже!

— Что такое? Что вы кричите?

— Уже. Есть слабительное.

— Как есть? Откуда? Вы что, дали уже?

— Дал, вечером. Я к-к-когда...

Павлу Федотычу показалось, что умнее и красноречивее человека нет на свете. Он благодарно пожал ему руку и попросил извинения, что кричал на него.

Все сразу повеселели. Куксин убрал ведро. Федоренко побежал к ларю, разостлал на полу рогожу и яростно стал вычерпывать овес. Минут через пять он закричал:

— Тут они! Все шесть штук целы. Пальма и не отравилась вовсе. А вот овес-то, правда, неважный.

Часа через полтора Пальме стало лучше. Она подошла к кормушке и губами начала выбирать сено.

Беспокойная ночь близилась к концу. В станках потягивались, встряхивались и фыркали после сна животные.

В том же помещении, только на другой стороне, мычали красивые индийские быки — бантенги и горбатые темноглазые зебу.

В одном станке стояла и кряхтела красная корова. Она была привязана за недоуздок. Павел Федотыч зашел, снял недоуздок и тихонько погладил ее по спине. Корова легла и начала шумно отдуваться. Павел Федотыч поправил возле нее сено и тихо отошел в сторону.

Корова тужилась, глядя на маленького человека доверчивыми глазами. И вот на свет показалось новое существо, малюсенькое, тихое и мокрое. Глаза у него были еще закрыты, ножки с беленькими подушечками на копытцах сложены вместе.

Павел Федотыч поддержал его руками, корова сделала последнее усилие, и на соломе очутился крохотный, только что родившийся теленок.

Куксин осторожно полил его водой. Федоренко растер и обмыл ему мордочку.

Новорожденный открыл выпученные глазки и первый раз в жизни увидел свет.

Его положили в круглую корзину с соломой. Мать засуетилась и лизнула его шершавым языком прямо в нос. Тут только она почувствовала, что перед ней ее маленькая новая дочка, и позвала ее тихим материнским мычаньем. Дочка отозвалась из корзины неумелым, грубым голосом: м-м-а-а...

Все засмеялись. Куксин взял корзину с дочкой и понес ее в телячьи детские ясли, к таким же малышам.

IV

На дворе было уже совсем светло. Лужицы покрылись тонким ледком, но от этого бугорки еще больше стали похожи на холодные котлеты в застывшем масле. От них сразу делалось вкусно во рту.

— Ну, теперь-то я уж закушу! — сказал Павел Федотыч. — Эх, целого быка съел бы!

Он шел вдоль сетчатых дворишков, выстроенных позади антилопника. Из антилопника вышел Сашко.

— Доброе утро, Павел Федотыч! Вы уже встали? Что так рано?

— Я, брат, еще не ложился. Там Пальма захворала, потом Краснуха отелилась. Так и не пришлось.

— Вот вам и весна, Павел Федотыч. У других людей весна — это праздник. Цветочки там, воздух, прогулки всякие... А у нас как раз весной-то и начинается самая лютая работа. Одни животные котятся, другие дерутся, третьи...

— Вот, кстати, ты мне напомнил! Вчера тут подрались Митька-нильгау и самец черной коневидной антилопы. Куда потом заперли Черного?

— А вон, в тот дворик, налево.

— Пойти поглядеть, как он там!

— Что же, пойдете. Тут рядом.

Они подошли к сетчатому дворику и удивленно раскрыли глаза. Что такое? Два вчерашних врага лежали рядышком. Оба были сильно изранены и, повидимому, мертвы.

— Но как же Митька смог туда забраться? Неужели перепрыгнул через сетку в три метра высотой?

Услышав голоса людей, плотный, пружинистый Митька взметнулся с земли и забегал вдоль сетки.

— Живой! Ну, значит, он убил Черного! Сашко, беги скорей к ветеринару. Теперь уж он наверное вернулся. Может, успеет что-нибудь сделать.

Нильгау быстро вышел то, что ему было нужно, — ме-

сто, где сетка вольеры немного ослабла. Он опустился на колени, поддел сетку рогами и пролез под ней на животе. Очувшись на свободе, он гордо поднял голову и с достоинством отправился в степь.

Черный лежал без движения на месте поединка.

Прибежал Сашко с «животным доктором» Иосифом Касперычем. Доктор был усталый, грязный, сердитый. Видно, Сашко перехватил его прямо с дороги. Он молча поздоровался с Павлом Федотычем. Все трое вошли во дворик. Доктор засучил рукава. Сашко нагнулся над Черным. Он взял руками за большие, откиннутые назад рога антилопы и хотел поднять ее морду.

Вдруг антилопа взвилась на ноги и со страшной силой ударила Сашко в бок. Сашко отлетел к стенке. Черный снова нагнул рога. Ноздри у него раздувались, глаза угрожающе сверкали.

Павел Федотыч с доктором бросились на помощь. С большим трудом они отогнали разъяренное животное.

Сашко лежал без памяти. Кожаная куртка его была рассечена, как ножом, и белая рубаша в этом месте сделалась красной. Пришлось звать долговязого Августа Ивановича, Панченко и других сотрудников. Они унесли Сашко в лазарет.

Черного загнали в струнку¹, и доктор принялся смазывать его раны иодом.

— Павел Федотыч, а вы, оказывается, так и не были до сих пор дома? — спросил Август Иванович. — Что вы, Павел Федотыч, нельзя же так!

— Да, я пойду. Кстати, который теперь час?

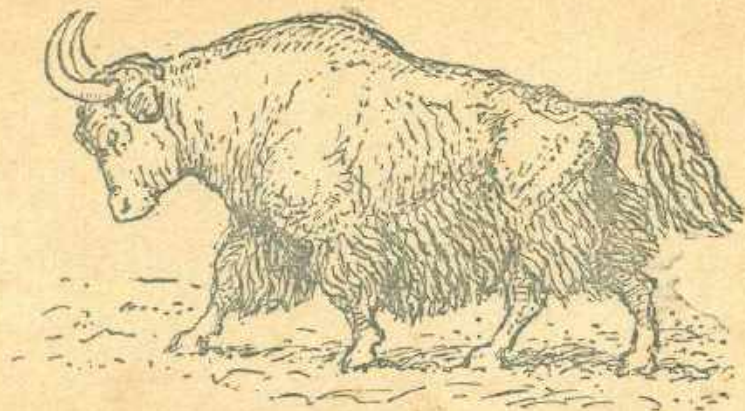
— Семь часов. Сейчас гудок будет. А через час уже начнется работа в лаборатории. Вот вам и отдых, Павел Федотыч!

Все двинулись к выходу за маленьким человеком. А он, отойдя немного, шопотом, как напавший мальчишка, сказал Августу Ивановичу:

— Ох, и попадет мне теперь! Вчера ведь Варюшкин день рождения был. Я обещал вернуться пораньше, а сам... Знаете что? Я лучше прямо пойду в лабораторию. На людях если и попадет, то все же не так, как дома.

Начальник и подчиненный глянули друг другу в глаза и хитро улыбнулись.

¹ Струнка — тесный, маленький станок, в котором животное не может двигаться. В струнках животных лечат.

НАЧАЛО ОДНОЙ СКАЗКИ

I

Маленький Павел Федотыч вошел в большой дом. В комнатах еще никого не было. Только веселые лучики солнца прыгали по полу, по столам и стульям. Комнаты были чистенькие, прибранные. Они словно говорили: «Ну, что же вы нейдете работать? Мы готовы».

У Павла Федотыча, как у антилопы, раздулись ноздри, и он засмеялся.

— Эх, хорошо! А если бы сюда еще одну хорошую котлету, то я бы...

Он не досказал, что бы он тогда сделал, но, должно быть, что-то веселое, потому что лицо его так и просияло.

Одна комната называлась лабораторией. В ней Павел Федотыч долго прилаживал медную трубку — микроскоп. Потом принес банку с жидкостью, достал этой жидкости на кончик ножа, состукал ее на стеклышко и подложил под микроскоп. Прodelывая все это, он напевал:

— Чижик, чижик, где ты был?

— На Фонтанке ножки мыл...

Но вот лицо его вытянулось. Песня оборвалась. Наверное, что-нибудь интересное увидел на стеклышке. В комнате стало тихо-тихо.

Немного погодя стали приходить на работу служащие.

— Доброе утро, Павел Федотыч! Вы уже здесь?

— Ого, какая вы ранняя пташка! Здравствуйте, Павел Федотыч!

— Павел Федотыч, можно подумать, что вы здесь прямо почувствуете.

Маленький человек, не отрываясь от трубки, серьезно отвечал им:

— Да, да. Доброе утро. Совершенно верно — ранняя пташка. Да. «Чижик-пыжик...» А? Что? Где я был, спрашиваете? В тарпаннике! Знаете, Пальма плохо себя чувствовала.

В конце коридора послышались твердые, четкие шаги. Павел Федотыч насторожился, но было уже поздно. На пороге появилась статная порывистая женщина.

— Павел, — сказала она непреклонно, — ты хуже всякой свиньи!

— Я понимаю, Наташечка. Прости, что не предупредил. Видишь ли, Наташечка, дела всякие, неприятности. Родился буб...

— Родился буб! — прервала Наталья Александровна. — А что у тебя дочка праздновала день рождения, на это тебе наплевать? Главное, хоть бы уж не обещал. Мы бы не ждали, и не было бы слез.

— Она плакала?

— Конечно. Обидно же! «Мама, говорит, он, наверно, своих животных любит больше, чем меня».

— Но ты объяснила бы ей, что я...

— Что же я ей объясню, когда она права? Я и сама так думаю.

Павел Федотыч нахлобучил свою ушастую шапку и пошел домой.

II

Варя одевалась, стоя ногами на подушке. Когда вошел отец, она сделала оскорбленное лицо и сказала, как мать:

— Пришел! Вон тебе пирожок, от рождения оставила. Ешь и вди опять целуйся со своими баранами и быками.

— Варечка! Я вчера хотел пораньше вернуться, но...

— Не ври, не ври! Ты не можешь от них оторваться.

— Да кто тебе такие глупости говорит?

— Ничего не глупости. Это мама сказала. Ты мне не отец, ты своим животным отец! Ты только их одних любишь.

— Неправда, я и тебя тоже люблю, Варя.

— Не ври, не ври! Ты про нас совсем забыл. Мама переведется служить в Москву, и мы от тебя уедем. Я там буду ходить в школу.

Павел Федотыч наморщил лоб и серьезно сказал:

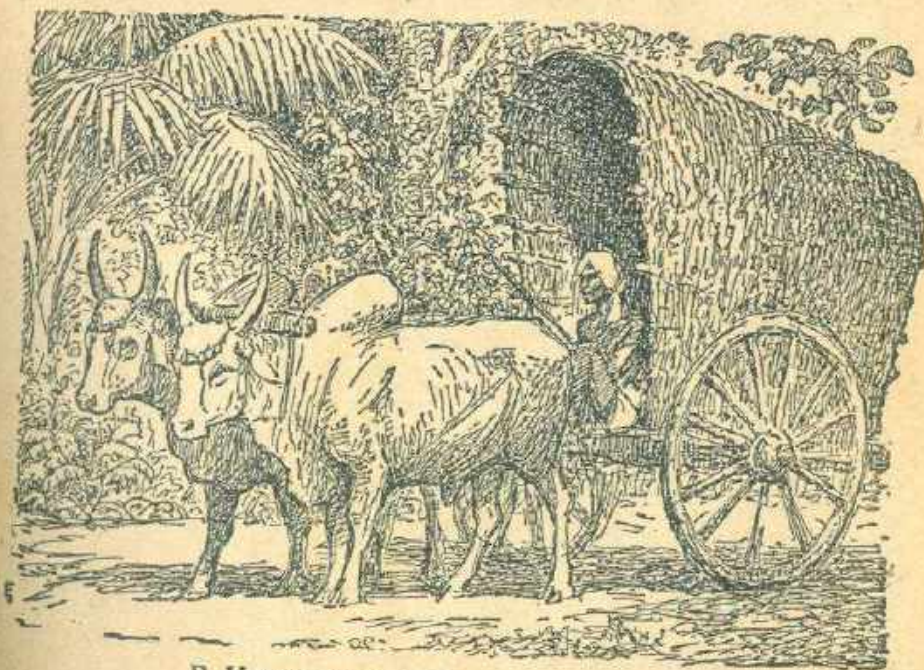
— Нет, Варюша, это вы напрасно на меня обиделись. Ты вот любишь, чтобы у тебя были постоянно новые игрушки: утки, верблюды, коровы, свиньи. Любишь ведь, да?

— Люблю. Мне вчера мама еще пять штук подарила.

— Ну вот видишь! И я люблю. Только тебе легко: твои игрушки пить-есть не просят. И платье — какое дадут им, такое они и носят, не обижаются. А у меня, брат, не игрушка, а настоящие животные. С ними знаешь сколько хлопот? Привезешь какую-нибудь антилопу: и красивая и интересная — в любой зоопарк поставить, так люди толпами будут сбегаться смотреть. А она, паршивка, не хочет у нас жить: то ей холодно, то жарко, то дождика не любит, то, наоборот, сухости, ветров. Вот сегодня ночью у нас родилась замечательная коровка. Мы ее назвали, как тебя, Варюшкой. У нее на спине горб, как в сказке у Конька-горбунка. Хочешь, я тебе расскажу про нее?

— Расскажи.

— Ну вот, в Закавказье есть такие местности. Там раньше не могла жить ни одна корова. Привезут какую-нибудь, она попасется на тамошней траве и через неделю сдохнет. А ведь нельзя же совсем без молока жить. Стали люди

В Индии есть горбатые коровы — зебу.

изучать, почему это коровы дохнут. Оказалось, что в траве прячется такой клещик, от которого обыкновенные коровы болеют пироплазмозом, и вытравить этого клещика ничем нельзя. Тогда услышали, что в Индии есть горбатые коровы — зебу, которые не боятся клещика. Сейчас же поехали туда и привезли нескольких таких коров. Эти уже не дошли. Но вот беда: оказалось, что они дают очень мало молока — одну чашку в день. Тогда мы взяли и смешали зебу с красно-немецкой коровой.

— Как смешали? Коровы ведь не глина. Как же их можно смешать?

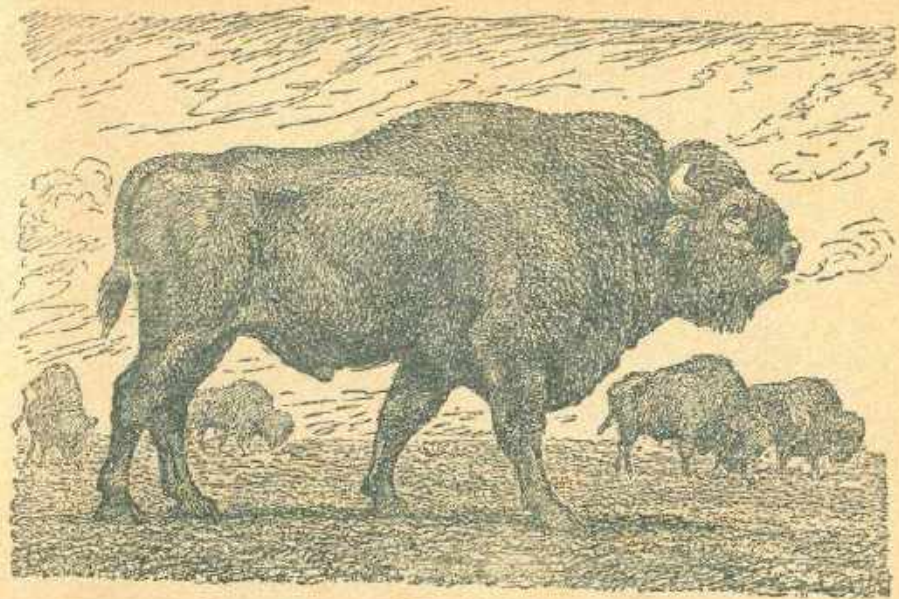
— Чудачка! Конечно, не самих коров смешали. Мы просто взяли и пустили к красно-немецким коровам быка зебу. От них стали рождаться дети-гибриды. В этих детях смешались все свойства, какие были и у красно-немецких и у зебу. Потому их и назвали «гибриды» — по-русски значит «помеси». Понимаешь, как? От отца-зебу они получили, например, защиту от пироплазмоза, а от матери — красно-немецкое вымя, которое дает молока три ведра в день.

— Ого, какие вы хитрые: все самое лучшее дали им!

— Не совсем. Тут получилась новая беда. В Индии жарко, и у зебу почти нет шерсти. Вместе с хорошими свойствами гибриды получили от зебу и его короткую шерсть. Они были почти голые. А ведь в горах снег. Там даже летом бывают заморозки. Наши гибриды стали простужаться. Тогда нам пришлось сделать еще один фокус: самих гибридов мы смешали с горным яком из Тибета. Получились новые, двойные гибриды. У этих уже было все, что надо: и молоко, и защита от пироплазмоза, и густая шерсть. Кроме того, у них, как и у яка, выросла на животе длинная юбка, так что они, если надо, могут спать прямо на снегу.

Павел Федотыч рассказал еще и о других замечательных животных, какие выводятся в поселке: об овцах с тонкой, как шелк, шерстью, о громадных, как горы, зубробизонах, о новых свиньях в тридцать пудов весом, об удивительных козочках, которые по неделям могут обходиться без воды.

— Теперь ты понимаешь, почему я все пропадаю в парке? Ведь ни у кого нет такой интересной работы, как у нас. Ты вот все твердишь: сказка, сказка... А в нашей стране люди, брат, сами делают сказку каждый день. И нам нельзя отставать от них. Мы стараемся вывести таких прекрасных и полезных животных, какие никогда еще не снились никому.

Громадные, как горы, зубро-бизоны

Он не замечал, что Варя давно уже слушает его с какой-то снисходительной усмешкой.

Вдруг она сказала:

— Ну, молодец! Ловко ты навираешь.

— Как навираю?

— Так, немножечко. Ну, ничего. Это все-таки очень интересно.

— Так ты, значит, не веришь мне? Тогда вот что. Скорей одевайся и пойдем со мной. Я тебе покажу всех этих животных, чтобы ты своими глазами их увидела.

Варя моментально надела шубку, ботики и шапочку. Даже не застегнувшись как следует, она взяла отца за руку и коротко скомандовала:

— Пошли!

— Это еще куда? — закричала вошедшая Наталья Александровна.

Она поставила на стол кипящий самовар, принесла из кухни сковородку с яичницей.

— Не умылись, не причесались, не поели и уже «пошли»! И, наверное, в какую-нибудь конюшню или коровник. Что, неправда? Ну, отвечайте: куда вы собрались?

Вместо ответа отец с дочкой положили свои шапки на стол и молча стали стягивать куртку и пальтишко.

— Ну, давай, мама. Мы скорей поедим и пойдем. Знаешь, мама, мы не поедим в Москву! Я лучше буду помогать папе.

III

Варя торопилась и плохо ела. Проглотила два кусочка яичницы, выпила чашку чаю и уже пошла одеваться.

— Ну, скорей, папа! Ест, как будто голодный.

В это время в дверь постучали. Вошел рабочий из зубро-бизонника.

— Павел Федотыч, меня товарищ Панченко прислал. Там мы хотели у зубрицы теленка взять, так она как рас-свирипела да как трахнет в ворота — так ворота и выде-тели.

— Что же вы там... Э-эх! Ну, сейчас иду.

— Папа, а коровка? Ты же мне все хотел показать!

— Ну, сейчас мне нельзя, Варечка. Видишь, какая шту-ка вышла. Мне надо идти в зубро-бизонник.

— Тогда я с тобой пойду.

— Ты что, с ума сошла? Ты же слышала, как там разъярилась зубрица? Ведь в воротах бревна толщиной с тебя, а она их разломала.

— Ну уж... Всегда ты так... А еще говорил...

У Вари задрожали губы. Лицо сделалось таким рас-строенным, что отцу стало жаль ее.

— Ничего, Варюшка, ты не унывай. Знаешь что? Коров-ку мы пойдем посмотреть завтра, а сегодня ты меня жди. Я приду пораньше и расскажу тебе такую чудесную сказку, что ты все на свете забудешь.

— Да-а... ты опять не придешь...

— Приду. Вот увидишь. Если не приду, тогда можешь

требовать от ме-ня, чего хочешь.

Он ушел, а Варя стала его дожидаться. Про-ждала до обеда — он не пришел. Прождала до ужина — не при-шел. Прождала до тех пор, пока надо было спать ложиться, — все еще не пришел.

Зубрица рассвирипела да как трахнет в ворота...

Варя совсем обиделась. Мама постелила ей постель, и она стала раздеваться.

Вдруг на тебе — явился! Весь грязный, усталый и го-лодный. Первым делом накинулся на еду. Ел так, что кости трещали; наверное, на улице слышно было. Потом, когда наелся, увидел, наконец, Варю.

— А, ты еще не спишь? Это хорошо. Молодец, что дождалась. Сейчас я лягу, ты прилезай ко мне, и я буду тебе рассказывать.

Варя уселась поудобнее на подушку и приготовилась слушать. Отец разделся, лег, сладко потянулся и начал:

— Ну вот, жили, значит, такие одни люди. Жили они, жили, жили... жили... хрр...

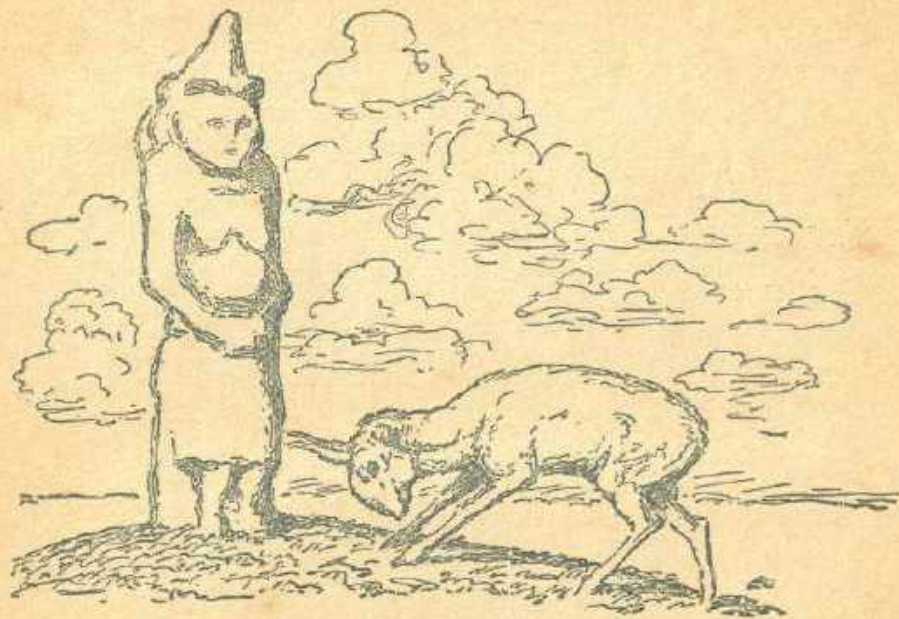
— Ну что же ты, папа? Рассказывай!

— Жили... хрр... жили... хрр... хрр...

— Вот тебе и на! Смотри, мама, он вовсе заснул. Так не годится, товарищ. Папа, папа!

— Не трогай его, Варя. Пускай уж спит, давай его ук-роем — и пусть. Он, наверно, утром тебе расскажет.

Утром, когда Варя проснулась, отца уже не было дома, а вечером она тоже не дождалась его. Так же было и на второй день и на третий. И все лето. А потом она и сама забыла про сказку.

МАЛЕНЬКИЙ СЛОП

I

Обыкновенная украинская степь, а по ней взад-вперед похаживают важные иностранные гости: страусы, ламы, зубры, антилопы. Степь огромная, и иностранцы, наверное, думают, что если они захотят, то могут прямо отсюда отправиться к себе домой — в Африку, Индию, Америку и Австралию.

А может быть, они и не думают ничего и совсем не собираются к себе домой. Зачем им домой, когда у них и тут сколько угодно травы? А если надо, так их еще подкармливают овсом и отрубями. Кроме того, большинство из них тут и родилось, в этой степи. А те, которые приехали, давно уже свыклись друг с дружкой и живут душа в душу.

Вон в ковыле гуляет американский страус нанду. Он вертит своей крохотной головкой на длинной шее и когото ищет. Ага, увидел! Далеко в тени ветвистых кленов дремлют ленивые антилопы канны. Страус вытягивает шею и быстро направляется к огромным антилопам.

Он подходит вплотную к вожаку Володьке, и Володька ничего — не машет на него рогами, не сердится, не то-

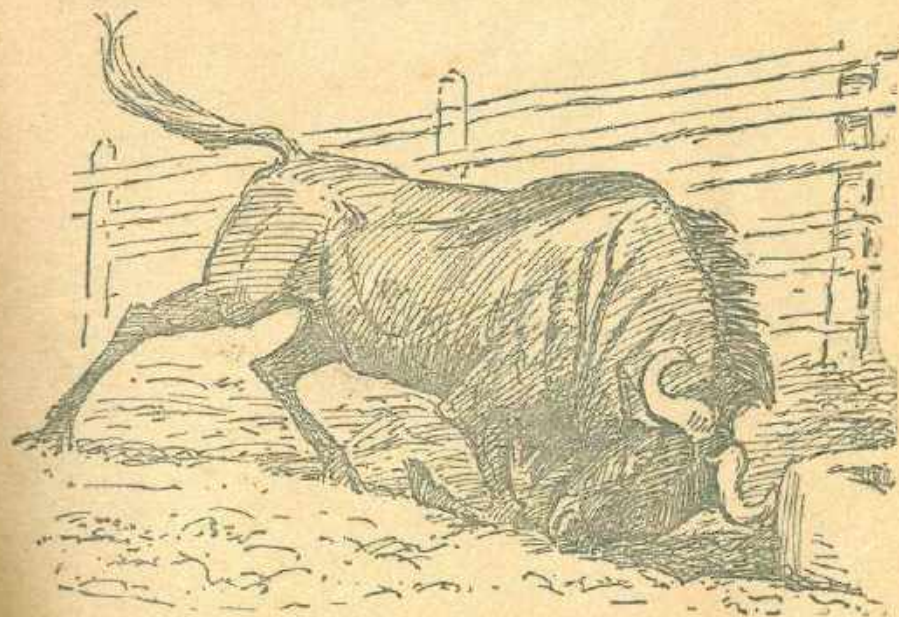
пает ногой. Страус стоит рядом и внимательно оглядывает его свину. Праз! — он стремительно бьет крепким клювом антилопу в плечо и снова нацеливается.

Что такое? Володька и это стерпел. Он даже доволен. А, вот в чем дело! Оказывается, страус проглотил большого кусачего овода, который надоедал Володьке. Страус тоже доволен: ведь овод для него приятная и питательная закуска.

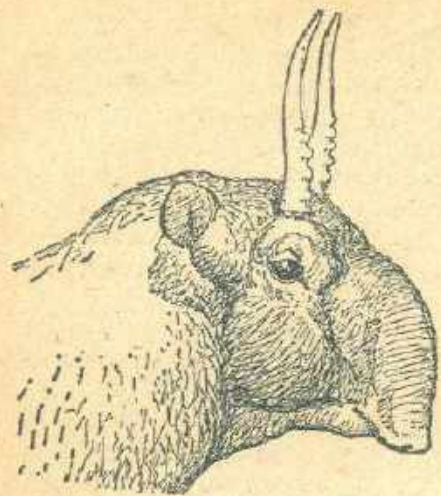
Так они и ходят целый день рядышком — огромный оленебык из Африки и серенький страус из Америки.

Есть в степи еще неразлучная пара: два бородатых вахлака — Алжир и Тунис, гривистые бараны. Эти даже рогами зацепляются друг за дружку и так ходят, будто под ручку.

Но есть там и беспокойные, несносные типы. Вот, например, Злодей — голубой гну. Он как будто и не такой уж злой, а целый день от него никому нет покоя. Озорует, ко всем пристаёт, за всеми гоняется. Один важный профессор расставил треногу, привинтил фотоаппарат и хотел было снять Злодея. Злодей как поддал рогами! Аппарат улетел через забор, а профессор так юрко просунулся между досками в заборе, что потом сам долго изумлялся. Так Злодей бесится целыми днями, а

Вот, например, Злодей — голубой гну.

Неуживчивая и странная антилопа — сайга.

если уж очень устанет и больше не может ни прыгать, ни ходить на дыбках, то становится среди степи и страшно мычит — должно быть, от досады.

На его рев сходятся самки. Кокетка со своим ребенком (он уже родился и стал шустрым парнишкой), Манька, Слестёна и другие. Они становятся вокруг него и смотрят. Тогда Злодей начинает выламывать разные штучки: ставит палкой хвост, роет передними ногами землю, ходит на задних и прыгает, прыгает, как резиновый мяч.

Кроме Злодея, в степи живет еще одна неуживчивая и странная антилопа — сайга.

Когда-то ее очень много водилось на Украине и даже в Европе. Но у сайги красивые маленькие рога. За эти рога китайцы платили столько чистого золота, сколько весили сами рога, потому что китайская медицина считала их лекарством от всяких болезней.

Ну, конечно, каждому хотелось получить золото. И куда бы оно ни пряталось, ни убегало, люди всюду находили его. Они неумоимо гонялись за сайгой и убивали ее до тех пор, пока эта золотonosная антилопа почти совсем не исчезла с лица земли.

Теперь ее нет нигде во всем мире, кроме СССР. Да и у нас очень немного ее водится в астраханских степях.

Кроме рожек, у сайги оказалось много действительно полезного и интересного для науки.

Вот почему наш поселок взялся вновь развести (реаклиматизировать) в украинских степях, вместе с другими редкими чужестранными антилопами, утраченную сайгу.

Из Аскании-Нова антилопы разъезжаются по всем зоопаркам Союза. А зоопарки у нас должны быть почти в каждом городе.

Подумайте, сколько тысяч надо ее развести, чтобы хватило на всех!

Сейчас ее в Аскании уже порядочное стадо. Каждую весну самочки приносят по паре пучеглазых, большеносых и очень некрасивых детенышей.

Старый рабочий Максимыч замечает, что пузатая сайгочка вдруг стала тоненькой. Он опрометью бежит к Павлу Федотычу.

— Павел Федотыч, сайгачиха окотилась!

— Сайгачонка видал?

— Нет. Она же прячет его. Но он там, я знаю.

Они идут в степь, а Варя бежит за ними и спрашивает отца:

— Папочка, пожалуйста, позволь мне пойти с вами! Я только чуть-чуть, одним глазком посмотрю на маленького сайгачонка и уйду.

Варя уже много знает про сайгу, потому что все, кто приходит к отцу, только и говорят что про животных.

Варе очень нравится, что сайга на воле может по неделям обходиться без воды. Разве это не удивительно? Ведь там, в пустынях и песках, где живет сайга, жара доходит до семидесяти градусов. А сайга прыгает себе по барханам — и хоть бы что.

Как-то у Павла Федотыча сидел заведующий овцами, товарищ Уткин. Они разговаривали про английских овец линкольнов. Товарищ Уткин очень расхваливал их, говорил, что у них самая длинная, шелковистая шерсть. Но он жаловался, что линкольны на Украине сильно страдают от жары. Неожиданно в разговор вмешалась Варюшка:

— Дядя Вася, вы бы взяли да посадили к этим линкольнам сайгу! Пускай бы они переняли у нее, как не бояться жары.

Товарищ Уткин долго хохотал над ее словами, а потом по всему поселку рассказывал:

— Варюшка дала нам новую тему для работы: вывести засухоустойчивую помесь сайги с линкольном.

Павел Федотыч с Максимычем уже далеко отошли от дома, а Варюшка все бежит за ними и спрашивает:

— Папочка, миленький, ну, можно мне? Чуть-чуть только. Дедушка Максимыч, попроси папу!

— Хай она иде, Павел Федотыч. Она же у нас животноводом растет, ей надо все видеть своими глазами.

— Ну, хорошо, види, Варя, рядом с Максимычем. Только тихо-тихо.

Максимыч весело подмигивает Варе. Варя догоняет его и берет за руку. Они тихо идут по ковыльной степи, вдоль забора из сетки.

Вдруг — стоп! На земле, у самого забора, лежит, завернув мордочку на спину, малюсенький, еще не совсем про-

сохший сайгачонок. Он затаился и лежит, пока не придет мать. Лежит так, как будто он и не живой вовсе.

Максимыч, Варя и Павел Федотыч смотрят на него, раздвинув траву. У сайгачонка от страха сильно дрожат бока, а глаза выпучились, словно хотят выпрыгнуть в кусты. Но он все-таки не шевелится, потому что так велела мать, а уж она знает, как надо.

— Ну, давайте отходить. Пусть он себе лежит.

— Ой, какой он смешной! — радуется Варя. — Весь в морщинках. Как маленький старичок. Правда, папа?

Павел Федотыч снова тихо идет вдоль забора. Вдруг он делает шагов пять в сторону и наклоняется. На земле точно так же лежит и трясется от страха второй сайгачонок.

Два малыша — точная копия со старых сайгаков: такие же некрасивые, дугоглазые, с такими же огромными висячими носами. Видали вы хобот у слона? Вот если этот хобот отрубить пониже рта, то он в точности будет, как нос у сайги. Только ведь слон громадина, а сайга — как маленькая козочка.

— Эх ты! Смотрите, смотрите! — неожиданно крикнул Максимыч. — Это они с нами расправляются бегут.

Варя глянула в степь. Прямо на нее быстро несло стадо. Впереди, круто наклонив рога, бежал старый разъяренный сайгак. Огромный нос его почти волочился по земле.

В одно мгновение Павел Федотыч схватил Варюшку на руки и посадил на высокий заборный столб.

— Держись крепко! Я тебя сниму после.

А сами они с Максимычем бросились бежать к калитке.

Вы, наверное, удивляетесь: чего же они испугались? Что может сделать человеку такое маленькое животное? Но там, в нашем поселке, лучше знали. И там говорили:

— С сайгаком лучше не связываться. Лучше обойти его, уступить ему, но только не доводить его до злости.

Потому что этот маленький зверь не боится никого на свете. В диком гневе он кидается, нагнув рога, на больших бугаев, на людей, на автомобили, которые проезжают по дороге.

В степи стоит древняя скифская каменная баба. Она стояла здесь еще и тогда, когда стада сайги гуляли по этим степям. Ее в шутку зовут «Королева Аскании». Так вот этот злобный сайгак ни разу не прошел спокойно мимо почтенной скифской «красавицы».

А рога у него острые, как железные вилы. Попробуй-те-ка устоять, когда на вас несутся две вот такие стрелы!

Максимыч едва успел захлопнуть калитку, как возле

Сайгак прыгнул второй раз.

него очутился сайгак. Он высоко подпрыгнул и с разбега вонзился рогами в толстую дощатую дверь. Вонзился и так повис. Варя захохотала. По ту сторону калитки просунулись концы острых рожек, а по эту барахталось жилистое тельце сайгака.

— Папа, он не может никак выдернуться!

— Ладно, сиди уж ты там! Сиди и молчи.

Стадо остановилось. Оно не знало, что теперь делать.

Маленькие сайгачата выскочили из травы и замерли в недоумении. Тут сайгак сильно дернулся, упал на землю и покатиł прямо к Вариному столбу. У Вари застучало сердечко.

— Он очень полезный, — шептала Варя. — Он целую неделю не пьет... Только зачем он бежит сюда? А вдруг он подпрыгнет...

Сайгак подбежал к забору, взвился вверх и на аршин от Вари стукнулся о столб.

— Ай, папа! — закричала Варя. — Папочка, скорей! Ай, я упаду!

Сайгак прыгнул второй раз.

— Уйди ты, паршивый! Ой, па...

Варя качнулась, потеряла равновесие и упала вниз, прямо под сайгачьи ноги. Раздался отчаянный визг. В тот же момент двое людей перемахнули через забор. Максимыч бросился на сайгака и схватил его за рога, и оба они, человек и сайгак, покатались по земле.

III

Вечером оба приятеля — Варюшка и Максимыч — сидели на крыльце и смотрели, как аист с аистихой чинят свое гнездо на крыше.

— Теперь я терпеть ненавижу этих сайгаков, — сказала Варюшка. — И кто это только навез их нам, таких хулиганистых зверюшек?

— Да я же сам и навез, — улыбнулся Максимыч. — Да еще сколько трудов на это положил!

— Зачем же ты ездил за ними? Не знал разве, что они такие драчуны?

— Ну, ясно, не знал. В диком-то виде они ой-ой какне робкие! Чуть только шорох какой послышится — и-их, как зальются!

— Убегают?

— Как нахлестанные. В Туркестане их раньше знаешь как ловили? Ставили такие загородки из чия — цыновки, одним словом, поставят и пугнут их. Так они до того саль-

но несутся со страху, что как налетят на эти тоненькие загородки, так и убиваются о них насмерть.

— Как же тебе удалось их поймать, раз они такие пугливые?

— О, это долгая история! наших сайгаков мы поймали в астраханских степях. Сначала, помню, мы с твоим папой отправили письма тамошним сельсоветам. Просили их, чтобы они разузнали у своих охотников-калмыков, нет ли где в окрестностях сайгаков. И вот получили ответ из Красного Яра, что на реке Сарпе видели двадцать четыре штуки. Павел Федотыч дал мне денег, бумагу с печатью, и я поехал. Ты знаешь, где эта Сарпа? Это почти у самого того места, где Волга вливается в Каспийское море. Там большие пустынные пески. В этих песках и бегали сайгаки.

— И ничего не пили?

— Ну да. Собрал я охотников. Купили мы лошадей, коз с маленькими козлятами, чтобы они потом сайгачат кормили. А самое главное — раздобыли борзых собак. Ты видала, Варюшка, борзых собак?

— Нет. Я же еще маленькая.

— Верно, ты невелика дивчина. Борзая собака может тебя одной лапой пришибить. Ох, и собаки! Вот красота! Высокие, поджарые, длинные. Если станет на задние ноги, так куда выше меня! А бегают, а бегают — мм-ых! — Максимыч закачался и застонал, как будто у него заболели зубы. — Морда у них узенькая, чтобы, значит, ветер не мешал...

— Нравятся тебе эти борзые?

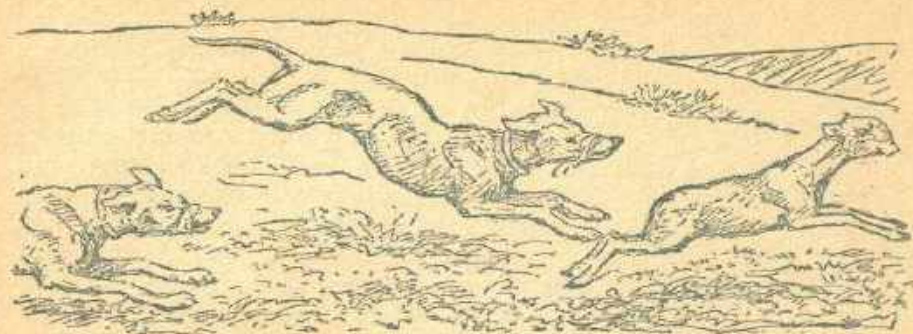
— Ох, и нравятся, Варюшка! Ты бы поглядела, как они там работали с этими сайгачатами! Ведь только они и могут поймать сайгака в степи, а людям ничем не поймать.

— А если очень хорошая лошадь? Если как Петушок московский?

— Тьфу, нашла кого! Да он там завязнет в песке, как колода, и будет стоять.

— Ну, рассказывай дальше. Как же они ловили, эти собаки?

— А очень просто. Поехали мы с калмыками в степь. Коз и юрту оставили на привале. Едем, а жарница — терпенья нет. Песок, как зола в печке, — огнем жжет. Смотрим, наши собаки ложатся на спину и лапы облизывают. Тут один старик подозвал своего пса и стукнул ладонью по седлу. Пес птицей взлетел на воздух и лег животом поперек седла. Другие калмыки таким же манером посадили своих собак. Я тоже постучал, и серенький щенок, раз-

мером с телку, вскочил на лошадь и преудобно разлегся впереди меня.

— Ишь, какне! Наверно, их так приучили, да?

— Ну да, они всегда так по степи разъезжают. Ехали мы, ехали, и вот смотрю я — калмыки мои что-то беспокоятся, показывают руками на мой бинокль. Я снял бинокль и отдал старику. Старик, видно, лучше меня знал, как им надо пользоваться. Он приставил его к глазам и говорит: «Ой-бой, и сколько сайхак!» Я аж подпрыгнул на седле: «Ну-ка, говорю, где? Покажите». Он показал направление. Я поглядел, а там далеко-далеко ходят какие-то вроде сусликов, маленькие.

— Ну и тогда? Дедушка, ты скорее рассказывай!

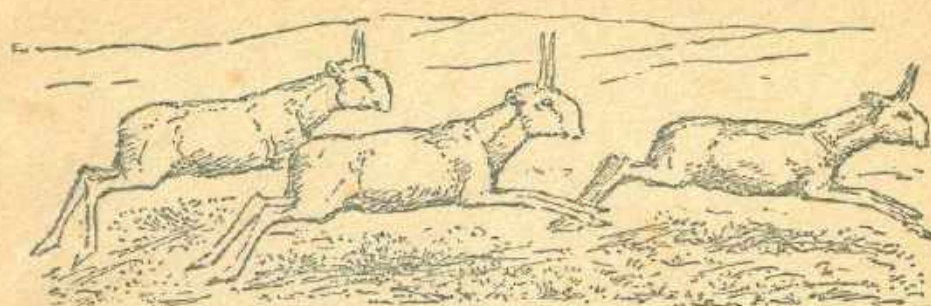
— Стали мы осторожно подъезжать к этим сусликам. Степь ровная, спрятаться некуда. Я и говорю: «Ерунда у нас, товарищи, получается. Увидят они нас — убегут». А старик смеется. Он чудной такой был, этот старик. Он-коровым звали. «Сайхак видит нет. Сафсем нет, дурак — ничава не видит. Он этта нюхтит, сопатком своим. Сопатка его ой-бой карашо — очень карашо сопатка!» И он мне рассказал про сайгачий нос. Ты давеча видала, какие у них носы?

— Видала. Огромные, прямо как сапоги. И ноздри такие некрасивые. Морщатся все время, хрюкают.

— Верно, носы малость великоваты. Но зато знаешь что такое для них эти носы? Это самое главное их оружие. Только чутьем они и спасаются. Неприятель еще где-нибудь за пять верст, а уж ветер несет его запах прямо в сайгачьи ноздри.

— Вас они тоже учуяли?

— Учуть-то они учуяли, да уж когда поздно было. Старик этот, Онкоров, опытный был, шельма. Он повертел-

ся на седле, понюхал, как собака, воздух и велел нам заезжать с другой стороны, чтобы ветер дул не от нас к сайгакам, а от них к нам. Таким манером мы подобрались к ним близко — версты за три. Мне их хорошо было видно в бинокль. Самки лежали и отдыхали. Старый самец ходил около стада, шюхал воздух и фыркал. Две-три самочки возвращались из зарослей колючки. «Там у них маленькие сайгачата, — объяснили мне калмыки. — Самки всегда прячут их в стороне от стада».

— Правильно! — закричала Варюшка. — Помнишь, сегодня? Мы тоже нашли сайгачков далеко от стада.

— Тут мы стали готовиться. Собак привязали на веревки. Кроме того, достали куски кисей и замотали им морды до самых глаз. Часть охотников старик послал в заезд, чтобы они пугнули сайгаков на нас. Уговор был такой: все дело начнется, когда старик выстрелит из ружья. Все стали расстанавливаться по местам. Старик набил порохов в свое длинное старое ружье и приготовился стрелять.

— Как же так? — удивилась Варюшка. — Ведь советская власть запретила стрелять в сайгаков. Папа сколько раз говорил.

— Так он же в воздух, чудачка! А ты думала, в них прямо? И вот когда он бахнул — ух, что тут поднялось! Собаки ринулись, а веревки не пускают. Они аж присели. Сайгаки мелькнули мимо нас, как тени. Борзые начали кружиться на веревках, визжать сквозь свою кисею. В это время старик пустил своего пса. Собака вихрем облетела все пространство, истыкающее сайгачьими копытцами. «Пускайте собак!» закричали передовые охотники. Все шесть борзых сиганули через колючки. Вдруг перед ихними носами неистово заверещали, запрыгали какие-то зайчики. Эх, как они повеселись! Нет, Варюшка, тебе никогда не понять, как несется сайгачонок из-под носа собаки. Вот это была скорость!

— А что же собаки?

— Собаки летели за ними. Они, как аэропланы, рассти-
лись над землей. А мы все орал, кто в лес, кто по дро-
ва, и нахлестывали лошадей следом. Наконец собаки
настигли. Вдарили сайгачат грудью и лапами прижали к
земле. Не будь у них морды забинтованы марлей, они бы
разорвали их в куски. А с марлей они ничего не могли сде-
лать. Сайгачата выбивались из-под лап, визжали... Нет уж,
капут! К борзой попал, так уж забудь, как тебя звали на
воле. Тут подоспели мы и поотнимали сайгачков.

Когда я взял сайгачонка на руки, он затрепыхался, как
воробышек. Аж вспотел, бедный. Мы долго думали: как
же теперь нам их запаковать, чтобы они не побились, не
поломали ребрышек? И тут опять всех нас выручил старик
Онкоров. Ни слова не говоря, он стал разуваться, потом
снял свои засаленные ватные штаны. Мы ничего не поня-
ли: спать он, что ли, собирает? Или спятил немножко от
жары и волнения? А он засунул в каждую штанину по
сайгачонку. Сайгачата плотно в них заклинились, как в
конвертиках, — знаешь, в которых детей носят. Онкоров
перекинул штаны через седло и велел так же устроить
других сайгачат.

Всю дорогу мы хохотали над нашими костюмами.
Старик тоже шутил вместе с нами, хлопал себя по голым
ногам и говорил: «Чего смеешь? Моя для здоровья заго-
райт. Городской человек загорайт можно, моя тоже мож-
но. Эхма! Чичас купаться пойдем».

— Ха-ха-ха! — залилась Варюшка. — Значит, вы всю до-
рогу так без штанов и ехали?

— Так и ехали до самого привала, где мы юрту остави-

Зверь сиватерий.

ли. На привале мы от-
вязали наших коз, под-
пустили к ним сайгач-
ков. Они насосались, и
улеглись спать в теп-
лых кошмах. Наутро
двинулись мы в обрат-
ный путь и скоро до-
брались к нам, в Ас-
канию-Нова. От этих
вот сайгачат и распло-
дилось наше стадо. Ви-
дела нынче, сколько их?
А ты говоришь: «Зачем
привезли!»

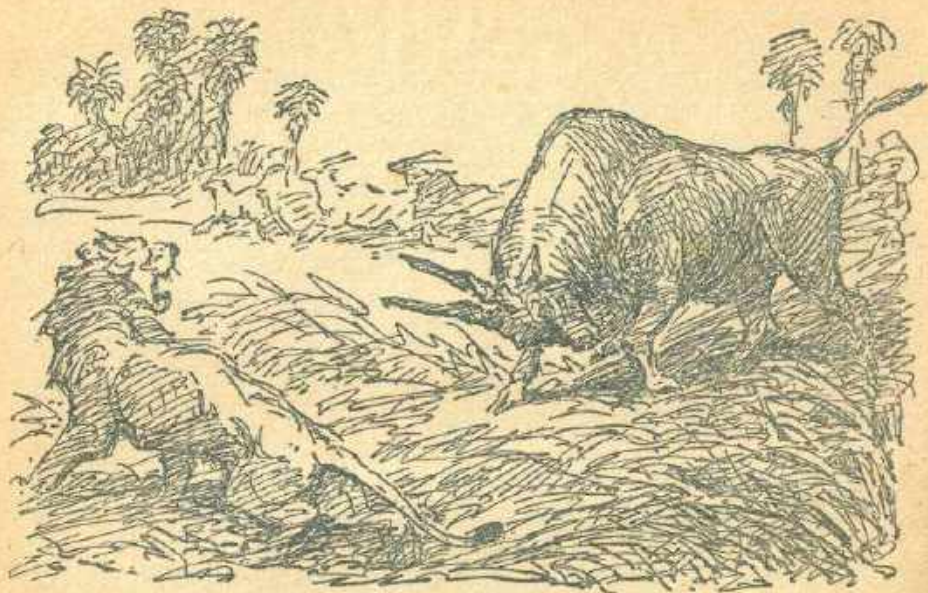
— Нет, я сказала —
они дерутся очень.

— Дерутся безобразно, это правильно. Но зато ты
знаешь, какой это зверь? Ведь сайгу во всем мире считают
по пальцам. Ведь всюду ее уничтожили, выбили. А ты вот
расспроси-ка своего папу. Он тебе расскажет, откуда она,
может, ведет свой род. Был такой допотопный — тьфу,
бишь, доледниковый — зверь сиватерий. У сиватерия хобот
в точности был такой же. А сайга наша ведь прозывается
хоботной антилопой. Эх, Варька, Варюшка! Вырастай ты
скорей, да поедem мы с тобой в степи наблюдать, как она
живет там. После напишем про нее сочинение, люди нам
спасибо скажут. Чует мое сердце — недолго еще погуляет
на свободе этот зверь.

— Хорошо, — ответила Варя. — Я буду стараться расти
скорей и все узнавать про сайгу. А ты все-таки береги
этих наших, на которых мы чуть не наступили сегодня.
Пускай они вырастут и еще расплодят столько же.

— Есть, замéтано! Ну, а теперь ты, Варька, беги скорее
к мамке. Она, бедная, отца никак не поймает ужинать, а
если еще дочка начнет пропадать, тогда она зaráз сникнет.

— Ладно, я побегу. До свиданья, дедушка Максимыч!
И она пустилась бежать через двор так быстро, как ей
позволяли ее коротенькие ножки.

ВОЛОДЬКИНО СЕМЕЙСТВО

I

Тихо-тихо на раскаленной, как сковородка, земле. Блещит на солнце песок. На песке четыре дерева, каких у нас в СССР не бывает: очень высокие стволы их одеты мягким войлоком. Жара там такая, о какой у нас и не слышали. Если бы деревья не оделись в войлок, они моментально бы высохли и погибли.

Вдалеке от деревьев синяя полоса — кустарники. Между кустов — аккуратно вытоптанная дорожка. Но это не люди вытоптали. Ни одного человеческого следа на дорожке вы не найдете. Только звери два раза в день проходят тут к водопою.

Над кустами показалась спокойная, величественная голова. Она такого же цвета, как песок, — серо-желтая. У нее прямые, крученые винтом рога и большие черные прекрасные глаза, а между ними на лбу — курчавые темные завитки.

Голова лениво шевельнула ушами и медленно поплыла над кустами. Огромное, грузное животное вышло на поляну и остановилось. Оно было больше хорошего быка. Гладкое мясистое тело его покрывала короткая мягонькая шерсть. По ней сразу видно было, что животному никогда не приходится иметь дело с холодами.

От подбородка, между передними ногами, почти до самых колен у животного свисала кожаная складка, вроде оборки на платье. Когда животное поворачивало голову, оборка тяжело колыхалась и волнилась. Всякий, кто посмотрел бы на него в эту минуту, прежде всего спросил бы: для чего ему эта тяжелая оборка? Ведь она же, наверное, задевает за кусты и мешает ходить.

Животное потянулось, зевнуло и с ленивой важностью стало спускаться по дорожке к маленькой лужице, чтобы напиться воды.

Вдруг за кустами мелькнула стремительная тень. Животное заволновалось. Надо было скорей поворачиваться и удирать от опасности. Но оно не умело торопиться. Пока оно поворачивало свое огромное тело, какой-то косматый молниеносный комок подлетел и вцепился ему в горло.

Животное рванулось и, забыв всю свою важность, бросилось наутек. С шумом и треском грузно неслось оно по кустарнику, ничего не слыша и не чувствуя, кроме ужаса.

Тяжелая волнистая оборка колыхалась на груди. Огромный кусок ее был вырван. Кровавые лохмотья болтались и хлестали животное по ногам. Они, правда, задевали за кусты и причиняли острую боль, но зато, не будь этих лохмотьев, не будь самой оборки, животное теперь лежало бы мертвой тушей. Косматый комок был старый разбойник — лев, а животное — очень сладкая на вкус антилопа канна.

Правда, она самая большая антилопа в мире, но все-таки — что она может сделать со своей неповоротливостью, когда этот разбойник нападает исподтишка и норовит сейчас же перегрызть горло?

Вот тут-то и выручает оборка. Лев вцепится зубами, а до горла-то еще далеко. Пока он терзает подгрудок, можно вырваться и повернуть к нему рога. А рогов он не любит. Рога не такие вкусные, как мясо.

II

Еще раз было такое же знойное утро. Три канны-оленебыка паслись под бамбуковыми деревьями. Могучий и сильный самец изредка поднимал свой курчавый лоб и водил по сторонам черными глазами. Каждый раз при этом бросалась в глаза громадная выемка — рубец на его подгрудке.

Это был наш старый знакомый. Рядом с ним паслась самка. У нее были такие же рога, такая же оборка и такая же короткая шерсть. От самца она отличалась только тем, что была поменьше ростом и не такая жирная.

Между взрослыми антилопами бегал маленький, совсем еще несмышленный детеныш, бычок. Он вертел тоненьким хвостиком, брыкался, храбро убежал от отца с матерью далеко в сторону, а потом пугался и, прискакав обратно, прятался к матери под живот.

Когда солнце поднялось высоко, дышать стало трудно. Канны зашли в тень и, согнув по-коровьи ноги, легли отдыхать. Набегавшийся сосунок устроился между родителями и моментально заснул. Но старому самцу не спалось. По временам до него доносился откуда-то странный запах. Оленебык раньше никогда не слышал этого запаха. А животные очень боятся всего, что им незнакомо.

Самец поднялся и вышел на открытое место. Сбоку от него зашуршали кусты, и десять темных голых фигур высыпали на опушку. Один махнул рукой. Длинная острая палка больно впиалась в плечо канны.

До сих пор оленебык имел дело с врагами, которые кидались на него, стараясь вцепиться зубами в оборку, в спину, в загривок. Эти же враги кусались на расстоянии. Они стояли шагах в двадцати, а их длинный острый зуб все-таки достал его и вонзился в плечо.

Оленебык побежал — не туда, где осталась самка с детенышем, а в другую сторону. Голые черные люди погнались следом, крича и размахивая копьями. Они сразу увидели, что тяжелой, неповоротливой антилопе нечего надеяться на свои ноги. Такой зверь не мог долго бежать.

Они рассчитали правильно: канна стал быстро уставать. Люди догоняли его, и острые колья вонзались ему то в спину, то в бока, то в ноги. Канна бросался быстрее, но через минуту уставал еще больше.

Это был последний бег громадной антилопы. Через час люди загнали его до изнеможения и закололи своими копьями. Они возвращались домой счастливые и довольные. Восемь человек несли на плечах бамбуковые палки, на палках были развешены куски сладкого мяса канны. Двое людей несли тяжелую, только что снятую шкуру. Оба они, насколько им позволяла тяжесть, приплясывали от радости и громко пели:

Вот кожа гордого канны!
Вот кожа громадного оленебыка!
Ни острые стрелы, ни меткие колья
Не пробьют этой кожи!
Хо-хо! Мы отделаем ее и высушим.

Люди принесли добычу к своим жилищам. Увидев ее, темнокожие голенькие ребятишки начали кувыркаться и хлопать себя по ляжкам.

Вечером в селении был пар. Люди ели сочное мясо оленебыка и громко рыгали, чтобы показать, как они счастливы и довольны. Потом много танцевали и пели песни.

Из великолепной кожи темные люди наделали ремней и петель для ловли диких зверей. Из нее же они сделали огромный, разукрашенный перьями и расписанный яркими узорами щит для своего вождя.

И старый вождь, самый мудрый из людей селения, радовался, как маленький, потому что чудесная кожа канны, натянутая на щит, заставляет отскакивать стрелы и во время сражений спасает жизнь.

III

Маленький бычок проснулся от тяжелого топота и треска сучьев. В тот же момент послышался угрожающий шум: это кричали люди, которые погнались за его отцом.

Их крики были до того страшны, что бычок весь задрожал и чуть было не шарханулся бежать. Но он глянул на мать: она стояла не шевелясь, даже как будто не дыша. И, хотя она ничего ему не говорила и не показывала, он замер точно так же, как она. Это было очень во-время, потому что шагах в десяти от них мелькнула темная фигура. Бычок разглядел меж кустов сперва голые ноги, а потом — уже гораздо позднее — плечи, голову и спину.

Когда все стихло, канны снялись с места и ушли далеко в противоположную сторону. Там они встретили еще пять взрослых канны с тремя маленькими сосунками и пристали к ним.

С этого дня наш бычок узнал, что есть враги пострашнее львов, тигров и других зверей. Голым людям так понравилось мясо оленебыка, что они все чаще стали появляться в кустах и на полянах. Они были неутомимы, и от них почти нельзя было спрятаться.

Жизнь стала беспокойной и опасной. Все время канны проводили в страшном напряжении. Даже во время сна нужно было очень чутко прислушиваться, не зашуршат ли где кусты, не запахнет ли голым человеком. Чуть что, надо было срываться и бежать до тех пор, пока не захватит дух.

И все-таки много канны погибло под ударами метких копий. А главное — такая тревожная жизнь не годилась для канны. Это было добродушное животное, которое питалось травой и никого не трогало. Кроме того, у него было слишком большое, неповоротливое тело. Для такого тела преж-

де всего нужен покой, а его заставляли вечно метаться, вечно бегать, как какого-нибудь шакала.

Вот в такой тревожной обстановке наш бычок вырос и сделался большим оленебыком. Он был гораздо хуже своего отца. Движения его не были так плавны и величественны. Но зато он был сильнее, легче и быстрее на ноги. От постоянных опасностей его зрение, слух и обоняние стали гораздо острее и тоньше, чем у отца. К голому человеку он применился и научился легко избегать его. Один раз было так. Во время охоты оленебык столкнулся с человеком один-на-один. Человек укусил его длинным зубом. Он рассвирепел и подбросил человека рогами. Человек упал в середину кустарника, прямо на гибкие ветки. Он не разбился. Ветки были совсем как пружинный матрац. Он плюхнулся на этот матрац вверх ногами и завопил от ужаса. Оленебык испугался еще больше, чем человек, и убежал. Вечером в своем селении голые люди кричали:

— Могучий канна стал бросаться на людей! Злой канна убивает человека и проглатывает его живым! Скоро чудовищный канна придет к нам в селение и будет пожирать наших детей!

Они не знали, что за сотню верст от них, в таком же селении, «злой» канна ходил в упряжке, пахал людям землю, и маленькие дети погоняли его прутиком, сидя верхом у него на спине.

IV

Однажды в селении появились белые люди севера, люди в парусиновых костюмах и пробковых шляпах. И вот на канну обрушилась последняя страшная напасть.

Голые люди охотились на канну для еды, из-за того что у него вкусное мясо. Новым пришельцам не нужно было мяса, они и так были сыты по горло. Там, на родине, тысячи рабочих и крестьян день и ночь трудились на них, и у них было все, чего только можно захотеть.

Они не убивали канну для еды, а истребляли просто так, от нечего делать, только чтобы можно было похвастать друг перед дружкой: «Пот смотрите, какой я смелый, отважный охотник: за один день убил пять таких громадных животных!»

Они не могли понять, что никакой тут смелости и отваги нет. Ну при чем же тут смелость, когда канны даже не видели их? Белые люди прятались в кустах со своими великолепными ружьями, которые убивали за версту. Голые люди нагоняли на них зверя. Раздавались выстрелы. Животные падали. Вот и вся храбрость,

Бедные канны совсем обезумели. Они бегали теперь целый день, бегали уже не от людей, а так, неизвестно куда и зачем, потому что из каждого куста мог раздаться выстрел невидимого врага.

Громадные животные гибли, как мухи. С каждым днем в этой местности их становилось меньше и меньше. Нашего оленебыка спасали только счастье да быстрые ноги. Но, конечно, не сегодня, так завтра погиб бы и он. Непременно бы погиб, если бы не тот же счастливый случай.

Убегая все дальше от выстрелов, оленебык со своим стадом наткнулся на другую партию парусиновых костюмов и пробковых шляп. Тут сначала все было так же: голые люди гнались за стадом, орали и стучали; испуганные животные шарахались от каждого куста, ожидая выстрелов.

Но в этот раз не раздалось ни одного выстрела, ни одно животное не упало. Их немножко дольше, чем всегда, гнали, а потом они каким-то образом очутились в большом бревенчатом дворе.

Из этого двора наш оленебык и пять взрослых самок с двумя телочками вышли, со всех сторон обвязанные веревками, в сопровождении целой армии голых и четырех одетых людей. Они пять дней шли пешком. Потом их посадили в огромные клетки и повезли: на лошадях, по железной дороге, на пароходе, опять по железной дороге и на волах. Наконец один из сопровождающих сказал другому:

— Ну вот, мы и дома. Вон видишь — башня круглая? Это и есть Аскания-Нова.

Из Африки, через громадные пространства земли и моря, канны попали на Украину, в наш поселок.

V

Три месяца наш оленебык пробыл в комнате за железной решеткой. Каждый день появлялись люди. Но это были люди какой-то особой породы. Они не кусались, не бросали в него острых палок, не стреляли. Наоборот, были очень ласковы, а главное — каждый день они аккуратно приносили большую охапку вкусного сена и немножко отрубей.

Сначала было страшно есть то, что пахло руками человека. Но наш оленебык от природы был добродушным и незлопамятным животным. Очень скоро он уже не только ел то, что пахло руками человека, но и позволял этим рукам до себя дотрагиваться.

Ему дали прозвище — Володька, по имени человека, ко-

торый его привез. К концу третьего месяца он так привык к этой кличке, что стал поворачивать на нее голову. Тогда пришел лысый человек в очках, с какой-то загогулиной в руках, и стал ею измерять Володьку с ног до головы.

Потом дверь станка открылась, и человек, стоя в соседнем станке, поманил Володьку пучком зеленой травы. Чтобы достать ее, нужно было пройти короткий узенький коридорчик. Володьке очень хотелось травы. Он осторожно поставил тяжелую ногу на деревянный пол коридорчика и медленно вылез в него весь. Тогда вдруг сразу и спереди и сзади захлопнулись двери. Володька в недоумении остановился. Человеку как раз это и нужно было. Он хотел взвесить нового канну. А как его поставишь на обыкновенные весы, такую махину? Ведь не будешь же его просить: «Товарищ Володька, взойдите, пожалуйста, на весы!»

Вот для этого и устроили деревянный коридорчик. На самом деле это были обыкновенные весы, только с высокими стенками, чтобы за ними можно было спрятаться и наблюдать за стрелкой.

Когда Володька остановился, стрелка показала восемьсот тридцать килограммов.

— Ого! — сказал человек. — Для начала недурно.

Володька рассердился на дверь и уже нагнул рога, чтобы трахнуть ее как следует. Но дверь сама раскрылась и выпустила его.

Володька степенно вышел на волю. Он гордо нес большую курчавую голову с блестящими рогами. Широкий подгрудок колыбался у него почти до земли, а кожа морщилась и ежилась, как будто смеялась, чувствуя солнце и ветер.

Оленебык вышел в ковыльную степь. И тут вдруг забыл всю свою важность. Он опустил голову, гмыкнул, как теленок, и брыкнул воздух могучей и важной ногой.

К своему удивлению, он нашел там не только тех канн, которые с ним приехали, но и других, точно таких же.

В первые дни Володька совсем ошалел от свободы. Ему постоянно встречались черные антилопы, бейзы, нильгау, гну — все те животные, с которыми он сталкивался на родине. И он, должно быть, вообразил, что это Африка. Он очень чутко спал, постоянно прислушивался и принюхивался: не выскочит ли откуда-нибудь косматый лев, чтобы вцепиться в горло, не запахнет ли голым человеком?

Но новая Африка была удивительной страной: в ней не было ни одного врага, никакой опасности. И Володька первый раз в жизни почувствовал себя настоящим оленебыком — таким, каким его создала природа.

VI

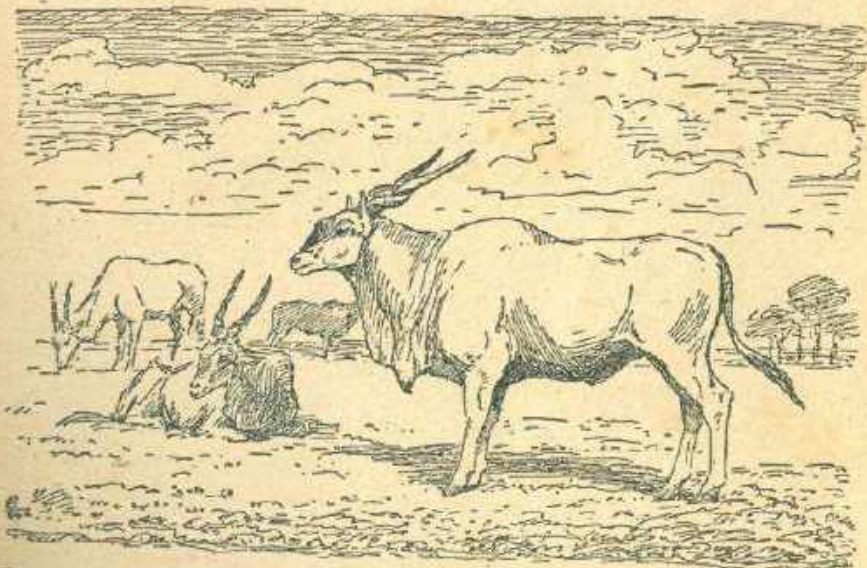
С тех пор прошло девять лет. За Днепром, в широкой украинской степи, сейчас гуляет стадо сказочно прекрасных животных. С каждым годом все больше маленьких озорных телят носится вокруг заботливых матерей. С каждым годом все больше громадных, сильных быков пасет и оберегает отелившихся самок.

Антилопы совсем обручнели и перестали бояться человека. Вечером, чуть станет садиться солнышко, они сами идут к садам и строениям поселка, сами заходят в ворота загона и ложатся спать.

Ночь. Тихо и беззаботно спит молодежь и самки, а старые быки стоят над ними неподвижно, как статуи, и их длинные рога, отклоненные назад, упираются в звездное небо.

Общепризнанным вожаком стада является бык, который больше, сильнее и красивее всех других. Это наш приятель Володька. За девять лет привольной жизни он разъелся и разжирел. Кожа у него сделалась гладкой, как атлас; курчавые завитки на лбу завились еще круче. Как только исчезли всякие враги и опасность, к нему вернулись отцовская лень и спокойствие. По величю и плавности движений он теперь заткнул бы за пояс и своего отца.

И только, когда ему надо отстоять свое право на зва-

За девять лет привольной жизни Володька разъелся и разжирел.

вне вожака, в нем просыпается дикая сила. А соперников у него становится все больше. Ведь одних его собственных сынков в стаде растёт целая тройка, не считая тех, которые уже распроданы по городским зоопаркам.

Правда, все они и в подметки не годятся отцу. Это уж какие-то не те канья: глаза их хуже видят, нос тупее принимает запахи, уши не так слышат. В драке они совсем уж неповоротливы.

Но есть среди них один, который во всем вылитый папаша, как будто он только сейчас приехал из Африки. Это гордость старшего рабочего Сашко — Бушмен. Сашко сам его выкормил из соски, выходил и теперь всем его ставил в пример:

— Нет, вы поглядите на моего Бушмена! Где вы видали такую красоту, а? Вот погодите, даст он пить вашему Володьке!

И в самом деле, этот нахальный сынок все смелее и смелее подкапывался под отца. Раза два они уже схватывались.

Володька пока побеждал. Но он чувал, что настоящий, решительный бой ещё впереди.

Неизвестно, кто бы из них уцелел в этом бою, если бы люди не вмешались в их распрю.

Как-то в степь пришел Павел Федотыч с Сашко и еще одним человеком, приедем. Володька с Бушменом как раз паслись вместе. Павел Федотыч с гордостью показал на них приезжему:

— Как вам нравятся эти малютки? Вы посмотрите, один костяк чего стоит! Ведь если мы на такой костяк нарастим побольше мяса да разведем их в таком количестве, как, скажем, свиней, то мы же завалим мясом весь мир. И каким чудесным мясом! А кожа! Вы имеете представление о технических качествах кожи оленебыка?

— Н-да, — поспешино согласился приезжий, не дослушав до конца. Он на всякий случай отступил подальше, потому что «малютки» подняли свои длинные рога и уставились на него.

— Знаете что? — продолжал Павел Федотыч. — Мы вам дадим вот этого, Бушмена. Обидно отдавать такого красавца, но ничего не поделаешь: иначе они запорют друг друга.

Сашко так и подскочил на месте.

— Как? Бушмена отдавать? Что вы, Павел Федотыч!

Приезжий человек был послан Ленинградским зоопарком, чтобы купить в нашем поселке одного быка канну. Сашко долго отстаивал Бушмена, предлагал вместо него других, но в конце концов согласился, что иначе нельзя.

— Послушайте, а вы как же думаете, — спросил приезжий: — в клетке его отправить?

— Зачем в клетке? Тут мы его погрузим вам в вагон, а там вы уж как хотите.

— Нет, знаете, я несогласен. Кто его знает? Все-таки дикий зверь. У него вон какие рожищи. Вы лучше отправьте его со своим человеком. Мы вам оплатим расходы. А я, знаете, не рискую. Как я с таким страшилищем в Ленинграде вылезу?

— Павел Федотыч, можно мне с ним поехать? — попросил Сашко. — Жалко же! Ведь он мой выкормок. Уж я его доставлю в целости и сохранности.

— Ну что же, поезжай. Теперь работы немного.

VII

Вы знаете Ленинград? Это очень большой город, который ничему не удивляется. Пролетит аэроплан — никто на него даже не посмотрит. Заговорит на площади невидимый громкоговоритель — мальчишки отмахиваются: отстань, мол, надоед ты со своими операми!

Но нынешним летом и ленинградцев пробрало. Они не только удивлялись, но прямо бежали по улице, вылезали на ходу из трамваев, кричали, спорили и совершенно не слушали милиционеров.

Канна спокойно шагала вдоль Октябрьского проспекта.

— Да что вы, граждане? Как деревенские! — пробовали стыдить их милиционеры.

Но ленинградцы забыли, что они ленинградцы. Они вели себя так же, как голые африканские люди, танцовавшие вокруг убитого канна.

Только на этот раз канна не был ни убитым, ни загнанным. Наоборот, он был гладким, холемым и важным. Он спокойно шагал вдоль Октябрьского проспекта, разглядывал афиши и движущиеся рекламы и изредка наклонял рога навстречу гудящему автомобилю.

Сашко шагал впереди. Час тому назад он выгрузил своего воспитанника из вагона. Накинув ему на рога один конец веревки, он сунул другой конец себе подмышку, и оба приятеля пешком отправились в зоопарк.

Ни тот, ни другой не могли понять, почему это люди шумят и бегут за ними толпой, почему взволнованный милиционер кричит и требует три рубля штрафа.

Сашко старался не обращать на них внимания. Он поглаживал Бушмена и разговаривал только с ним, стараясь подбодрить и его и себя:

— Иди, иди, Бушка! А на них ты начхай. Им делать нечего, вот они и разевают рты.

Так, с трудом пробираясь сквозь толпу, дошли наши друзья до улицы Красных Зорь. Вдали виднелись уже деревья зоопарка.

Но тут еще новый милиционер пристал к Сашко, как репей. Он тыкал пальцем в Бушмена, свистел и грозился забрать в отделение. Пришлось отдать ему три рубля.

Это вывело Сашко из терпения. Он стал сердито отгонять любопытных, а на одного франта и вовсе заорал во все горло:

— Разойдись, хлопче! Ну, чего глаза вырчил? Подумаешь, невидаль — домашний оленебык!

ДЕДУШКИН ПИДЖАЧОК

I

Когда я была совсем еще сосунком, дедушка мой привез из Харькова новый пиджачок. Пиджачок был из особенной, дорогой и очень красивой материи. Все любовались обновкой, а дедушка красовался и с гордостью всем объяснял:

— Это не простая материя. Это шерсть замечательного животного из породы лам. Ламы живут в горах Южной Америки, и самая лучшая шерсть у ламы альпака. Вы, может быть, думаете, что мой пиджачок выкрашен в черную краску? Ничуть не бывало: это натуральный цвет черной альпака. Она очень дорогая, эта шерсть, но зато из нее получают самые лучшие ткани.

С тех пор прошло тридцать пять лет. Дедушка каждый день щеголял в своем пиджачке. И пиджачку от этого ровно ничего не делалось. Он оставался таким же красивым, блестящим и свежим.

На улице дедушку постоянно спрашивали: — Скажите, пожалуйста, где вы купили ваш новый прекрасный пиджачок?

— Новый? — переспрашивал дедушка и раздражался хо-

хотом. — Вот так история! Тридцать пять лет, не снимая, пошу пиджачок, и каждый год он все «новый»...

— Тридцать пять лет! Быть не может. Вы шутите?

— Да нет уж, молодой человек (у дедушки все люди — «молодые человеки», потому что сам он старше всех). Я, если вам угодно, говорю совершенно серьезно: куплен он в тысяча девятьсот втором году и с тех пор надевается без малого каждый день. Хо-хо!

— Вот это вещь! Дайте хоть рассмотреть ее как следует. И откуда она к вам попала, такая изумительная шерсть?

Все восхищались и щупали пиджачок руками. А дедушка, очень довольный, рассказывал про американское животное ламу.

— Неужели у нас нельзя развести такое чудесное и полезное животное?

— Скажите, в СССР нигде нет этих лам?

Тут дедушка выталкивал вперед меня.

— Про это вы лучше спросите вот внучку. Она все мечтает о том, чтобы все полезные звери со всего мира съехались к нам в СССР. Уж она знает, где кого разводят.

Конечно, меня начинали спрашивать, и я с удовольствием рассказывала про тех лам, с которыми мне удалось познакомиться в маленьком украинском поселке.

Таким образом многие узнали про Пахома, Гордячку, Шоколадку, Пеструху и про маленького Чарли Чаплина.

Если хотите, я могу рассказать вам про них еще раз.

II

Желто-белый самец ламы, Пахом, заносчиво вскинул вверх голову и отошел от забора. На морде у него было такое выражение, как будто он хотел сказать: «Я думал, там, правда, что-нибудь путное, а там просто два человеческих детеныша смотрят на меня в щелку».

— Тпрусь, тпрусенька! Иди сюда, на тебе хлеба.

Пахом невыразимо презрительно обернулся и поджал губы. «Ах, мол, оставьте вы меня в покое! Ну что вам от меня нужно?» Однако, подумав немного, он все-таки подошел и глянул на девочек сверху, через забор.

Он был вовсе не такой уж большой, голова только высокая. Во всяком случае, спеси в нем было гораздо больше, чем роста. А держался он так важно — ну, прямо как верблюд.

Но ведь у верблюда, не забываете, горб или даже два

горба. Потом, он очень большой. Потом, верблюд уже тысячи лет трудится на пользу человека. Ему можно гордиться и даже плевать на всех.

А Пахомову Америку и открыли-то недавно, раньше про нее даже не знал никто. Сам он низенький, на коротких мозолевых ножках, а шея такая длинная, что просто смешно, — гораздо длиннее ног.

Ну разве можно такому уродцу важничать и равняться с верблюдом? Правда, когда-то у лам и верблюдов был один и тот же родитель. Но ведь это было очень давно, и, кроме того, я не думаю, чтобы Пахом мог догадываться об этом.

Девочки не видели, что Пахом смотрит на них сверху, через забор. Они все еще заглядывали в щелку. Им видны были только его грудь да ноги. Лена совала в щель корочку хлеба и уговаривала его:

— На, на, Пахомчик! Возьми, не бойся. Ой, какой он патлатый! Смотри, Варя: шерсть сосульками так и висит!

И вдруг этот нахальный Пахом взял да и плюнул на девочек. Вот как он поблагодарил их за то, что они хотели угостить его хлебом!

— Ну, распустили животных! — сказала Варя в точности так, как говорил ее отец.

Лена вытерлась рукавом и погрозила Пахому:

— У, ты! Вот позову Индейца с Матвейкой, так они тебе нахлещут по морде.

Корочка осталась торчать в заборе. Пахом увидел ее и даже понюхал издали. Но он не решился взять ее губами, потому что не мог понять, к чему все это клонится.

Наверное, чтобы показать свое презрение и к этой корке и к человеческим детенышам, он поднялся на задние лапы и так прошелся вдоль забора. Потом остановился и что-то прокричал таким уморительным верблюжьим голосом, что девочки, забыв про обиду, упали от смеха на траву.

Три самки-ламы давно уже бросили пастись и с удивлением глядели на Пахомовы выкрутасы. Когда дело дошло до того, что Пахом заходил на цыпочках, а передние лапы стал прижимать к своей патлатой груди, они тоже направились к забору.

— Ламихи идут! Варюша, беги скорей, позови ребят!

Пришли удалые ребята — Индеец и Матвейка. Они еще по дороге придумали, как отомстить Пахомке.

— Вот что, — сказал Индеец: — тебя, Варя, мы посадим туда, к ламам. Ты только побеги от них. А мы на

столбах притаимся. Как они припустят за тобой да как побегут мимо нас, так мы и привесимся на них. А уж тогда накатаемся, сколько хочешь.

— Я боюсь. А если они заплюют меня досмерти?

— Кто-то им даст! Гляди, какой бич, видишь? И у Матвейки такой же.

Мальчишки оглушительно щелкнули бичами, и у Вари пропали все сомнения.

— А Лена? — спросила она, уже влезая на забор. — Пускай она тоже спустится к ламам.

— Нет, я буду кататься на Шоколадке, — ответила Лена. — Ты только сумей подманить их под самый забор.

III

Очутившись в загоне одна перед ламами, Варюшка сначала оробела. Но сквозь щели забора на нее смотрели шесть строгих глаз. Надо было показать свою храбрость.

— Ну, вы, Степки-растрепки! — крикнула она изумленному стаду. — Вот я на вас хрр... тьфу! Ну-ка, посмейте на меня наплюнуть!

И Варюшка, задрав нос, побежала вдоль забора.

Почти ни одно животное не может видеть убегающего, чтобы не погнаться за ним. Ламы все разом поприжимали уши и кинулись догонять.

Варюшка уголком глаза успела заметить столб, к которому прилепился Индеец. Не замедляя бега, она прорысила мимо него. И только она это сделала, как кто-то резко толкнул ее в спину. Девочка ткнулась носом в траву.

Раздался сердитый рев лам. Чьи-то ноги мазнули ее по затылку. Дальше она услышала восторженный хохот и крики:

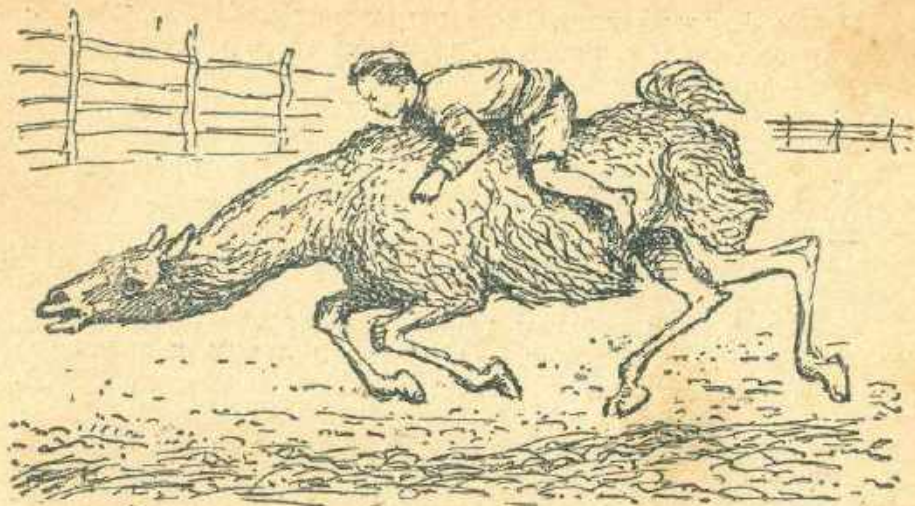
— Индеец прицепился! Индеец поехал! Глядите: он скачет верхом на Гордячке!

По степи неуклюже скакали ламы. На спине у Гордячки, вцепившись в ее густую шерсть, подпрыгивал Индеец. Матвейка с Леной бежали к Варюшке.

— А я промахнулся, — оправдывался Матвейка. — Пахом отпрыгнул от меня как раз, когда я...

— А я целилась на Шоколадку, но она как прищурилась на меня, так я и не смогла. Я аж с забора свалилась прямо на землю.

Но вот ламы оправились от испуга и почували, что на Гордячке сидит совсем неопасный враг. Они сразу остановились, а Гордячка даже легла.

— Глядите: он скачет верхом на Гордячке!

Индеец попал в трудное положение: один в степи, под ногами у рассерженных лам. Он, правда, не струсил и быстро вскочил на ноги. Но в это время Пахом преобильно укусил его сзади за мякоть.

— Ай! — вскрикнул мальчик. — Брысь ты, проклятый!

Пеструха сбоку цапнула его за ухо.

— Ой-ой! — Из глаз у него брызнули слезы. — Уйди, я тебе вот!..

Пахом и Шоколадка с двух сторон вцепились в рубаху и разорвали ее пополам.

— Ай, убивают! Спасите!..

Индеец вынырнул из-под морды Пеструхи и кинулся бежать. Матвейка с девочками застыли на месте. На их глазах Пахомка опять спиб Индейца и вцепился в его штанишки.

Ребята пронзительно закричали.

IV

Эти крики и услышали Павел Федотыч и я.

— Что такое? Где это? Бежим скорее — несчастье!..

В загоне Пахом расправлялся с Индейцем. Ламы смотрели на это холодно и равнодушно. Перепуганные ребята бурно рыдали.

— Папочка, отгони! — закричала Варюшка. — Вон у Матвейки кнутик.

Павел Федотыч отогнал лам и поднял избитого мальчика. У него сочилась кровь из уха и из голого бока. В разных местах виднелись ссадины и следы ударов.

Павел Федотыч попросил меня отвести мальчика к доктору.

— А вы все ступайте за мной! — строго приказал он Матвейке, Лене и Варюшке.

— Нет, мы тоже пойдем до больницы, — возразил хитрый Матвейка. — Может, Индеец умрет или сбегать за чем надо будет.

Я поняла, что ребятам теперь может здорово влететь.

— Верно, — сказала я. — Пусть они лучше сначала помогут товарищу, а вы им велите притти немножко после. Ну вот, прямо из больницы пусть и придут.

Павел Федотыч буркнул что-то под нос, и мы пошли в больницу.

— Еще, главное, говорят — в Америке она будто домашняя, — ворчал по дороге Матвейка. — Будто на ней там выюки возят, в индейских горах. Да я бы такую поганку кнутом бы так нахлестал!..

— Подожди, брат Матвейка. Еще неизвестно, кого из вас нахлещут: ее или тебя, — намекнула озорнику я.

— Тетя Оля, что нам теперь делать? Этот папка такой злой! Ну, прямо как Пахом.

Я засмеялась. Маленький и осанистый Павел Федотыч и в самом деле был очень похож на маленького и важного Пахома.

— Ты смеешься, — упрекнула меня Лена, — а нас, может быть, из школы прогонят! В прошлом году уж так было. Один страусовые яйца воровал. Павел Федотыч потребовал, и прогнали.

— Ну, а вы что же думали? Шутят, что ли, с вами, когда говорят, что к животным нельзя лазить? Ты, Варюшка, отлично знаешь, как твой папа мучается с ними. Ночей не спит, беспокоится, как бы их не испугали, не покालечили, не обкормили. Так же и Леночкин папа, и Индейцев, и Матвейкин дядя. А вы взяли и...

— Тетя Оля, я больше никогда не буду! Я думала, раз ламы домашние, то им только приятно будет, чтобы мы покатались немножко и угостили их хлебом. А они уж разошлись. Вот правда, тетя Оля, никогда больше не буду так делать!

— И даже другим намнем бока, пусть только сунутся к ламам, — мрачно сказал Матвейка.

Мы сидели в приемной комнате больницы. Доктор осматривал Индейца. Ребята поглядывали на дверь док-

торской комнаты, вздыхали и жалобно шмурыгали носами.

— Н-да, — сказала я грустно, — положение у вас очень некрасивое. Павел Федотыч шутить не любит.

Носы зашмурыгали сильнее.

— Раз она у индейцев домашняя, то что она — сдохнет, что ли, если на ней чуточку покатаются? — настаивал на своем Матвейка.

— Тетя Оля, Пахомка — вигонь? — внезапно сквозь слезы спросила Варюшка.

— Вигонь. А ты откуда знаешь такие подробности?

— Когда приезжали рабочие с Днепростроя, папа рассказывал им, что ламов бывает четыре сорта: лама, вигонь, потом какой-то на «однако» похоже...

— Гуанако?

— Ага! Это самый большой. А еще — у которого самая лучшая шерсть.

— Альпака?

— Верно! Как ты знаешь про все это?

Ребята с таким восхищением смотрели мне в рот, что я тут же рассказала им про замечательный дедушкин пиджачок.

— Вот, может быть, если бы наши ламы совсем обручнели, у Пеструшки, Гордячки и Шоколадки рождались бы в неволе маленькие пидж... то есть ламенки. Вы бы должны помогать разводить их, а вы мешаете. Хорошо будет, если после вашего катанья Гордячка заболит и сдохнет?

— Ой, неужели из-за одного только катанья? Тогда я... Тогда мы... Что же теперь делать? Мы же никогда, никогда...

Вышел доктор и объявил:

— Придется мальчика оставить в больнице. Ему наложили повязки, и все как будто хорошо, но у него сделался жар. Сообщите, пожалуйста, его родителям.

— Вот вам и еще одно удовольствие, — сказала я, когда мы вышли на улицу. — Реветь тут нечего. Надо просто понять и как следует запомнить.

Ребята плелись за мной, как пришибленные. Мы зашли на дом к Индейцу, а потом направились в лабораторию, к Павлу Федотычу. Я велела ребятам дожидаться меня у крыльца и ушла, унося на себе их молящие взгляды.

— Павел Федотыч, — сказала я, — ребят больше ругать незначем.

— То есть как это незначем? Не только ребятам, но и отцам их пропишу. А уж Варьке своей такого перцу за-

дам, что она у меня навсегда запомнит. Безобразие! Дорогие животные, день и ночь не знаешь покоя с ними, а тут...

— Павел Федотыч, ребята все это уже слышали. Они целый час проревели в больнице. Они больше и сами не будут и другим не позволят.

— Все равно, — насупившись, ответил Павел Федотыч. — Я свои обязанности тоже знаю.

— Ну, простите уж вы их для первого раза. Вот увидите, они больше никогда не будут.

— Еще бы! Я им отобью охоту.

— А знаете, — сказала я рассердившись, — ребята, пожалуй, правы. Они говорят, что вы такой же надутый, как Пахом, только еще злее.

Тут я услышала такой взрыв смеха, что даже привскочила на стуле.

— А ну их к свиньям! Пускай убираются, куда хотят. Только пусть на глаза мне не попадают.

V

Все-таки весь этот день Павел Федотыч был необыкновенно мрачен и зол. Работники поселка старались не встречаться с ним, а если встречались, то уходили от него красные и обиженные.

Мы удивлялись: неужели эта ребячья шалость так расстроила его? Ведь в конце концов ничего ужасного не случилось.

Только вечером я узнала, в чем дело. Оказывается, Гордячка уже двенадцатый месяц носила маленького. Ламы так устроены, что у них это незаметно, но маленький ламенок уже скоро должен был родиться.

Вечером я зашла к Наталье Александровне за книгой, а она говорит:

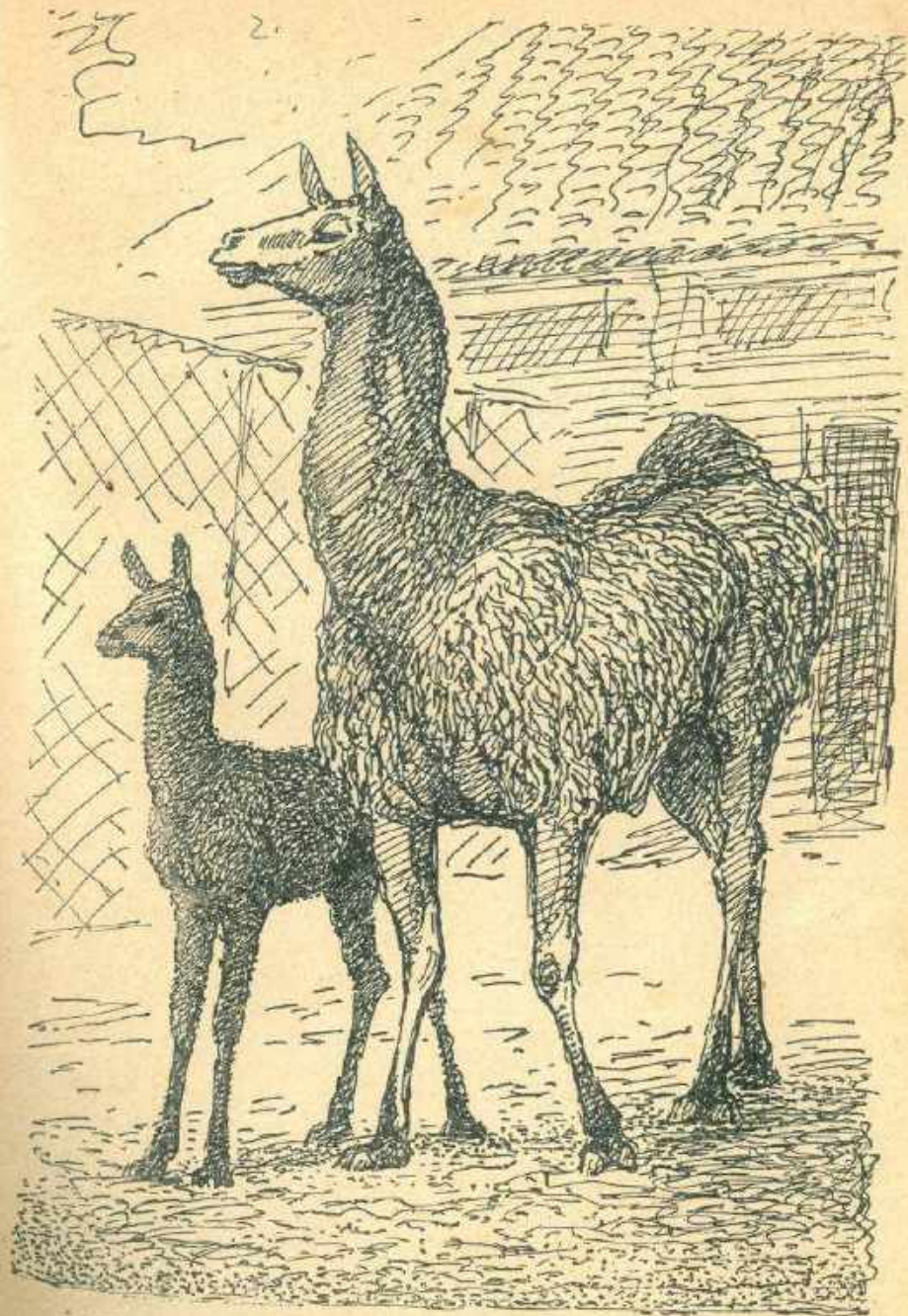
— Павло совсем голову потерял. Эти мерзкие ребята покатались сегодня на Гордячке, и вот у нее маленький рождается. Только, кажется, раньше, чем нужно. Подумайте, какое будет горе, если ламенок родится мертвым или уродцем!

Жалобный плач послышался из кровати.

— Молчи! — сурово сказала Наталья Александровна и пошла искать для меня книгу.

— Ничего, девчура, не огорчайся! Может быть, он родится здоровенький, — успела шепнуть я Варе. — Может быть, все еще отлично обойдется.

— Маленький пиджачок... — сквозь слезы вспомнила Варюшка.

Ламенок видел, до чего мы все любимся им, и форсил.

Наутро Павел Федотыч позволил нам с Варей пойти вместе с ним. Едва мы подошли к двери степного загона, оттуда выглянул какой-то веселый малый.

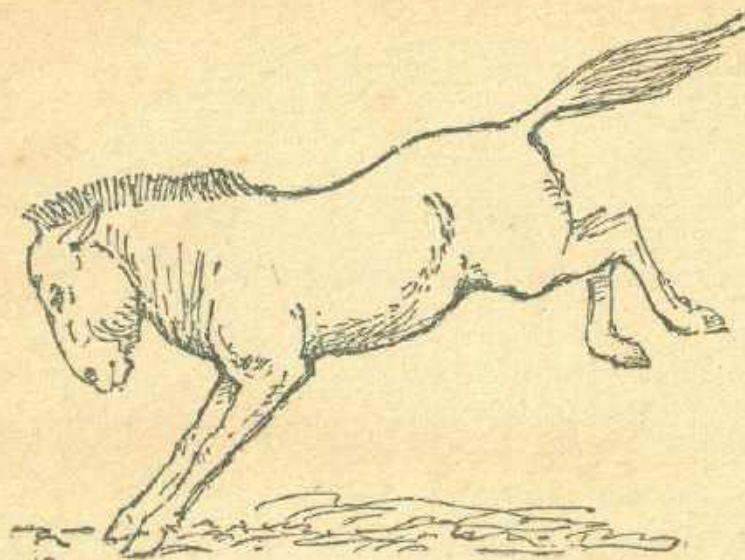
Светлокаштановые крупные локоны завились у него по всему тельцу. Мордочка была голенькая, глазки уже сейчас, с первого дня, заносчивые, как у Пахома, а губы морщились в лукавую усмешку.

Он вышел нам навстречу, принюхался и стал тереться боком о стенку сарая. Ничего у него и не чесалось, а просто он видел, до чего мы все любимся им, и форсил.

— Ой, какие ноги комичные! — восхищалась им Варя. — До самой щиколотки как будто широкие брючки. Знаешь, как у кого? Как у Чарли Чаплина в кино.

Мы все засмеялись, и ламенок хохотнул за компанию с нами. Так его тут же и назвали Чарли Чаплиным.

А настоящий Чарли, тот, который артист и живет в Америке, наверно, и не знает, какой славный однофамилец есть у него на Украине.

ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Скажите правду: приходилось ли вам в самом разгаре работы или игры влетать со двора в комнату с перепачканным лицом, с горящими глазами, с растрепанными, торчащими дыбом волосами?

В таких случаях всегда кто-нибудь закричит:

— Да ты что, взбесился? Смотри, на кого ты похож, совсем дикий!

И это верно. Это уж самый первый признак. Если волосы стоят кверху, а не свешиваются на лицо и на шею — значит, животное дикое.

В Монголии около полсотни лет назад на караван знаменитого путешественника Пржевальского наскочил табунок большеголовых буланых лошадей. Чолок у лошадей не было вовсе, а густая короткая грива дыбом стояла кверху.

Пржевальский сразу же догадался, что перед ним еще никем не виданные дикие лошади.

Он погнался за табунком. Но табунки быстро скрылись, и, сколько он ни искал, живую дикую лошадь ему уже больше ни разу не посчастливилось увидеть. У местных охотников он разыскал только шкуру и череп такой лошади.

ди. Описал все это и отправил в Ленинград (который в то время назывался Петербургом), в Академию наук. По его письму и этим останкам ученые определили, что он действительно открыл до того времени неизвестный в науке, новый вид животного.

И растрепанная лошадь получила название «лошадь Пржевальского».

Потом люди, которые изучают, откуда произошли домашние животные, выяснили, что эта дикая лошадь сродни почти всем восточным домашним лошадям. Узнав обо всем этом, люди, конечно, отправились сейчас же ее ловить. Им захотелось рассмотреть ее поближе, изучить ее нрав и обычаи и сделать из нее домашнее животное.

У людей с давних пор завелась такая привычка: диких животных они стараются приручить и заставляют их приносить пользу в своем хозяйстве.

Вы думаете, кошка и собака всегда жили с людьми? Или, например, курица? По-вашему, она всегда только и думала, как бы нанести вам яичек для завтрака? Когда-то курица была дикой, жила она только в Индии, а потом обручнела и вместе с человеком расселилась по всему миру. Сейчас она не могла бы и одного дня прожить без человека.

Так почему же эта дикая лошадь носится до сих пор без дела в монгольских степях?

Заграничные поставщики диких животных, которые ловят зверей для разных зоопарков в Африке, в Индии, в Америке, на островах всех океанов, в горах и под водой, удивленно разводили руками. Все заказчики вдруг в один голос стали требовать: поймайте или купите в Азии дикую лошадь Пржевальского.

Поставщики приехали на Украину. Там в это время богатый купец Фальцфейн устроил степной зоопарк Асканию-Нова. У него были самые редкие дикие животные. Но лошади Пржевальского не было и у него. Это еще пуще раззадорило всех; каждому захотелось приобрести ее первому. За нее предлагали огромные деньги.

Дикая лошадь сразу понадобилась и для науки и для торговли.

Фридрих Фальцфейн — «овечий король» — развязал свой кошелек. Ученые написали о лошади Пржевальского интересное сочинение и затеяли спор о том, действительно ли она дикая лошадь, или только одичавший потомок домашней. Ведь она водится как раз в той местности, где когда-то были цветущие города, где под вековыми песками погребены остатки высокой культуры, где сейчас раскопаны

стены мертвого города Хара-Хото. Может быть, и эта лошадь остаток той же древней культуры? Пока ученые спорили, сибирский торговец Ассонов снарядился в Монголию ловить эту загадку.

I

Сорок лет тому назад в равнине Кобдо произошло это замечательное событие. Была весна. Дикие кобылицы недавно ожеребились, и сосунки-жеребята резвились около матерей. Дикие лошади — смелые и решительные животные. Вожаком в табуне был взлохмаченный, покрытый рубцами жеребец, испытанный драчун и забияка. Он чуял людей, но не знал, что ему делать. А люди тем временем изучили местность и расставили по равнине через каждые пять верст свежих оседланных лошадей, чтобы пересаживаться на них во время охоты.

Они двинулись к табуну, звеня сковородками, медными котелками и дико трубя в большие трубы.

Кобылицы испугались за жеребят и побежали. За ними помчался весь табун. Вожак бежал сзади всех; он часто останавливался, нюхал ветер и сердито храпел.

Табун легко добежал до первой подставы. Тут люди пересели на других лошадей и, не давая ни минуты отдохнуть табуну, погнали его дальше. На следующей подставе люди опять переменили лошадей; после третьей перемены за уставшим табуну погнались новые люди, опять на свежих конях. А дикие лошади уже пробежали без отдыха целых пятнадцать верст. Взрослые могли бы бежать и дальше, но с табуну были жеребята. Они устали, проголодались, им хотелось пососать молока и полежать на траве. Они останавливались и звали своих матерей.

После четвертой перемены они шатались от усталости, плелись в хвосте табуна и каждую минуту спотыкались.

Дикий вожак разлохматился еще больше. Теперь он понял, чего добивались люди. Он кусал, подгонял жеребят, и глаза у него горели пронзительно и страшно. А жеребята не могли больше бежать. Наконец самый маленький упал и остался лежать на траве. Над ним остановились остальные и стали примериваться, как бы тоже улечься. Они уже подгибали передние ноги, но вожак так на них влетел, что они собрали силенки и кинулись догонять матерей.

К оставшему жеребенку подскакали люди. Они накинули ему на шею петлю и закричали:

— Ага, попался, звереныш! Теперь нечего крутиться волчком. Навались, навались на него разом! Вот так.

Маленькая дикая лошадка отбивалась изо всех сил. Она брыкалась, подскакивала, падала. Но люди все-таки одолели ее, связали ременными лентами и прикрутили к мягким носилкам. Носилки они привязали к двум вьючным лошадям. Несколько человек, торжествуя, повезли жеребенка к привалу. Жеребенок отчаянно заржал, уезжая в носилках, но никто его не услышал. Вожак подгонял к табуну малышей.

К вечеру изловили еще четырех жеребят.

А когда споткнулся и повалился на землю последний, жеребец не бросил его и не побежал за табуном. Он стал над жеребенком, вздернул кверху открытую, смелую морду, раздул широкие ноздри и остался защищать его от врагов.

Он даже бросился к ним навстречу. Он ничего не боялся, этот дикий жеребец. Бурей носился он по полю, рыл землю копытом, лязгал зубами. А зубы у него были, как у хищного зверя, белые, длинные.

Когда жеребенок отлежался, вожак дернул его зубами за гриву, поставил на ноги и, покусывая, погнал к табуну.

Люди только в головах почесали. Очень уж было у него решительное лицо, у этого вожака.

II

Жеребята приехали в большой город. Отсюда четыре кобылки отправились в Асканию, к овечьему королю, а пятый, жеребчик, поехал в Петербург, к русскому царю. Все газеты напечатали тогда о том, что овечий король сделал царю этот подарок, и прибытие диких лошадок наделало много шума.

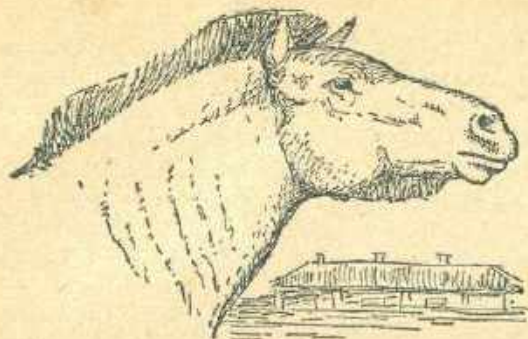
Но дальше о судьбе жеребенка никто ничего не писал. А случилось с ним вот что.

Подарить-то конька подарили, а что делать с ним на царской конюшне, никто не знал. По правде сказать, делать ему там было положительно нечего. Для парада дикий конек не годился, потому что вырос он страшным растрепой, с большой бородой и коренастым, маленьким телом.

Рядом с холёными кровными царскими конями он казался совсем замазурой. У них кожа была словно шелк, а дикий Васька и в теплой конюшне на зиму запахливо обрастал шубой. У них грива лежала на шее красивыми редкими локонами, а у Васьки безобразно торчала вверх, как густая полая шетка. У них копыта были блестящие и ровно подрезанные, как ногти у придворных красавиц,

Он стал над жеребенком и вздернул кверху открытую, смелую морду.

Грива у Васьки безобразно торчала вверх, как густая полая щетка.

за послушными кровными лошадьми. С ними ладить легко. Они так давно живут с людьми, что почти понимают людской разговор и решительно во всем людям доверяют.

А Васькины родственники никогда не видали людей и считали их такими же врагами, как медведей или тигров. Васька всегда был настороже. Каждую минуту он ждал от людей нападения.

И скоро они действительно напали. Выгнали Ваську во двор. Что-то шлепнулось ему на спину. Это было седло. Васька с визгом сорвал его зубами и зашвырнул через ограду. Он набросился на наездников, избил их передними ногами и одного забил насмерть.

Конюхи совсем возненавидели Ваську и стали думать, как бы его отравить.

К этому времени царь побывал в гостях у овечьего короля и узнал, что в Аскании печально стареют четыре дикие кобылки.

— А почему же у них нет жеребят? Позаботьтесь достать жеребца. Разве нельзя где-нибудь разыскать такого?

Царю почтительно объяснили, что в Российской империи имеется только один дикий жеребец — Васька — и он находится в его собственной «августейшей» конюшне.

Царь величественно поднял брови и размахнулся:

— Э-э-эм-мэ-э... Как вас... Распорядитесь, чтобы дикого жеребца Ваську из нашей конюшни... э-э-э... подарить господину Фальцфейну.

Так Васька, дважды подаренный, снова встретился в Аскании со своими монгольскими подружками.

а у Васьки от стояния на месте отросли и завернулись самоварной трубой корявые, крепкие, как железо, копыта. Он ходил на них раскорякой.

Конюху, который сунулся было подрезать ему эти копыта, он откусил палец.

С этого дня конюхи начали с Васькой ссориться. Они привыкли ухаживать

Сейчас в Аскании уже целый табун диких лошадей. Между прочим, там живет родной внук знаменитого Васьки. Ему уже больше тридцати лет. Весь лоб у него, как у всех диких лошадей, совершенно седой. Зовут его Мишка. Несмотря на свои почтенные седины, Мишка — большой плут. У него на губах растут очень интересные, жесткие, как иголки, чувствительные волосы — вибрисы. Эти свои усы Мишка дает потрогать только за кусок сахара.

Работник, который ухаживает за дикими лошадьми, их не боится. Он говорит, что жеребятами они совсем ручные. После, когда вырастают, становятся дикими, и даже очень дикими. А к старости снова ручнеют.

Пока он это говорил, Мишка толкал меня мордой, намекая насчет сахара. А другой, молодой, жеребец — Мижур — вздыбился, схватил зубами верхнюю перекладину станка и так висел на зубах да еще визжал от злости.

Я протянула было ему сахар, но работник сказал, что если Мижур в кого вцепится, то хоть бей его, хоть убей, он все равно не отпустит.

Тогда я отдала сахар жеребенку Футболисту.

Жеребенок резвился во дворике, увидел на заборе воробышка и, словно экспресс, припустился за ним. Воробышек в ужасе улетел, а жеребенок, почти ткнувшись лбом в загородку, поднялся на задние ноги, повернулся на них, как человек, кувыркнулся на передние, а задние вдруг высоко подбросил в воздух.

Во дворе лежал обрывок газеты. Футболист мотнул его в сторону, придавил ногой и вгрызся в него. Глаза у него были при этом такие же дикие, как у того жеребца, который в Кобдинской равнине защищал своего жеребенка.

Прослышав о неукротимости диких лошадей и об их необычайной силе, один германский цирк прислал к нам в Асканию своего служащего. Цирк хотел устроить грандиозное представление — «Укрощение на арене цирка настоящей дикой лошади».

Аскания продала цирку жеребца Искрыча. Говорят, что представление вышло действительно очень интересное и собрало хозяину цирка большие доходы. Искрыч не только искалечил двух наездников и зашвырнул в публику всех, кто осмелился на него сесть, — он ходил на дыбках в передние ряды партера, скрежетал на весь цирк зубами, а на директоре цирка в ключья разорвал брюки.

Этих диких лошадей нет больше нигде — они водятся только в Азии. наших асканийских охотно покупают все

заграничные зоопарки и платят за них десятки тысяч золотых рублей.

Сейчас уже точно установили, насколько дикие лошади здоровей и выносливее домашних. Они совершенно не боятся холодов и жары и не болеют теми болезнями, которые смертельны для домашних.

Ими думают улучшить домашнюю породу. Только не знают, как быть с их строптивым и злым характером. Ведь этот характерец также может передаться потомству.

Я познакомилась с одной такой, которую «улучшили». Мать у нее — домашняя лошадь Митюриха, а отец — дикий жеребец Мижур. Она небольшая, очень крепкая и с виду приятная. Объезжал ее конюх Неелов — это высокий человек, и ноги у него висели до самой земли. И вот дошадка взвилась, как блоха, и внесла его на забор высотой в два метра; ноги конюха зацепились за стену и обвалили кирпич и глину, а лошадке хоть бы что.

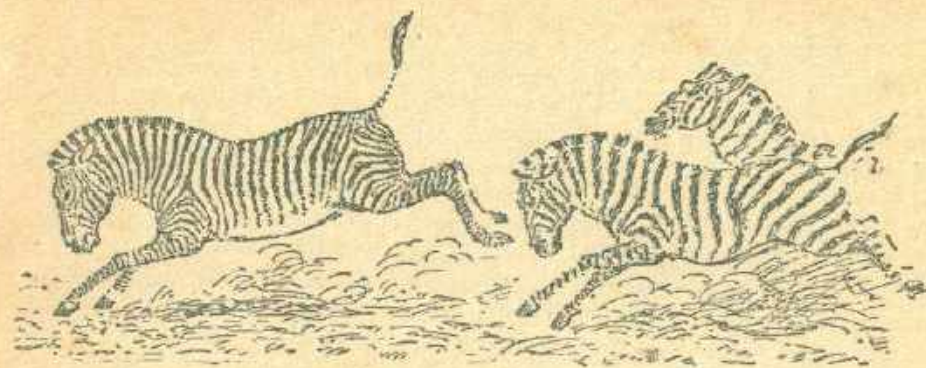
Другому конюху она откусила два пальца. В седло она вцепляется каждый раз, как собака. Я застала ее, когда она стояла на задних ногах, положив передние на стенку, и смотрела через забор, что делается снаружи.

Наверное, она не понимает, что домашние лошади так себя никогда не ведут.

Зовут ее Чертоглядка.

Чолка у нее очень маленькая, а грива стоит торчком.

А ну-ка, кто из вас помнит, что это обозначает?

РАЗБОЙНИЦА МИННА

I

Рано утром, чуть солнышко высунуло уши из-за круглой старинной башни-водокачки, по всем дорогам к степному поселку закрипели мажары¹. Это колхозники стекались к очередному базару с молоком, сыром и маслом, с возами картофеля, помидоров и кавунов.

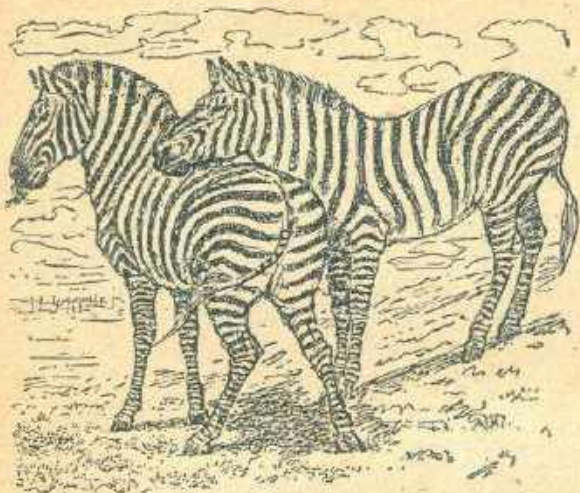
Табунок диких лошадей Пржевальского и зебр пасся в степи недалеко от дороги. Это был уже не загон, а самая настоящая степь, без всяких загоронок. Лошадям давали такую свободу потому, что знали, что они никуда не убегут, а трогать их в пустынной степи было некому.

Во главе табуна расхаживала старая крупная зебра Минна.

Жеребята Пржевальского бегали наперегонки с нарядными зебрятами, шалили, кусались и получали нахлобучку от взрослых. Эти маленькие озорники никого не уважали и никого не боялись. Они хватали за хвост самых сильных лошадей, вырывали у них из-под носа еду, брыкали их тонкими ножками. И им всё прощали: маленькие же, что с них взять?

Но все жеребята и зебрята с первых дней жизни отличали старую Минну. С ней они не решались заигрывать и вахалить. И даже если случалось расшалившемуся жеребенку налететь на нее невзначай, он сразу виновато останавливался, сконфуженно лязгал зубами и моментально терял веселость.

¹ М а ж а р а — телега.

Зебры паслись в степи, недалеко от дороги.

деи забирали на маленизацию (это прививка от страшной болезни — сапа), тогда люди только показывали Минне сахар. И старая сладёна отправлялась за сахаром во дворик, в стойла, куда угодно, хоть к самому директору в кабинет. А за ней шло и все дикое стадо. Оно ничего не знало про сахар. Многие лошади никогда даже не нюхали его. Но они знали одно: раз Минна идет, значит надо итти за нею. Впрочем, не всегда Минна водила табун так разумно и правильно. Иной раз она затевала такие походы, за которые ее потом обзывали старой ведьмой и хулиганкой.

II

Рано утром по шляху тянулся колхозный обоз. Мажары тихо поскрипывали, волы мотали головами, сонные колхозники лениво понукали их: «Щоб, цо-об!» Свежие арбузы, дыни, помидоры вкусно поблескивали на солнце.

Дикий табун пасся в степи. Вдруг чуткая Минна подняла голову и поставила уши стрелкой. Она внимательно прислушалась, потянула широкими ноздрями воздух и задала. Зебры не умеют ржать по-лошадиному, и у них вместо ржания получается оглушительный лай, похожий на ослиный крик. Весь табун также поднял головы и наострил уши. Прокричав тревогу, Минна бросилась крупной рысью по направлению к дороге. Ну, ясно — табунок почмался за ней, взметнув целое облако пыли.

На задней мажаре сидела бойкая, языкая старуха. Она от самого дома, не переставая, ругала своего старика за то, что он не взял четверть для керосина. Старик уныло шагал рядом. Он давно собирался сказать ей: «Да что же ты сама думала? Или у тебя головы нет?» и все никак не мог решиться:

Увидав пыль над степью, старуха затараторила еще громче:

— Во-от, видал? Видал, какой буран подымается? А там дождь хлынет, дорогу испортит. Вот и будем целый месяц без керосину сидеть. У, старый ты дурень, больше никто!

Вдруг она вытаращила глаза и подалась на другой бок мажары.

— О-ой, батюшки, страсть какая! Гляди-ка, старый: тигры полосатые!

— А ты их когда-нибудь видала, тигров? — спокойно спросил старик. Он привык ко всяким выдумкам старухи и не очень-то верил им.

— Да ты погляди хоть, ду-урень! — заголосила старуха. — Думаешь, смеются тебе? Тыфу, тыфу, пакость какая! Ой, к нам бегут, прямо к нам! Что теперь делать?

Старуха скатилась с мажары прямо под ноги старику. Старик все еще не верил, но на всякий случай, чтобы не было потом крику, глянул. Глянул и остолбенел: табунок диких, взьерошенных лошадей вылетел на дорогу и

На мажаре сидела бойкая, языкая старуха.

отрезал его мажару от остального обоза. Они в самом деле были полосатые и страшные.

Волы остановились. Зебры тоже стали.

— От тебе на! — только и мог выговорить старик.

Старуха лежала на земле, тряслась от страха и плевалась:

— Тьфу, тьфу, тьфу!

Две дикие лошади взвились на дыбы и так прошлись возле мажары.

Одна полосатая оглушительно залаяла, закричала. Тут уж и старик не на шутку струсил. Он стоял, опустив руки, и шептал про себя: «Хай будет, что будет. Абы самих не тронули».

Полосатая лошадь (это была, конечно, Минна) подошла и понюхала арбузы. К ней присоединились еще три. Старуха, как только увидела это, моментально забыла про свой страх. Она вскочила на ноги и яростно замахала подолом:

— Кыш, кыш, озорницы! Ишь, моду какую взяли: арбузы есть. Кыш!

Три лошадки отбежали, но Минна даже не обернулась на эти крики. На глазах у старухи, она согнула свою могу-

— Караул! — завопила старуха. — Уби-или!

чую шею, уперлась лбом в край мажары и так качнула ее, что мажара чуть-чуть не опрокинулась совсем. Штук десять белых крупных арбузов кокнулось об укатанную дорогу и разбилось.

— Караул! — завопила старуха. — Уби-или!

Лошади жадно зачавкали, подбирая сочное красное мясо арбузов, кожурки и даже семечки.

Передние колхозники наконец услышали, подбежали с кнутами и пугнули лошадей. Минна с большущей кожурой в зубах вскинула голову вверх и легонько зарысила в степь. Табунок ускакал следом за ней.

III

Когда убежал табунок, на старуху напала такая злость, что она чуть не задохнулась. Не обращая внимания на народ, она подскочила к старику, и слова у нее посыпались, как горох из лопнувшего мешка:

— Что, слонал? Слонал, старый витютень? Пропали арбузы! Спелые, красные, как ягодки... Да ты что стоишь? Ты что стоишь, я тебя спрашиваю? Люди добрые, вы поглядите: стоит и глазами моргает.

— Так его, хорошенько! — подзадоривали колхозники.

— А ты за чуприну его, чего на него глядеть?

Старуха увидела, что над ней смеются, и рассвирепела еще больше. До самого базара она ни разу не передохнула. Бедный старик уже не слышал, что она говорит. Он только подсчитывал про себя все новые и новые клочки, которые она давала ему:

«Витютень — раз... Дохлый мерин — два... Старое мочало — три... Горшок без дна — четыре... Кислая тюрка — пять...»

Наконец он вздохнул свободно: приехали на базар — кажется, теперь всё.

Не тут-то было! Она потребовала, чтобы непременно вот сейчас же идти жаловаться на лошадей начальству.

— Да куда я пойду, срамиться только? — попробовал возразить старик.

— Ага! Тебе, значит, наплевать? Добро пускай пропадет, а тебе наплевать? Целое лето работали, а ты...

Старик плюнул и пошел. Она привела его в большой белый дом и там потребовала, чтобы ей подали самого главного начальника. К ней подходили завхоз, Август Иванович, Павел Федотыч — нет, ей надо самого главного. Пришлось провести их к директору.

— Ну, что у вас там, дедушка? — спросил директор.

— Да ваши ж тигры полосатые, — затараторила старуха: — напали, воз опрокинули, арбузы погубили! Советская власть не для этого у нас, чтобы...

— Подожди, бабка. Сколько у вас арбузов пропало?

— Сколько пропало? — Старуха смекнула, что дело может обернуться выгодно, и брякнула: — Шесть десятков! Старик аж рот разинул от изумления.

— Шесть десятков? — удивился директор. — Ого! Это порядочно. А почему они сейчас, арбузы?

— Какие по рублю, какие по рубль двадцать. А наши самые лучшие. Мы по два продаем. А еще они, проклятые, разбила у нас четверть с керосином. Полна четверть была.

Как ни крепился старик, а тут уж он не мог выдержать:

— Да брешет она! Не верьте вы ей. Арбузов у нас восемь штук разбилось. Красная цена им по полтиннику. А керосину — мы и пустую-то четверть дома забыли.

Директор засмеялся и заплатил им пять рублей. Когда они вышли, в открытое окно долго еще слышен был скрипучий, въедливый голос старухи:

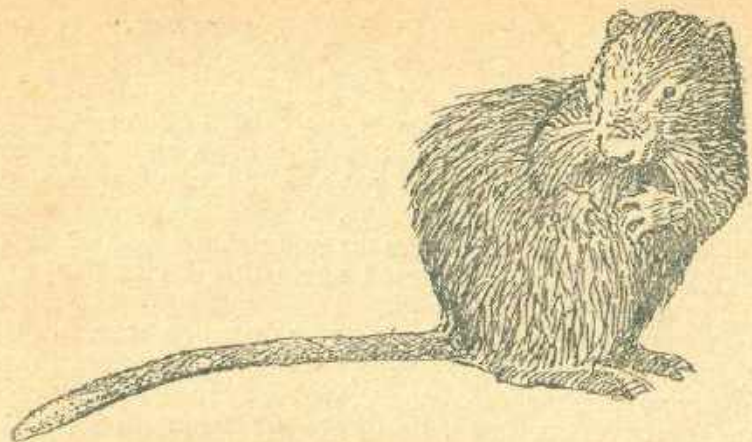
— Ах ты, чобот безмозглый! Ах ты, осина горькая! Счастье ему, дурню, в рот влезло, а он взял да и выплюнул его...

IV

Директор дал нагоняй Павлу Федотычу, и в следующий базарный день возле табунка с самого раннего утра ходил пастух. Лошади мирно пощипывали траву. Когда по шляху проезжали мажары, Минна настораживала уши и громко лаяла. Пастух кричал на нее, хлопал бичом — она успокаивалась.

Но вот показалась одинокая подвода. Минна поглядела на нее и вдруг без всякого лая бросилась бежать. Табунок помчался за ней. Пастух кричал, ругался, хлопал — куда там! Их уж и след простыл.

Лошади, запряженные в подводу, испугались зебры. Они повеслись вскачь. Телега подпрыгивала на ухабах, и арбузы летели в разные стороны. Табун с явным удовольствием подбирал их. Это уже становилось похожем на самый настоящий разбой. Пришлось Минну в базарные дни до обеда оставлять в загоне. Как только это начали делать, разбой прекратился. Правда, лошади при появлении мажар на шляху поднимали головы и настораживали уши, но теперь у них не было самого главного — вожака. А без вожака они ничего не могли сделать.

КАК УСАТЫЙ ЗВЕРЬ СДАВАЛ ЭКЗАМЕН

I

Однажды в Москве в большом важном доме собралось много людей. Все эти люди отлично знали зверье. Один из них всю жизнь разводил голубых песцов. Другой лучше, чем своих детей, умел воспитывать и растить чернобурых лисиц. Третий точно узнал, почему ценный зверек — соболь — не хочет в неволе приносить соболят, и, узнав это, добился того, что соболята стали рождаться в клетках почти так же, как на воле.

В большущей комнате, в которой собрались эти люди, за столом сидел высокий старик со смелым бритым лицом. Это был известный ученый. Он своими трудами принес много пользы советскому государству. Все, кто приходил, сейчас же поворачивались и смотрели в его сторону.

Но, повидимому, их интересовал не сам знаменитый ученый. Когда он вставал с места и отходил, люди все с тем же интересом продолжали смотреть в ту сторону. А там и не было ничего, только один дубовый стул да какой-то ящик, прикрытый брезентом.

Когда все стулья в комнате были заняты, бритый старик встал и начал говорить. Он говорил о теплых шапках, воротниках и шубах.

— Если природа не умеет производить их столько, чтобы зимой всем было тепло, — сказал старик, — то надо помочь природе: надо найти и развести такого зверя, чтобы он быстро плодился, давал много теплых шкурок и чтобы кормить его ничего не стоило.

Люди в большой комнате почесали затылки. Надо-то надо, да где его взять, такого зверя? Нет такого.

— Как нет? — горячился ученый. — Одного такого зверька мы уже нашли. Это мускусная крыса — ондатра. Она переселилась из Северной Америки к нам, в Архангельский край, и там отлично разводится в болотах и озерах. Но ондатра слишком мала. Кроме того, она может жить только на севере. А нам надо заселить таким зверем и юг. Только тогда у нас зимой каждый сможет закрыться от холода теплыми шкурками.

Оказывается, старик нашел еще одного зверя. В то время, когда наши школьники ежились от январского мороза и терли побелевшие носы, этот бездельник валялся под чайным кустом, спал, разомлев от жары. Там, у него на родине (в Южной Америке, в долине реки Пилькомайо), самые большие «холода» — восемь градусов тепла. А январь там, как у нас июль, самый жаркий месяц лета.

В тенистых, сырых зарослях на Пилькомайо никогда не бывало людей. В чаще кустарников и вечнозеленых деревьев целыми днями тараторили разноцветные попугайчики араара. А внизу, под широкими листьями, расхаживали «они», вот эти самые звери.

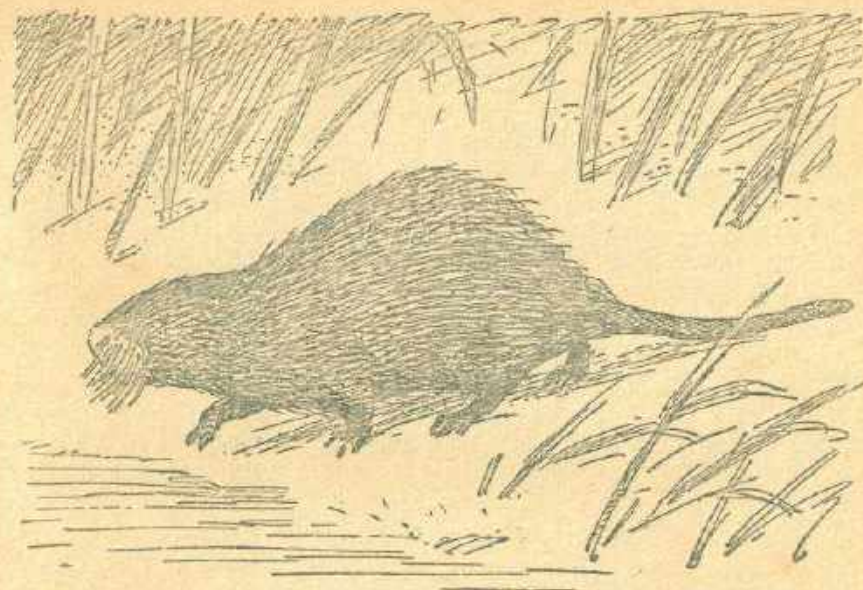
Попугайчики свешивали вниз головы, приглядывались и подымали испуганный крик. Они очень боялись змей, а за этими зверями, куда бы они ни шли, всегда волочились, как пришитые к ним, длинные голые змеи — хвосты.

Звери много плавали, ныряли и забавлялись со своими маленькими.

По вечерам, когда на Пилькомайо затихала болтовня попугайчиков, они негромко перекликались. Их крик был похож на тихий стон или плач ребенка. Таким странным криком они выражали свою радость, здоровье и полное довольство жизнью.

— Этот зверь, — рассказывал бритый старик, — называется болотный бобр или нутрия. Индейцы называют его еще «коипу». Любит он больше всего на свете камыши и тихую воду мелких озер, речек и болот. мех у него теплый, пушистый и мягкий — значит, и маленьких холодов он не испугается. Хотя, впрочем, это еще надо проверить. Расходов и хлопот для него не требуется никаких. Самки его приносят маленьких пять раз в два года, по семь-восемь штук каждый раз. Вид у этого зверя... Да вот я вам сейчас покажу его.

Он подошел к ящику и отдернул брезент. Все люди в большой комнате привстали со своих мест. Кто-то сказал:

Этот зверь называется болотный бобр или нутрия.

— Осторожнее, Борис Михайлович! Его, наверно, там, в Южной Америке, не обучили хорошим манерам.

— Ничего! — засмеялся старик. — Мы с ним друзья.

Он решительно загнал своего «друга» в угол, потом всунул в клетку руку и быстро вытащил ее обратно. В руке был зажат длинный и голый, как змея, хвост. На хвосте, головой вниз, висел южноамериканский гость. Он свирепо щелкал страшными красными резцами. Усатая, тупая, как у поросенка, морда выражала отчаяние и злобу.

— Ну, вот это уж никуда не годится, — пошутил старый ученый. — Я тебя рекомендовал как друга, все тебя встречают с такой радостью, а ты злишься.

Зверь извивался и старался приподнять свое гибкое тело. Передние лапы у него были совсем как маленькие человеческие руки. Пальцы их он крепко сцепил на груди. Когда люди из первого ряда протягивали руки, чтобы пощупать его мех, он вздрагивал и угрожающе шипел.

— Покажите, покажите его нам всем! — закричали в задних рядах.

Профессор с торжеством поднял руку вверх, и все собрание увидело мягкий голубовато-серый живот и задние лапы коипу. Эти лапы резко отличались от передних: на их голых пальцах были настоящие утиные перепонки.

Люди удивились и опять высказали сомнение:

— Как с такими голыми перепонками и хвостом коипу выдержит нашу снежную зиму?

— А вот мы устроим ему экзамен, — сказал старик. — Посмотрим, на что он способен. Поместим его...

При этих словах коипу сильно подбросил свое тело и щелкнул зубами.

Старик выронил его и спокойно стал завязывать платком раненую руку. А коипу медленно пошел вдоль стенки.

Сразу было видно, что он не привык ходить по собраниям. Длинное пушистое тело его волочилось неуклюже. Большие утиные ноги и маленькне «руки» ступали по гладкому паркетному полу неуверенно. Голый хвост веревкой тянулся сзади. Зверь бурчал, озирался и сердито, как кот, горбил спину. Длинные усы его шевелились. Похоже было на то, что затея бритого старика ему совсем не по душе.

Люди с уважением смотрели, как этот заморский гость ходил взад и вперед у белой стены. Никто его не тревожил, никто не торопился поймать. Вот он остановился, сел на задние лапы и стал щуриться на яркую электрическую лампу. Может быть, его удивило, что это маленькое солнце ничуть не греет? Может быть, он вспомнил другое солнце — то, которое пылало над тихими тростниками и болотами у него на родине? Только он вдруг обхватил ручонками голову и горестно сунул нос в свой мягкий, пушистый живот.

II

После долгих дней тряской дороги, тесных клеток и людского шума наш коипу почувал воду. Воды было много — целый маленький пруд с камышом. По доске с перекладинами можно было вылезть из воды на берег. На берегу стоял домик, а в домике — мягкая подстилка из свежей соломы и кормушка со свеклой, клевером и зерном.

Немного в стороне, незаметно длянутри, был устроен из камыша другой домик — наблюдательная будка. В этой будке день и ночь посменно дежурили рабочий Петро и молоденькая практикантка Софья Ивановна. А когда в школе не было занятий, к ним присоединялся еще Матвей.

У них была толстая тетрадка с полями — дневник. В него записывалось все, что могло случиться снутри.

Коипу очень много купался. Он плавал, нырял и подолгу сидел под водой, выпучив от наслаждения глаза. В первые дни в таких случаях над водой раздавался тревожный голос Петро:

— Матвей, а Матвейко! Бежи, хлопче, до Софьи Ивановны. Скажи, внутри наш убег.

— Убег! — насмешливо отвечал Матвейка. — А это кто вон там пузыри пускает?

Люди снова прятались в будку, и Петро с облегчением вздыхал, когда через пять-шесть минут над водой показывалось тупое усатое рыло.

Коипу приюхивался и вылезал на мостки. Тут он усаживался на задние лапы, а передними начинал растираться. Тер уши, щеки, грудь, живот, расправлял кулачками усы, приглаживал пальчиками волосы на голове. Все это проделывалось до того ловко и серьезно, что наблюдательная будка начинала пыхтеть и давиться от смеха. Тогда зверь камнем плюхался в воду.

— Так нельзя! — шептали в будке. — Какие же мы наблюдения сделаем, если все время будем пугать его?

После этого, сколько бы зверь ни причесывался и ни растирался, будка молчала, как мертвая.

Была уже поздняя осень. Солнце совсем перестало греть, и вода сделалась холодной, как лед. Но коипу, видно, пока не боялся холода. Он быстро толстел и становился похожим на откормленную пушистую свинку. От холодов он только стал еще спокойнее и медлительнее.

Наблюдательная будка в это время почти каждый день записывала в дневник одно и то же:

«6 часов 45 минут утра. Вышел из домика и стал купаться. Купался 2 часа 15 минут. Потом поел и лег спать в домике. До конца дежурства все время спал».

Дальше рука Петро:

«Спал до половины шестого. Как встал, мы его взвесили. Оказалось 7 кило. Во как разъелся!»

После этого шли крупные буквы. Это писал Матвейка:

«7 часов. Купался, купался, потом вылез и стал есть. Ох, смешно же он ест! Возьмет в руки травинку, перегнет пополам и откусывает помаленьку. Потом за свеклу примется. Жует долго-долго, как старик. Вот набрал в руку зерен и с ладони ест, как люди семечки грызут. Когда осталось немного, взял рукой всю кормушку, поволок ее в воду и там опрокинул. Еда вся высыпалась и поплыла по воде, а он стал ловить ее».

III

Так, в покое и довольстве, жил наш коипу в Аскании-Нова. Но вот как-то вечером, сидя над роскошной едой, он вдруг загрустил: начал тихо стонать, перестал есть. Постонет, постонет, потом примется рыть ногами землю, хло-

потать в своем домике, а потом опять усядется на задние лапы и застонет: м-маа, м-маа!

Наблюдатели забеспокоились. Они устроили совет и долго гадали, что ему нужно, коипу. Вечером Софья Ивановна пошла и рассказала об этом Павлу Федотычу. А утром, когда коипу вылез из воды и забрался к себе в домик, он неожиданно увидел там чудесную штуку: на соломенной подстилке перед ним сидела очень приятного вида нутрия. Она вытянула вперед мордочку, обнюхала коипу и погладила его лапой по спине. Потом они вместе спустились к воде, покупались, поплавали и начали старательно растираться. Днем они мирно спали в своем домике, а к вечеру вышли и стали играть и носиться по берегу. От всей грусти коипу не осталось и следа.

Пришел Павел Федотыч. Он прочитал записи в дневнике, сделал на полях заметки красным карандашом и сказал:

— Ну вот. А теперь мы начнем экзамен. У нас есть шесть нутрий. Эту пару мы оставим тут, в крытом домике, и будем давать им еду, а четырех пустим в заросли тростника. Посмотрим, сумеют ли они сами добывать себе пищу и как справятся с зимними морозами.

— Хорошо, Павел Федотыч, — сказал Матвейка.

— А, ты все еще здесь! — удивился Павел Федотыч. — По правде сказать, я думал, тебе уж надоело. Ну, смотри: если хочешь научиться работать со зверями, то надо держать ухо востро. Смотри, не пугай их, не надоедай. Старайся следить за ними так, чтобы тебе виден был каждый их шаг, а они бы тебя не замечали.

— Да я же... Павел Федотыч... — Матвейка хотел сказать очень много, но захлебнулся от радости, закашлялся и только пропищал тоненьким голоском: — Вот увидите...

— Ну-ну! Я же говорю, что ты толковый хлопец.

IV

Выпал снег. По ночам бассейн с водой стал покрываться льдом. Но днем, как только пригревало солнце, лед таял. Нутрии купались в ледяной воде, а потом забирались в домик и целыми днями спали.

Нашего коипу теперь все звали «Отцом», а самка называлась «Голубая». Они отлично устроили свое гнездышко. Люди взяли на себя заботу доставлять им свеклу, люцерновое сено и зерно. Нутриям оставалось только есть, купаться, спать и видеть во сне горячее южноамериканское солнце.

Раз в десять дней крышка домика поднималась. Домик чистили и меняли подстилку. Пушистых зверей сажали на весы и взвешивали.

— Ого, еще прибавил! — радовались Софья Ивановна и Матвейка. — Отец уже больше полупуда весит.

В середине февраля ударили сильные морозы. Перед этим несколько дней шел снег с дождем, и теперь сучки деревьев, бурьяны и тростники оделись ледяными сосульками. При сильных порывах ветра они звенели, как стеклянные подвески.

Звери совсем перестали выходить из домика. Им даже есть не хотелось. Кусочки бурака валялись у них из рук. Они ежились от холода и прижимали голые лапки к теплоте меху.

Один раз вечером Матвейка с Петро нашли на снегу следы лапок. Похоже было, что по снегу прошел какой-то четырехногий гусь. Передние лапки оставляли следы тонких пальцев, а задние — следы перепонок.

Петро пошел по следу, и скоро они наткнулись в камыше на нутрию. Это была одна из четырех, выпущенных на волю. Она сильно исхудала от жизни среди незнакомого, холодного снега. Там, на родине, ей не нужно было теплого жилища. Единственно, что она делала там, — это нагрызала тонких тростинки и устраивала себе из них высокое сухое гнездо, защищенное со всех сторон камышом.

Вот такую же лежку нутрия сделала себе и тут. Но разве это годилось на Украине, когда морозы доходили до двадцати пяти градусов?

Увадев Петро, исхудалый и промерзший зверек заковылял на пруд. Должно быть, он хотел, по старой привычке, нырнуть в воду. Но как же он растерялся, когда вода оказалась твердой, как камень!

Нутрия беспомощно понюхала твердую воду, полизала ее языком и осторожно стала пробираться дальше. Ноги у нее расплзались на гладком льду, не слушались ее. Вся она была такая неуклюжая и неповоротливая, что Петро расхохотался. А Матвейка обиделся за нутрию.

— Ну, чего ты гогочешь? Тебя бы разуть да пустить вот так, босиком. Думаешь, сладко ей, да? Давай поймем ее и отнесем Софье Ивановне.

— Ну вот, как же мы ее поймем?

— Да тут же на льду. Она ведь не может бежать.

— Нет, я не про то, а что Павел Федотыч ругаться будет. Скажет: опыт портим.

— Ну и пускай ругается, я все равно поймаю.

Нутрия совсем перепугалась. Она бросилась было бе-

жать, но упала. Встала, пробежала немножко и опять поскользнулась. Тут ее и настиг Матвейка.

— Эх, ты! Дядько Петро, гляди-ка: кровы!

Петро подошел и на том месте, где билась нутрия, увидел красные следы. Сама нутрия больше не пыталась бежать. Она лежала на боку и только яростно скрежетала зубами. Голые перепончатые лапы ее распухли, хвост был толстый, как палка, и весь в болячках.

Петро потоптался на месте и крикнул. Он хотел поднять обмороженного зверька и не знал, за какое место его можно взять.

Тут Матвейка снял с себя полушубок, накрыл им нутрию и так, в полушубке, и унес ее к Софье Ивановне.

V

Софья Ивановна, увидев пострадавшую нутрию, странно рассердилась. У нее даже слезы выступили на глазах.

— Безобразие какое! Нельзя же так. Бедная зверюшка! Пойдем, Матвейка, сейчас же к Павлу Федотычу и попросим его. Может быть, он разрешит взять их в тепло.

Она завернула нутрию в шаль и бегом пустилась в лабораторию. Еще с порога она закричала звонким возмущенным голосом:

— Павел Федотыч! Вы простите меня, но так... нельзя так. Это... это...

— Ш-ш-ш! Тише, не волнуйтесь, Софья Ивановна. В чем дело?

— Вот, посмотрите.

Она развернула шаль и показала распухшие ноги и хвост нутрии.

— Да, — сказал Павел Федотыч, — придется ее взять в помещение.

— Нет, не только ее, надо и остальных трех выловить! Надо прекратить этот экзамен, надо...

— Н-нет, не надо, Софья Ивановна! — Лицо у Павла Федотыча сделалось жесткое и чужое. — Мы собираемся развести этих животных тысячами. Поэтому мы должны точно узнать, где и как они могут жить. Разве лучше будет, если вместо этих трех у нас погибнут тысячи? Я не меньше вас люблю животных, но что же сделаешь!..

Три нутрии остались пока на воле. Одну из них скоро также пришлось взять в помещение. Как-то Матвейка заметил, что худая, голодная нутрия подошла к затянутой тонким льдом полынье, пробила ее и нырнула в воду. Хло-

пеп подождал минут пятнадцать, а потом пошел разыскивать ее. Сквозь тонкую корку льда он скоро увидел усатую морду. Глаза у нее были страшно выпучены. Она отчаянно избилась об лед и вот-вот должна была задохнуться.

В двух шагах от нее была дыра, которую она сама же пробила. Но нутрия не могла отыскать ее. Также не могла она понять, почему это вода, в которой она родилась и выросла, вдруг начала бить ее по морде и не пускала выбраться на воздух.

Матвейка разломал лед ломом и выудил глупого зверя. Сильно истощенного и подмороженного, его взяли в помещение. А в дневнике Софья Ивановна записала:

«Совершенно незнаком со льдом. Без помощи человека должен был задохнуться, так как не мог отыскать полыньи, в которую нырнул».

Третьего зверя нашли через несколько дней под снегом. Он был уже мертвый. Когда разрезали его желудок, он оказался совершенно пустым.

Павел Федотыч, как только узнал об этом, взял красный карандаш и записал в дневнике:

«В тех местностях, где земля надолго покрывается снегом, а деревья и травы прекращают свой рост, нутрия без помощи человека прожить не может. Она неминуемо погибнет от голода».

Он велел сейчас же разыскать последнего зверя и посадить его в домик. Матвейка с Софьей Ивановной обрадовались и побежали искать. Но четвертого зверя нигде не было. Они облазили весь парк, все пруды и камыши, но так и не нашли его.

— Жаль, — сказал Павел Федотыч, — может быть, как раз этот бродяга как-нибудь и приспособился.

Мать Лены работала на птичнике. Каждое утро, перед школой, и вечером, когда начинало темнеть, Лена бегала на большой пруд помогать ей кормить лебедей, уток, гусей, казарок и других птиц. Птицы так привыкли к ней, что когда она шла по парку, из кустов к ней выбегали яркие длиннохвостые фазаны. Журавли расхаживали за ней по пятам, а павлин что-то громко кричал ей и распускал свой хвост, как будто Лена была его павой.

Однажды Лена принесла павлину корм и удивилась: павлин ни за что не хотел слезать с своего насеста. Он отчаянно кричал и, свесив голову вниз, испуганно таращил глаза на свою кормушку. Лена заглянула в кормушку и сама перепугалась больше павлина: там сидела огромная,

больше кота, пушистая крыса. Она подбирала лапами крошки хлеба и аппетитно ими закусывала.

Лена бросила корм и с перепугу понеслась не к матери, а прямо к Августу Иванову. На одной из дорожек парка она встретила Матвейку, который все еще разыскивал исчезнувшего последнего кошку.

— Ты куда, Ленка?

— К Августу! — на бегу крикнула она. — У нас там зверь какой-то. В кормушку залез.

— Постой! Какой зверь? А ну, пойдём поглядим.

— Да некогда! Я сначала скажу Августу. Он страшный. Вдруг он навалина съест!

— погоди ты! Может, это наш нутрий. У нас пропал один. Пойдем. Я погляжу.

Лена с неохотой согласилась. Матвейка поглядел — в самом деле, пропавший бродяга! Он страшно исхудал. Хвост у него совсем отвалился, пальцы на лапах распухли, и коготки из них выпали. Когда его показали Павлу Федотычу, он сказал:

— Ага, один все-таки приспособился! Хоть не так, как нам бы хотелось, но все-таки приспособился. Понял, что без человека ему каюк, и присоседился к птичке. Ну что же, если он будет воровать из птичьих кормушек и ночевать под крышей, то, пожалуй, он и дотянет до весны. Теперь уж недолго осталось. Оставьте его на воле.

И бродяга остался. Он все время терся среди птиц, лазил в кормушки и жадно ел, несмотря на то что злые лебеди больно щипали его и долбили клювами.

В конце марта снег стаял, а в апреле между старым высоким тростником показались зеленые язычки молодых побегов. Кошку срывал эти сочные побеги и свободно разгуливал по островам. Раны его поджили, шерстка начинала лосниться, а спина округляться. Вскоре он совсем бросил птичник и окончательно переселился на пруды.

VI

В маленьком домике пара зверей — Отец и Голубая — жила роскошно. Они и не подозревали о тех бедствиях, какие приключились с их товарищами. У них было довольство еды и укрытие от холода.

В марте, когда еще лежал снег, Матвейка заметил, что из домика высунулась какая-то пушистая крыса с золотистой шерсткой. Она была похожа на Голубую, только очень маленькая. Немного погодя к ней подседа еще одна такая же.

Матвейка аж глаза вытаращил.

— Софья Ивановна! — зашептал он, толкая в бок практикантку. — Что же они, усохли, что ли?

— Да это же у них маленькие родились!

— Какие маленькие? Я ж вот недавно, часа три как заглядывал в домик. Там было только двое больших. А эти уж вон какие шустрые! Кабы маленькие, они бы ходить не умели.

— Нет, у нутрий дети сразу же после рождения умеют бегать и плавать.

К двум маленьким на порог вылезли еще две. Они так старательно лезли вперед, что одна совсем вывалилась наружу, на снег. За ней выбежали и все остальные. Но холодный снег обжег их голенькие лапки. Они жалобно запищали: *има-а, има!* — и юркнули обратно в домик.

— Вот видишь, — сказала Софья Ивановна. — А мы хотели их на снегу разводить. Куда бы они делись вот с такими маленькими?

Матвейка понял, на кого она намекает, и ответил за Павла Федотыча:

— Ну что же? Зато теперь мы уж хорошо знаем, как их надо разводить.

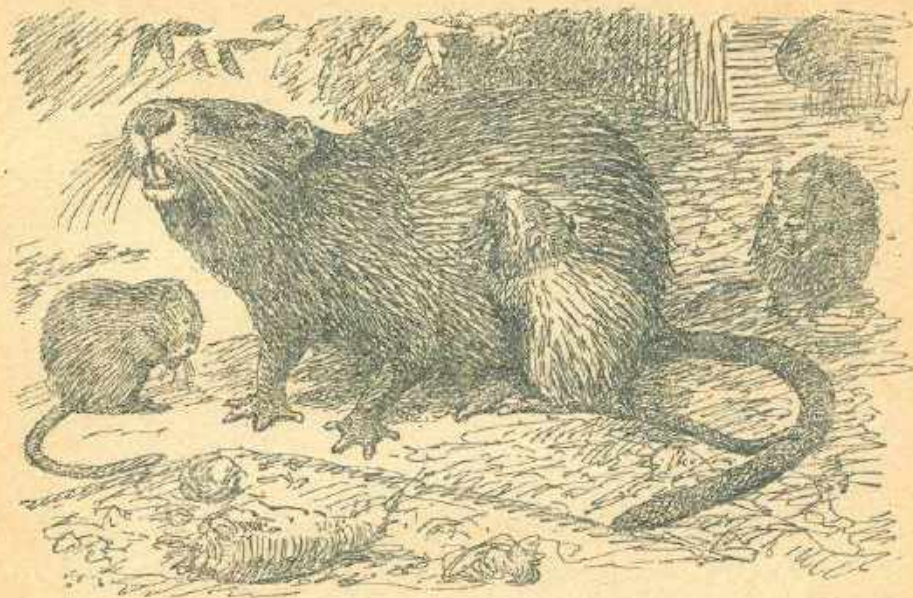
Когда растаял лед, все маленькие высыпали наружу. Их было шесть штук. Они плавали и ныряли лучше отца с матерью. Купались они день и ночь. А когда вылезали, сейчас же начинали растираться — в точности как большие.

С первых же дней они начали есть траву и свеклу. Важно, как большие, они брали в руки травинки, долго покусывали их в воде, а потом уже начинали откусывать. Но, кроме этой еды, им, видно, еще хотелось и сосать у матери молока. А мать держалась как-то странно: ни за что не давала сосать. На берегу они сунутся к ней — она сейчас же прижимается к земле. Они, бедные, тычутся, тычутся ей в спину — так и заснут у нее на спине. А на воде и еще хуже того: ляжет вниз животом и лежит, как колода. Не понимает, что они ведь не могут сосать ее под водой — захлебнутся же. Они и тычут ее опять в спину.

Матвейку очень беспокоило, как бы маленькие не подохли от этого.

Он уже двадцать раз пристаивал и к Петру и к Софье Ивановне, но они толком ничего не могли объяснить, потому что сами не знали. Тогда Матвейка побежал к Павлу Федотычу.

— Как? Сосать не дает? — удивился Павел Федотыч. — Не может быть! Ну-ка, пойдём посмотрим.

С первых же дней маленькие начали есть траву и свеклу.

— А можно нам посмотреть на маленьких? — пристали Варюшка с Леной. — Папа, возьми нас с собой!

— Ну, ладно, пойдите. Только чтобы никакого писку.

Когда они пришли к пруду, обе старые нутрии сидели в домике, а у одной из них на спине сладко спали шесть маленьких золотистых нутрят.

— Вот, видите? — шепнул Матвейка. — Опять не дала. Они потыкались в спину, да так и уснули.

— Ах, вот оно что! — улыбнулся Павел Федотыч. — Ну, это еще горе невеликое.

Он поднял крышку и взял двух нутрят на руки. Они были меньше ладони, мягонькие и доверчивые, как дети. Один сунул нос в рукав, другой уселся на руке и стал есть травинку.

— Ребята, — сказал Павел Федотыч, — вот что я вам хотел сказать. Матвейка удивился, почему это мать подставляет нутрятам вместо живота спину? Вы видите: нутрия живет в воде. В воде она ест. На воде она целыми днями спасается от врагов. Но если она все время плавает, то как бы она могла кормить своих маленьких, будь у нее соски на животе, как у всех животных?

— Ну, конечно, не могла бы, — сказала Лена.

— А-а, — вспомнил Матвейка, — теперь я знаю, почему они сразу научаются плавать.

— Верно, — согласился Павел Федотыч. — Они рождаются очень самостоятельными. Но все-таки, чтобы мать могла их кормить на воде, соски у нее должны быть устроены...

— Знаем, знаем! — перебили ребята. — Там, куда они тыкались носами.

Павел Федотыч вытащил из ящика Голубую, раздвинул у нее мех, и ребята увидели на спине два ряда маленьких сосочков.

VII

Сейчас на Украине живут только старый, разжиревший до двенадцати кило Отец и Голубая со своей семьей: сыновьями, внуками и правнуками. Два маленьких нутренка, Пушок и Мартышка, наверное, и не догадываются, что их прадедушка с прабабушкой когда-то приехали из Южной Америки. Эти веселые зверюшки ходят среди людей так же свободно и просто, как собаки. Частенько они заходят в лабораторию, садятся на задние лапки и смотрят, как работают люди. Если на них никто не обращает внимания, они обижаются и плачут: мма, мма! Пушка и Мартышку все очень любят и угощают всякими вкусными вещами.

Из лаборатории нутрята идут вдоль стенок дома, а потом перебираются через дорогу. Тут они знают одну дверь, где живет Варюшка. Они тихо ползут в комнату и садятся в огороженном уголке.

Там стоит коробка, а в ней кусочки сахара, морковки и хлеба. Пушок и Мартышка знают, что это для них. Они наедаются и тут же устраиваются на подстилке.

Скоро приходит из школы сама Варюшка. Ей уже не семь лет, а целых девять. Она попрежнему очень любит животных и работает в кружке юных натуралистов. Главные коноводы в этом кружке — Индеец и Матвейка. Хотя там есть ребята гораздо старше их, но они всех забивают. Все это время они постоянно помогали работать в парке и многое там узнали.

— Киски мои пришли! — говорит Варюшка.

И Пушок с Мартышкой капризно откликаются: мма!

Однажды в поселок приехал работник из Закавказья. Он объявил, что будет делать доклад о новом животном. Вечером клуб наполнился людьми, и он стал рассказывать про коипу:

— Опыт, который вы провели с этим зверем, дал нам

правильные указания, где и как его можно у нас разводить. Мы нашли для него тихие заводи и болота на реках Талыше и Рионе. Там никогда не бывает зимы, и вода там не покрывается льдом. Деревья и травы растут круглый год. Густыми буковыми лесами, диким виноградом и ровным теплым климатом эта местность напоминает родину коипу. Там были выпущены нутрии после вашего опыта. В первый же год стадо их увеличилось во много раз. А сейчас их расплодилось столько, что приходится все больше и больше отстреливать их на шкурки и мясо. Если бы вы приехали к нам на Талыш и посидели одну ночь на озере, в камыше, вы поразились бы, до чего их там много. Да вот я вам покажу снимки.

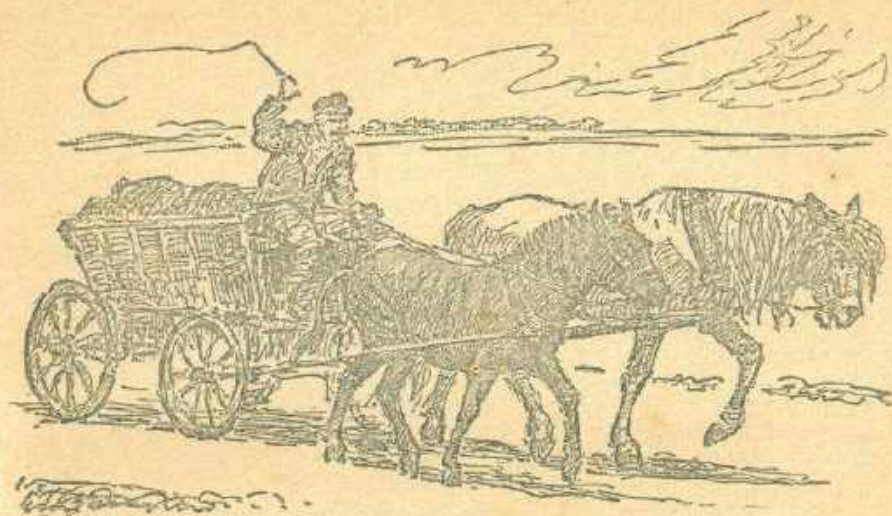
Электричество в зале потухло. Все посмотрели на большое белое полотно. Там показывалась кинокартина. Словно из тумана, к зрителям придвинулось тихое лунное озеро. Вокруг него стеной возвышался тростник. Вдруг на гладкой поверхности воды закачались широкие круги, и высунулась туная усатая морда.

Зверь плыл, почти стоя; все тело его было погружено в воду. Он причалил к берегу, словно маленький пароход. Вышел на берег, повернул морду к зрителям, открыл рот. Всем в зале показалось, будто из-под его усов раздалось негромкое: м-мма!

Тотчас же вся вода запестрела кругами, со всех сторон показались усатые морды. Звери вылезали на берег и там встречали новых, которые все плыли и плыли без конца.

Маленькие нутрята гонялись друг за дружкой, сваливались в кучу, прыгали, как котята. Старые самцы фыркали и дрались остервенело, как псы.

Все зрители восхищались, хлопали в ладоши. Только одному картина так не нравилась, что он все время отворачивался. Этот зритель был маленький Пушок. Он сидел на коленях у Вари, тер одну лапку о другую, а потом расправлял кулачком усы.

ПОЛОСАТЫЕ ЛОШАДКИ

I

На зиму конюхи при помощи старой Минны разводили самок зебры по станкам, а дикие лошади Пржевальского зимовали среди снежных метелей и буранов — ведь им еще на воле, у себя в Монголии, приходилось почевать в снегу, и у них к зиме вырастала хорошая, теплая шерсть.

А зебры в своей Африке никогда не знали холодов. Поэтому у них не создалось привычки надевать к зиме шубу. Их надо было прятать от морозов в теплый тарпанник.

С холодами зебры теряли свой веселый, бодрый нрав. Они зябли и делались сонливыми. Целыми днями они дремали в стойлах, и только когда весеннее солнышко снова начинало припекать, зебры, почуяв его сквозь стены, оглушительным ревом и лаем приветствовали возвращение лета.

Когда в тарпанник приходили новые люди, служащие всегда говорили им:

— Вот это Пальма, зебра Чапмани. Видите, у нее полосы широкие и редкие? А это вот, с узенькими частыми полосками и побольше ростом, — это Минна, зебра Гриви.

Минна отлично знала эту фразу. Она без лomanья подходила к решетчатой двери, заранее облизывая губы, так как обычно после такого представления появлялся на свет сахар.

Пальма была более мрачного нрава. Зимой, стоя в станке, она часто злилась и прижимала уши. А в эту зиму она раза три даже кидалась на людей, лязгая оскаленными зубами. Но ей все прощалось, потому что ранней весной она должна была ожеребиться и принести удивительного жеребенка.

Этого жеребенка с нетерпением ждали Павел Федотыч и весь поселок.

Варя и Лена, Матвей и Индеец завели даже такую моду: утром, как загудит гудок, и вечером, перед тем как потухнет электричество, они просовывали головы в окно караулки и спрашивали:

— Дедушка Федоренко, что у Пальмы не родился еще кто-нибудь?

Один раз дедушка сморщил еще больше свое морщинистое лицо и сказал:

— Готово уже, родился.

— Ну! Правда? — Дети обежали кругом, влетели к нему в караулку. — Где он? Дедушка Федоренко, покажи!

Дедушка погладил свою желтую бороду, опять сморщил лицо и развел руками:

— Видите, какое дело. Часа-этак два тому назад родился у ней кто-то, малый-малесенький, ровно блоха. Мы с техником зашли в станок поглядеть на него, а он, этот малесенький, ка-ак сиганет! Да и залез нашему технику под сорочку. Уж мы его искали, искали, все белье перетрясли — нет его, да и шабаш. Либо в шелку вот тут провалился, либо так и унес его техник на сорочке. Вот, значит, какое дело, ребята. Пропало Пальмино дитё. Родилось, да и сгнуло.

— Ну, это ты врешь, — обиделась Варюшка. — У Пальмы родится конек. Розовый конек с черными лентами. Очень нарядный и сильный. Его отец — дикий жеребец Мижур, а мама его — Пальма. От лошади и зебры не может родиться блоха. У них может быть только зебронд. А если ты, дедушка Федоренко, будешь только смеяться над нами, то мы больше не придем к тебе.

Ребята встали и, холодно взглянув на деда, направились к выходу. Дед дал им дойти до двери и тогда сказал:

— А может, вернетесь? Я давно хотел рассказать вам про этих зеброндов, да все некогда было.

Ребята моментально забыли про свою холодность:

— Расскажи, дедушка, расскажи!

Они уселись вокруг деда, и он рассказал им сказку о жадном толстяке и полосатых лошадаках.

Больше ста лет тому назад царь Николай сделал «маленький» подарочек одному немецкому князю. Он подарил ему пятьдесят тысяч десятин земли на Украине. Немецкий князь решил устроить на этой земле образцовое хозяйство: разводить арабских коней, выделывать тонкие сукна и еще много хорошего.

Князь этот был барин и хозяйствовал от безделья. Он построил маленький поселок и дал ему красивое название: «Аскания-Нова». Затем он навез кровных арабских скакунов, всякого инвентаря и надежных немецких слуг, а сам уехал к себе в Германию. Через несколько лет «надежные» слуги понемножку растащили инвентарь, арабские кони подошли, образцовое хозяйство развалилось. Князь решил, что земля на Украине никуда не годится, и продал ее за бесценок купцу Фейну, тоже немцу.

Фейн был хитрый, оборотистый мужик, не то что князь. Он приехал, огляделся и сразу увидел, что земля хорошая, жирная.

Поселился Фейн в Аскании и стал разводить овец. Мужики на него работали: и пасли, и стригли, и мыли шерсть — все делали. Каждый рубль, потраченный на овец, через год приносил десятку барыша. Богач Фейн выдал дочку за богача Фальца. И стали две толстые мошны называться Фальцфейнами.

Начали Фальцфейны богатеть все больше да больше; лет через тридцать-сорок овец у них развелось столько, что если бы один человек захотел пересчитать их, то он считал бы целый месяц.

Сколько у них было денег, никто не знал. Одни говорили — сотни тысяч, другие — миллионы. А один старик рассказывал, что он сам, своими глазами видел у них огромные бочки, наполненные золотом. Правда, над ним всегда шутили: «Да, может, это не деньги, а соленые огурцы были в бочках?» Но он говорил, что не только видел, но даже пробовал на зуб — самое настоящее золото.

Вместе с большими деньгами пришла к Фальцфейнам великая спесь. Захотелось им хоть чем-нибудь да похвастать перед людьми. А чем же они могли похвастать, кроме как своим богатством? Особых талантов у них не было. Смелостью, добротой, каким-нибудь мастерством или знаниями никто из них не отличался. Вот они и пустили в ход свои деньги. Услышат, что какой-нибудь богач завел себе роскошную, дорогую коляску, — сейчас же несутся сломя голову заказывать себе еще лучше, еще дороже.

Скажут им, что чья-нибудь овца или лошадь получила приз на выставке, — моментально едут и во что бы то ни стало покупают эту овцу или лошадь. Прочитают в книжке, что у самых богатых богачей в имениях роскошные сады, а в садах редкостные деревья, пруды и цветники, — и в тот же день нанимают рабочих копать пруды и разводить цветники, посылают людей в дальние страны закупать редкостные деревья. Дивитесь, люди: вот какие мы, Фальцфейны! Все у нас самое дорогое, самое лучшее. Никто не может перещеголять нас в богатстве и роскоши.

Старой Фальцфейнке однажды рассказали, что в Крыму, у самого моря, выстроен новый дворец с мраморными колоннами, такой красивый, что люди издалека приезжают на него полюбоваться. Старуха целый день проплакала от злости.

А на другой день в шестидесяти верстах от Аскании-Нова, на берегу морского залива, началась постройка нового дома.

Через шесть месяцев он был готов — роскошный белый дворец с мраморными колоннами и со всякими украшениями. Только почему-то никто не хотел приезжать на него любоваться. Наверное, потому, что дом стоял далеко от железной дороги, в пустынной, голой степи, а морской залив был очень мелкий и от него воняло дохлой рыбой.

Старуха страшно обозлилась и придумала новую штуку. Она выписала человек тридцать музыкантов и приказала им:

— Играйте целый день на балконе моего дома и, кто бы откуда ни показался на дороге, встречайте и провожайте его музыкой.

Правда, и после этого мало людей приезжало любоваться на новый дворец, но зато по всей округе люди стали говорить:

— У Фальцфейнов на балконе целый день музыка играет. Вот дураки! Видно, делать больше нечего.

И старуха радовалась, как будто ее хвалили за доброе дело.

Другой раз Фальцфейны узнали, что в саду германского императора Вильгельма растет удивительный сорт дикого винограда «ампелопсис муралис» — виноград с присосками. Если его посадить возле дома, то он выпускает свои присоски, начинает ползти вверх по голой стене, и постепенно весь дом обрастает им так густо, как будто он сделан не из камня, а из одной зелени.

Фальцфейны долго думали, что теперь им делать. И наконец придумали: они подкупили императорского садов-

ника, чтобы он выкрал для них один кустик ампелопсиса. Когда это было сделано, они велели посадить ампелопсис у себя возле башни-водокачки. И скоро вся башня покрылась прекрасным диким виноградом. И когда к Фальцфейнам приезжали гости, они всем показывали:

— Вот посмотрите на нашу зеленую башню. Это ампелопсис — дикий виноград из садов императора Вильгельма.

— Что же, он вам его подарил? — спрашивали гости. — Может быть, вы друзья с Вильгельмом?

Фальцфейны умирали от счастья и неясно отвечали:

— Да, вроде того, что подарил. О, мы с ним самые большие друзья, с Вильгельмом!

III

Вот в такой семье родился однажды маленький Фальцфейн. Немудрено, что он, как говорят, был еще в пеленочках, а спесь у него была с теляночка. С малых лет всякие няньки, мамки и приживалки твердили ему:

— Ах, какой изумительный мальчик! Какой он розовый, умный, красивый! Лучше его нет во всем свете.

Мальчик в самом деле был розовый и толстенький, как поросенок, к тому же очень смысленый. Он довольно поменялся и говорил:

— Конечно, я лучше всех. Мой папа кого хочешь может купить и продать.

Когда он попросился в школу, его отдали в школу. Учителя тоже расхваливали его, потому что папа платил им хорошие деньги. Но другие мальчики не захотели удивляться.

— Чего ты нос дерешь? — говорили они. — Ведь ты обыкновенный толстый мальчик, только ленивый и поэтому хуже нас учишься. Чего же ты форсишь?

Маленького Фальцфейна огорошили такие слова. Он пошел домой, дал деревенским парнишкам денег и попросил наловить ему десять штук воробьев. На другой день он пришел в школу и сказал:

— А я вчера сам поймал десять больших воробьев. Теперь они сидят у меня в клетках и чирикают прямо в комнате.

— Врешь! — удивились мальчишки. — Сам поймал? Вот это здорово!

С этого и началось. Через месяц у маленького Фальцфейна было уже сто воробьев, по два, по три в каждой клетке. Потом появились жаворонки, скворцы, журавль и две утки. Все родные и знакомые, гости и прислуга жужжали мальчику в уши:

— Ах, как много у тебя птиц! Прямо удивительно, до чего ты любишь птиц!

Мальчик сиял от восторга и старался все больше закупать гусей, аистов, дроф и всяких других птиц. Через несколько лет их развелось у него столько, что для них уже пришлось строить особые дворики — вольеры. Пришлось нанимать людей, чтобы кормить их и ухаживать за ними.

Старому Фальцфейну сначала не нравились эти забавы сына. Жалко было денег, которые он тратил на птиц. Но годы шли, сынок подрастал, и папаша призадумался. «А, пожалуй, из этого выйдет толк, — сказал он сам себе. — Времена изменились. Колясками да дворцами теперь никого не удивишь: они есть у всех купцов. А вот птичьего парка нет ни у кого. Птичий парк — это прекрасная реклама...»

Так продолжалось до тех пор, пока маленький Фальцфейник не превратился в большого, толстого Фальцфейна. В это время умер его папаша. Все деньги достались ему. Он стал владыкой Аскании и многих других поселков, бесчисленного стада овец и огромных степей.

Вот тогда-то он и разошелся во-всю. «Ага, — думал он, — мальчишки в детстве говорили, что у меня нет ничего удивительного. Ну, так я им покажу теперь!»

Тут, кстати, управляющий доложил ему:

— Ваше владычество! Дело, которое вы начали с птицами, обещает в будущем большие преимущества. Вы стоите на верном пути, и я думаю...

— Хорошо, — оборвал его толстяк. — Я это знал раньше вас.

И он стал разводить не только птиц, но и всяких других животных: лошадей, коров, оленей, диких зебр, антилоп, зубров и буйволов. Он выписал ученых и заставил их работать над тем, чтобы вывести самых редких животных, какие только есть в мире.

Ученые взялись за работу. Они думали, что, работая у толстяка Фальцфейна, они выведут такие чудесные породы скота, что их шерсти, молока, мяса и шкур хватит на всех людей. Но они ошиблись в самом главном: ведь толстяк никого и ничего на свете не любил. У него была только спесь и жадность, такая же, как у всех купцов в мире.

IV

Однажды толстяк сидел у себя в кабинете и гудел одному старому ученому:

— Вы должны мне придумать что-нибудь такое, чтобы об этом непременно напечатали в газетах. Мне это нуж-

но для дела. Понимаете? Чтобы весь мир узнал и все полопались от зависти ко мне.

Ученый знал одну тайну: если смешать двух животных разных видов, то от них могут получиться дети гораздо лучше и полезнее, чем оба родителя. Он узнал это из книг и опытов над мухами, кроликами и мышами. Но ему надо было проверить, как это получится у крупных животных. А проверить этого он не мог, потому что у него не было никаких животных и не было денег, чтобы купить их. Вот он и стал уговаривать скупого толстяка:

— Поверьте мне. Я много работал над этим вопросом. Видите: волосы мои из черных стали совсем белыми. Я знаю, что все будет так, как я говорю. Дайте мне десять ваших кобыл — ведь у вас их сотни — и самца зебры. Я разведу для вас чудесных жеребят — полулошадей, полузебр. Они будут называться зеброндами и будут такими красивыми и сильными, какой еще не была ни одна лошадь, ни одна зебра. Про них непременно напечатают в газетах, и вы прославитесь на весь мир.

Толстяк долго мучился. Ему очень хотелось получить чудесных лошадок на зависть другим толстякам-помещикам. Но что, если ученый обманывает его и жеребята получатся совсем не чудесные и не выгодные?

Скупость и жадность одолевали толстяка. Он долго мучился, но наконец решился. Он велел отобрать для ученого десять самых плохих, никудышных кляч, которые с трудом возили воду для пастухов и овец в степь. На всякий случай он сам еще раз пять пересмотрел всех своих кобыл: не найдется ли среди них еще похуже? Но хуже не нашлось.

И вот, когда все уже было готово и толстяку надо было только подписать записку, что эти десять кляч он отдает ученому для опытов, им вдруг овладела такая ужасная скупость, что он схватил перо и зачеркнул у десятки нолик. И тогда получилось, что из многих сотен лошадей он смог уделить ученому только одну, самую захудалую, хромую водовозную клячу. Старый ученый закусил губу от возмущения. Но что ему было делать? Пришлось еще раскисаться в благодарностях и скрепя сердце хвалить этого жадюгу за его «щедрость». А то бы и этого не дал.

V

Прошло одиннадцать месяцев, и у хромой водовозки родился розовый полосатый жеребенок. Толстяк велел дать ему клячку «Фрегат» — должно быть, он думал, что чудесный конь будет такой же большой, как корабль.

Фрегата пустили в степь пастись вместе с другими жеребятами. Он стал расти и с каждым днем делался все лучше, все красивей. Толстяк часто призывал к себе ученого и справлялся:

— Ну, как наш чудесный конек? Скоро уж его можно будет показать моим соседям?

— Фрегат молодец! — с гордостью отвечал старый ученый. — Он будет у нас таким красавцем и силачом, что с ним не сравнится ни одна домашняя лошадь, потому что он — помесь дикого животного с домашним. Вы только подождите еще немножко, пусть ему исполнится четыре года.

А толстяку уже не терпелось, и он раньше времени начал хвастать перед всеми соседними толстяками:

— Что ваши лошади! Вот у меня есть конь так конь! Такого коня у вас никогда не было и не будет.

Он так прожужжал им всем уши, что толстяки наконец не выдержали:

— Да покажи ты нам это свое чудо! Хвастаешь, хвастаешь, а может быть, у тебя и нет его. Как же мы можем поверить тебе, когда мы его даже не видели ни разу?

И вот, когда Фрегату было только три года и один месяц, толстяк навез полон двор гостей. Он привел их к конюшне и сказал:

— А ну-ка, старый ученый, покажи им нашего чудесного Фрегата.

Старику не хотелось раньше времени показывать лошадку, но делать было нечего. Взял он уздечку, надел на Фрегата и вывел его во двор, напоказ толстякам. Толстяки взглянули — и все разом покатались со смеху. Они от хохота не могли выговорить ни слова: Фрегат хотя и был стройным, красивым конем, но он был маленького роста. Ведь и отец-зебра и мать-водовозиха у него были маленькие, откуда же он мог сделаться великаном?

— Ха-ха-ха! — смеялись толстяки. — Это и есть твое чудо? Верно, что чудо: его можно в кармане носить, а когда нужно — вынул, сел и поехал.

— Хо-хо-хо! Вот уморил! Видно, твой зеброид от отца получил злость да упрямство...

— Хи-хи-хи, а от матери-водовозихи — ее силу, хи-хи, и красоту...

Фальцфейн от злости налился кровью — вот-вот лопнет. Подлетел с кулаками к старому ученому и заорал:

— Застрелю! Убую! В тюрьму засажу! Если хочешь быть живым, то сейчас же докажи нам, что Фрегат хоть чем-нибудь лучше домашней лошади.

— Но ведь он еще молод, — пробовал возразить ученый. — Если его сейчас испытывать, он может погибнуть.

— Знать ничего не хочу! — орал толстяк. — Вынь да положи мне доказательства.

— Хорошо, — согласился ученый. — Воля ваша, приказывайте.

Толстяки посоветовались между собой и решили назначить испытание на утро.

— А пока, — сказали они хозяину, — ты бы неплохо сделал, если бы велел запереть этого дурака вместе с его чудом в конюшню. А то он еще удерет, и мы лишимся редкой потехи.

После этого толстяки пошли в белый дом и до поздней ночи пировали. А человек, приставленный ими к конюшне, каждые двадцать минут прибегал и докладывал:

— Старик целует розового конька. Он гладит его по лосатую шею и плачет.

— Старик сказал, что вы, толстяки, безжалостные и замучите розового конька досмерти.

— Старик привязал к столбу какую-то пружину с часами, а к пружине — розового конька; когда конек хочет бежать, пружина натягивается, а старик смотрит на часы и что-то вычисляет.

— А! — говорили толстяки. — Это он пробует силу своего чуда. Ну, пусть пробует. Завтра мы ему устроим пробу немножко почище, чем на пружине.

VI

И вот наступило утро. Старик, к сожалению, не ошибался: розовому коньку, видно, и в самом деле пришел конец. Толстяки выбрали в конюшне самую рослую и сильную лошадь — белого Султана. Его подвели к длинной немецкой телеге, наполненной тяжелыми мешками с песком, и стали запрягать.

Султан рыл землю копытами, выгибал лебединую шею и смотрел на людей горячими преданными глазами. Длинная грива и хвост его развевались по ветру.

Когда с другой стороны подвели к нему в пару розового конька, толстяки опять схватились за животы и затряслись от хохота. Фрегат едва доходил Султану до плеча. Туловище у него было короткое и круглое. Когда на него надели сбрую, он просто утонул в ней — так она была велика для него. Пришлось наскоро вызывать шорника и перешивать всю сбрую. Наконец все было готово, и Фрегат влег в хомут вместе с Султаном.

Он был, и правда, очень смешной. Гривка у него стояла торчком, чолки не было вовсе, а голова была голая и не по туловищу большая. От крика и суетни людей бедный конек совсем растерялся и глядел на всех, как ребенок.

Старик отвернулся, а потом и вовсе убежал прочь, чтобы не видеть жестокой забавы.

Телега тронулась. Лошади должны были везти тяжелый воз до тех пор, пока кто-нибудь из них не упадет. Кто-нибудь из двух непременно должен был погибнуть в этой борьбе. И толстяки-помещики, зная силу могучего Султана, шутя замахали шапками и закричали коньку:

— Осторожней, зеброид! Не налегай слишком ретиво, полосатый великан! Не умори нашего крошку Султана!

Рядом с телегой поехали двое свидетелей. Они должны были наблюдать за лошадьми во время пути, чтобы потом рассказать, как все было. Кроме того, один из них вел в поводу запасную лошадь — Калифа. Когда зеброид сложнет, Калифа должны были запрячь в телегу, чтобы привезти ее обратно.

Телега выбралась в степь. Султан из-под длинной чолки скосил на Фрегата свой синий глаз и прибавил шаг. Должно быть, его рассмешила и обозлила эта суетливая восторженная лошадка, так дерзко ставшая с ним в пару.

Фрегат тоже натянул постромки и глянул на большого красавца-соседа.

Вы ведь помните, что у него вовсе не было никакой чолки? Это только домашние лошади, давно живущие под защитой человека, закрывают свои глаза длинными волосами. А диким лошадям нужна открытая морда. На воле у них много врагов, которых надо видеть издали.

Фрегат получил открытую морду от своего отца — дикой зебры. И кровь в нем текла дикая, неукротимая. Его злило, что тяжелый груз мешает ему бежать. Он грыз удила и сердито налегал в хомут. Тогда левый край телеги, где вез Фрегат, заходил вперед. Телега начинала идти боком, и кучеру приходилось подгонять Султана.

Скоро Султан потемнел от пота, как выкупанный, и на боках у него показалась пена.

VII

Так проехал тяжелый воз сорок верст. Под большими глазами Султана не высыхали ручьи. Пена хлопьями падала на землю, и он уже два раза спотыкался. В это время телегу догнали коляски с гостями. Толстяки промчались мимо с хохотом и криками:

— Она еще жива, эта полосатая мышь? Ну, крепко же ей достанется!

— Да, уж Султан вышибет из нее дух!

— Кучер! Ты тогда не бросай ее в поле, а положи на воз, и пусть уж Султан с Калифом доведут ее до нас. Мы подарим ее старому ученому.

И никто из них не заметил, как сильно изменился и похудел за эти сорок верст веселый Султан.

А маленький Фрегат старался, как мог. Он тоже устал, но крепкие, стальные ноги зеброида пока и не думали спотыкаться.

Фрегат налегал в хомут, и телега все стремилась идти боком.

На пятьдесят первой версте показалась деревня. Султан, белый конь, поглядел на нее и заржал. Вдруг колени его подогнулись. Он рухнул на землю и слох.

Свидетели, ехавшие рядом, остановились и стали удивленно перешептываться между собой. Кучер слез и начал снимать с мертвого Султана сбрую, чтобы надеть ее на Калифа.

Вороной Калиф был такой же красивый и рослый конь, как белый Султан.

Толстяки ожидали, что он привезет дохлого зеброида. А теперь вот ему приходилось занять место Султана, чтобы довести телегу до деревни.

Пока перепрягали больших лошадей, полудикий конек выкатался на траве и хорошенько расправил свое мускулистое тело. Он уже приготовился было попасть на лугу, но люди снова прикрепили его к тяжелой телеге.

Тогда Фрегат рассердился и, должно быть, решил убежать от телеги. Он так стремительно бросился вперед, что Калифу пришлось очень даже поторапливаться. Кучер шевельнул Калифа кнутом, тот прибавил ходу и стал быстро покрываться потом.

А телега все-таки шла боком.

И свидетели, ехавшие рядом, стали все громче и громче удивляться розовому коньку.

Теперь уже они жалели его и радовались, что деревня — вот она, совсем близко. Там кончится наконец это жестокое испытание.

Но когда телега въехала в деревню и изумленные толстяки поняли, в чем дело, они в страшном гневе затопали ногами и свирепо заорали:

— Назад! Назад поворачивай!

— Гони снова эту полосатую гадину!

Солнце уже задело одним краем за землю. По степи медленно двигались длинные тени.

Это ехала тяжелая телега, запряженная парой коней. Справа шел, спотыкаясь, высокий вороной жеребец, слева — маленькая взъерошенная лошадка.

Она тоже была сильно измучена. Но дикие ноздри ее чуяли уже запах поселка. Лошадка пофыркивала и довольно бодро смахивала хвостом мух со спины.

За телегой ехали свидетели и во весь голос расхваливали чудесного розового конька.

В поселке, на балконе белого дома, стояли толстяки. Когда телега показалась на дороге, толстяки посмотрели на нее и уныло стали переговариваться между собой:

— Ну что же! Лошаденка, правда, ничего. Крепкая лошаденка. Но и Калиф тоже молодец.

— Еще бы, вон как тянет! Шестьдесят с лишним верст прошел — и как ни в чем не бывало.

— А Султан, наверно, был просто больной, вот он и сдох.

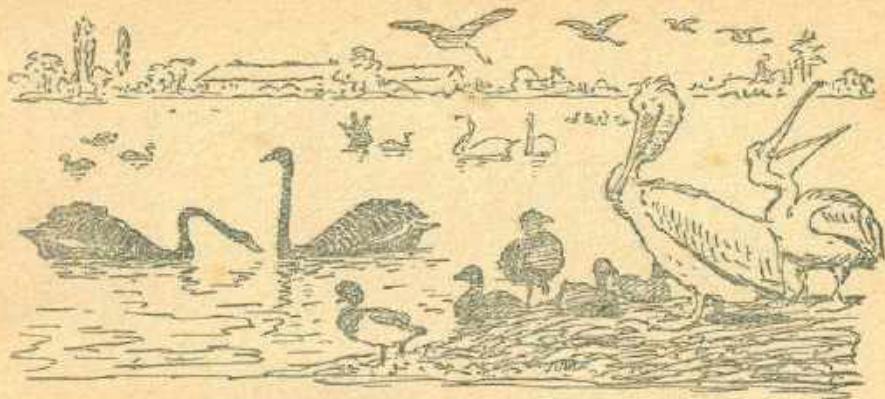
— Ну, конечно. Никаким тут чудом и не пахнет.

Телега уже въезжала во двор, и тут, на глазах у всех толстяков, прекрасный вороной конь упал на колени. Ни крики, ни понуканья не могли поднять Калифа. Он медленно оседал на землю, и большое красивое тело его делалось вялым, как мешки с песком, лежавшие на телеге.

Его отпрягли. Чудесный конек одним боком потащил тяжелую телегу во двор. Тут откуда-то вышел седой слабый старик. Он уперся плечом в телегу и, кряхтя и охая, стал помогать своему любимцу.

Когда толстяки увидели, что случилось и со второй лошадей, им всем страшно захотелось, чтобы и у них развелись эти чудесные зеброиды. Но Фальцфейн никому не давал своих диких зебр.

Поэтому они развелись только у него одного.

ТЯЖЕЛЫЕ ПУШКИ

I

— Дедушка, а их много развелось у Фальцфейна, зеброидов этих?

— Подконец-то шестнадцать штук было.

— Как шестнадцать? А почему теперь только пять осталось?

— Каких пять? Этих вот, которые у нас-то? Ну, это совсем новые. Этих мы сами для себя вывели. А те все пропали. В море, бедные, потонули, все до одного.

Ребята подождали, — может, сам расскажет, — а потом Индеец попросил:

— Дедушка, расскажи нам про это.

— Рассказать, говоришь? Неохота ворошить-то все это. Ну, да уж ладно, слушайте.

Это верно говорят, что Аскания прославилась зеброндами. Из-за них к нам со всего света паны приезжали. Бывало как чуть — приказ: все вымыть, вычистить, коней приготовить и самим понарядней одеться. Ну, значит, гости будут.

И верно. Глядишь, немного погода идут. Наш пан шею раздувает от спеси, а те завидуют. Уж как только они не просили его продать им хоть одного зебронда! При мне один давал пятнадцать тысяч золотом.

Нет, не продал наш. Он, видите, на что надеялся: от этих зеброидов да получить жеребят. Ведь у них какая дурная привычка есть: сами-то они очень уж хороши, ну, а детей от них получить нельзя. Прямо сказать — бесплодные рождаются.

Вот он и надеялся, наш пан: выведет ему старый ученый побольше зеброндов, хватъ — среди них найдется хоть парочка плодovitых. Тогда бы их можно опять смешать с кем-нибудь и вывести новых коней, еще почище Фрегата, а от тех опять новых — и так, пока не родятся такие, чтобы сильнее слонов были. Ну, только дело его не выгорело: ни один зебронд так и не дал жеребенка.

Да... Так вот, стало быть, работаем мы этак на конюшне. И вот приходит как-то ко мне Трохимка, племянник мой. А он тогда малесенький был — чуть побольше вас.

— Дядько, — говорит, — проси пана, чтобы велел меня на конюшню взять, работать с тобой.

— Вот тебе на! — говорю. — Это чего ты там не видал?

— Буду учиться новых лошадей объезжать, зеброндов. Люблю их очень.

Я на него аж глаза выпучил. Вы знаете, что это такое — объезжать зеброндов? Это значит — жизни своей не жалеть. Лошади они все равно что дикие, сила у них страшная, на людей они кидаются, как звери. Когда на него сядет человек, для него ничего такого нет, чтоб он испугался: яму встретит — через яму сигает, забор высокий — через забор летит, лишь бы скинуть человека. У нас только двое и сажались на них первый раз. Был еще третий, да его убили, беднягу. Тоже зебронд ухлопал.

Ну, я, понятно, прогнал Трохимку. Сказал, чтобы он и близко не подходил к конюшне. Хватъ — через неделю опять идет.

— Дядько! — кричит мне издали еще, а сам смеется. — Вот писуля до тебя от пана. Я сам его упросил. Он велит, чтобы взяли меня на конюшню.

Взял я его за чуб и оттрепал как следует: жалко же хлопца, пропадет ни за что. А он, паршивец, хоть бы чуть заплакал. Морщится от боли, а глаза сухие.

— Ладно, — говорит, — дядько, бейте. Ну, только пана вам послушаться нельзя. Вам за это знаете что будет?

Вот до чего скверный был парнишка! Ну что же, пришлось нам взять его.

Так что бы вы думали? Добился ведь своего, гад. Как присосался он к этим лошадям — силой не оттащишь бывало. День и ночь готов был с седла не слезать. Стало быть, верно, любил их больше всего на свете.

Сперва на домашних ездил, с год этак. Потом стали ему давать плохо объезженных, упрямых, пугливых — никаких не боялся, отчаянная башка! Иной раз и падал он, шибко падал. Так бывало хряснется, думаешь — из него дух вышибло. Подбежишь:

— Что, Трохимка, убился?

— Нет, мне даже не больно ничуть.

А сам аж еле подымется и пойдет, хромая на обе ноги.

II

Года этак через три он уже сидел на лошади, как болячка, — не отдерешь, вот как насобачился. Ну, а зеброндов мы ему все-таки не давали. Уж как он ни рвался, как ни просился!

— Нет, — говорим, — про это ты и не думай, лучше из головы выкинь. Тебе-то хорошо: ты голову сломаешь, да и дело с концом. А нам после как твоей матери с отцом в глаза глядеть?

И вот, как на грех, возьми и выпади такой случай. Приехали к пану гости. Сидели они там, чай пили да сладкие пироги кушали, а одна барышнѣнка и вякни:

— Хочу поглядеть, как вы зеброндов объезжаете.

Ну, пан, понятно, приказ нам: «Приготовить Мотылька, утром объезжать будем». А конь этот, надо вам сказать, только по прозванию был Мотылек. По-настоящему-то он был хуже собаки бешеной. Одно слово, дикий зверь. Кабы не гости, его бы месяц целый готовить надо. А тут он у нас дней пять по кругу побегал да раза два на него седло надели, без седока, — вот и вся подготовка.

Наутро явился пан с гостями, и началось представление. Мотылька связали всего, человек десять держали, а двое надевали седло и уздечку. Конек храпел, скалил зубы. Барышнѣнка, та аж визжала от страха, а сама все-таки радовалась, что увидит потеху такую.

Ну, недолго ей пришлось тешиться. Главным наездникам нашим не повезло в тот день. Один только сел на Мотылька — как он его жвыкнет кверху! Тот так и взлетел пробкой. Поднялся — нога вывихнута, стать не может.

Пан нахмурился, велел другому садиться. Этот сперва было подержался, а потом два раза кряду вылетел — больше не мог: и так еле ноги утащил.

Пану нашему неловко: только начал угощать, а угощенье-то и вышло всё. Он распалился, кричит:

— Кто сядет на Мотылька? Сейчас десять рублей заплачу!

Ну, где же там! Своей головы всякому жалко. Разве кто сядет? Барышнѣнка, та носик сморщила.

— Я думала, — говорит, — это интересно. А это вовсе неинтересно.

Пан аж зубами заскрипел от злости и отвернулся, хотел уходить. Вдруг, откуда ни возьмись, Трохимка. Подошел этак к пану и говорит:

— Давайте десять, сейчас объезжу.

Я было за чуб его — при всех прямо.

— Ты что, ополоумел, паршивец? Сейчас пойду мать приведу. Не слушайте его, ваша милость, видите — хлопца малый, не понимает ничего.

Трохимка опять до пана:

— Нет, я умею! Я лучше их всех езжу, вот увидите. Если хоть раз упаду, то больше никогда в конюшню не приду. Они нарочно не дают мне зебридов, потому что им завидно.

Ну, пан, известно, рад. Ему жалко, что ли? Убьется — одним хлопцем меньше будет, только и всего. Велел он опять привести Мотылька и укоротить стремяна, чтобы Трохимке как раз были. Мы подержали коня. Трохимка уселся, взял поводья и только успел крикнуть:

— Пускайте!..

Ох, ребяташки! Много я видел озорников среди вашего брата, но такого поганца непослушного мне больше не довелось встретить. Попадись он мне сейчас, своими бы руками так отодрал за уши, что вовек бы не забыл.

Что он с ним делал, этот Мотылек! Сперва все на месте кидался: подпрыгнет да вбок, подпрыгнет да вбок. Спину то горбом выгнет, то в линейку распластается. Потом кинулся прыгать по кругу, как в цирке. Потом ка-ак взвьется на дыбы!

Барышненька, та и плачет, и смеется, и визжит — всё сразу. Я аж глаза зажмурил: конец, думаю, хлопцу, провал наш Трохимка!

Тут, слышу, затопало. Открыл глаза, вижу — далеко в степи пыль столбом, и в ней Трохимкина голова мелькнула. Мелькнула и исчезла.

Стали мы ждать. Ждем долго, с полчаса. Никого не видеть. Я к пану:

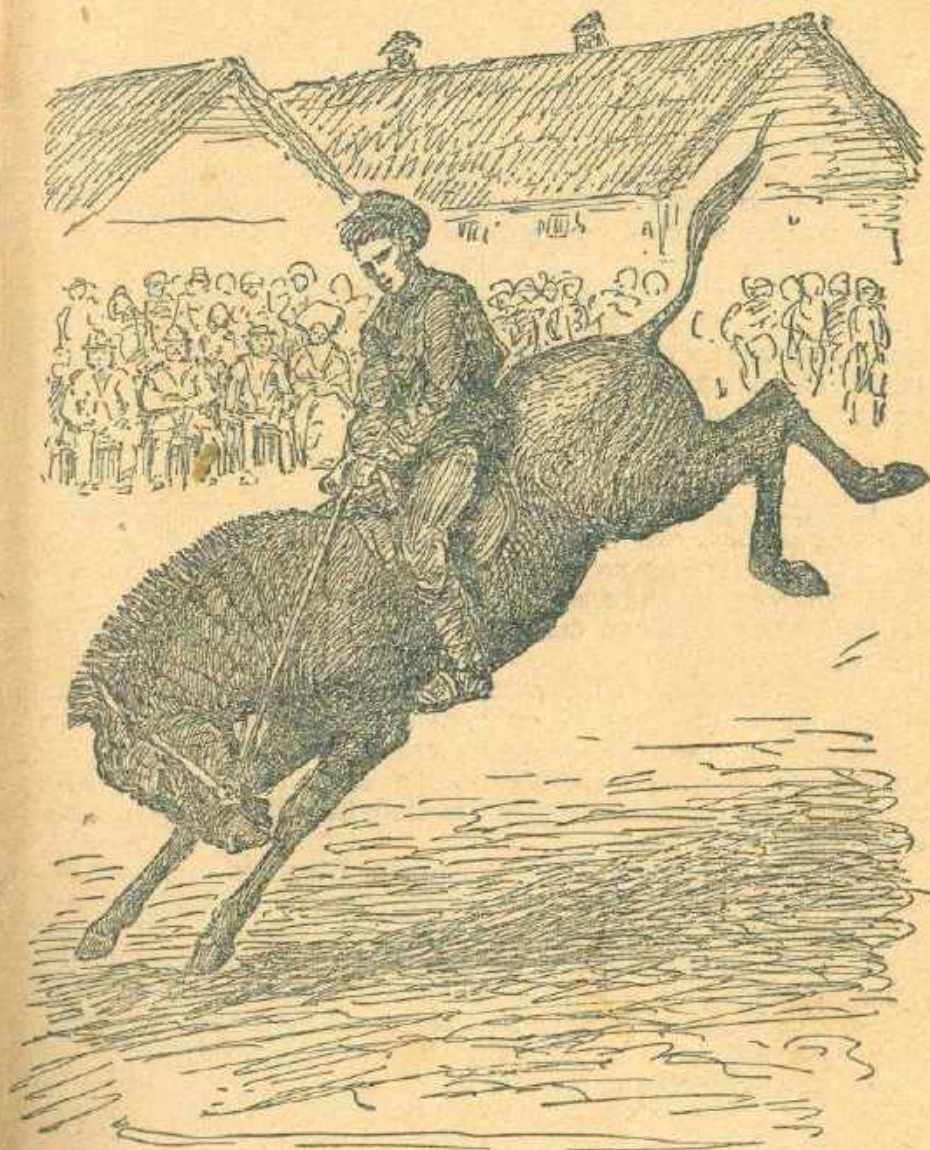
— Ваша милость, дозволейте поехать поглядеть. Убился ведь парень.

— Подожди, не твое дело.

— Как же, — говорю, — не мое? Племянник он мне родной.

Он только рукой махнул: отстань, не до тебя тут.

Прождали мы еще с час — нету ни Трохимки, ни Мотылька. Барышненька уж нос опять наморщила. Скучно ей стало. Тогда я потихоньку от пана начал заходить за конюшню. Хотел оттуда пойти в степь, разыскивать хлопца.

Потом Мотылек кинулся прыгать по кругу, как в цирке.

Вдруг слышу — опять топчет. Сзади нас, с другой стороны. Обернулся и глазам не верю: они самые! Мотылек темный весь, вспотел, а Трохимка серый, как стена. То ли он пылью так покрылся, то ли устал очень.

Подскакали к нам — стоп, машина! Мотылек встал и заводил боками, как паровоз. Трохимка слез с него, отдал нам поводья и пошел.

— Подожди! — крикнул пан. — На́ вот тебе.

Он долго искал в кошельке и нашел полтинник.

— На́. Это тебе награда. А кроме того, назначаю тебя объездчиком зеброидов. Будешь получать в месяц пять рублей.

Вот шельма! Сразу с двух концов надул хлопца: и с наградой и с жалованьем. Ведь тогда уж третий год война шла. Деньги были дешевые. Другие объездчики по двадцать да по тридцать получали. А он Трохимке пять положил за такую-то каторжную работу!

III

С этих пор наш Трохимка совсем отбился от людей. И что ему дались эти лошади, шут его знает. Другие хлопцы в его годы только и думают, как бы на улицу удрать да с товарищами побаловать. А у этого вместо товарищей зеброиды были. Вечно бывало с ними возится. Только что не спал в стойле.

Ну, зато и они его отличали ото всех, это надо прямо сказать. Бывало, если он в конюшню зайдет, они все к дверям. Уши подымут, глаза скосят и лают, как зебры. А уж он обязательно чего-нибудь да даст каждому: тому хлебца корочку, тому сахару где-нибудь стащит, тому арбуза кусок.

Да вот взять хоть Мотылька этого. Ведь он, зараза, так до конца зверем и остался. Близко никого не подпускал. Так и норовил либо копытами ударить, либо зубами цапнуть. А Трохимка бывало с ним, как с коровой смирной: и под брюхо ему лезет, и копыта прочищает, и спину дерет скребницей. А уж верхом сядет, так он у него прямо по струнке ходит. Дыханья его слушается — вот до чего понятливым сделался.

IV

Тут вскоре пришла революция. Пан наш сбежал. Сперва было он оставил у нас мать свою, старую Фальцфейнику. Но потом и она уехала. Стали мы сами хозяйничать над всей Асканией.

Первое время нам все не верилось. «Как же это? — думаем. — Сроду мы были у пана вместо скота и вдруг — хозяева. Не может этого быть, чтобы он так легко расстался с добром своим». А тут еще всякие холопы панские остались среди нас. Они всё шептали:

— Вот погодите, погодите! Он вам задаст, пан, когда вернется. Он вам похозяйничает!

Хватя, и правда: помещики пошли войной на советскую власть. В феврале месяце, в девятнадцатом году, я как-то встал утром и пошел в зубро-бизонник насчет сена. Подхожу к нему и только это за ручку взялся — ка-ак во двор что-то шархнет! Меня всего землей засыпало и оглушило. Прибежали еще наши работники. Поглядели: от четырех быков одни куски остались. Остальные режут со страху и на стену лезут.

Немного погодя прискакал какой-то человек.

— Ну, товарищи, теперь держитесь! Плохо вам придется: воевать тут будем. Но только помните: добро все наше, народное. Берегите его, как свой глаз. В случае, белые возьмут, грабить не давайте. Все равно мы назад отобьем. А если которые между вас гады, бейте их за мое почтение. Никакого ответа держать не будете.

Сказал так и опять ускакал. Больше мы его и не видели никогда. А слова его оказались правильные. С этого дня наша Аскания очутилась как на острове. Кругом степь. В степи войска передвигаются, пушки стреляют, идут бои. А мы сидим и ждем, когда нас разнесут вдребезги: сегодня или завтра?

Полтора года так высидели, больше даже. Эх, и досталось нам за это время! Из поселка никуда носу нельзя было показать. Продукты у нас кончились, дров не было, керосину не было. А как только вышло все топливо, так перестал работать мотор на зеленой башне-водокачке.

Вы ведь знаете: Аскания только и живет этой башней. Вся вода, какая у нас есть, от нее. Уберете водокачку — моментально засохнут все деревья, высохнут пруды, птица вся улетит, а звери подохнут без воды.

Случись такое несчастье при пане, нам бы и горюшка мало: да хай оно все провалится сквозь землю! Нам-то что, жалко, что ли? Самим бы себе натаскали как-нибудь из колодца ведрами — и ладно. А теперь было жалко: ведь каждый кустик, каждая зверюшка наши собственные стали. Как же это мы вдруг дадим им погибнуть?

И вот стали мы с утра до ночи хлопотать, разыскивать топливо для водокачки. Запасали соломы, подбирали каждую палочку, ломали заборы у своих дворов. У кого был

лес приготовлен — скажем, хату собирался строить или сарай, — все отдавали на водокачку.

Трохимка наш за это время аж почернел. Щеки ввалились, глаза сделались большие и злые, как у волчонка. Он со всеми переругался из-за своих зеброидов: все думал, что их нарочно мало кормят.

Вместе с Семеном Ивановичем — тот старичок-ученый, который вывел Фрегата, помните? — вот с ним они приделали к колодцу такое колесико, с желобком. Когда водокачка работала плохо, они запрягали зеброидов и целый день на этом колесике качали воду бадьей.

А раз они учудили штуку еще почище. Это было уж в двадцатом году. Зерно тогда у нас все кончилось. Не то что животным — себе уже не было. Хватились мы утром — нет обоих. И лошадей двух нет и брички. Подождали до вечера — нет, не едут. И на другой и на третий день то же самое. А кругом бой страшный идет. У нас в хатах и то слышно, как пушки стреляют.

Мы уж и поругали их: вот, мол, два дурака собрались, старый да малый! Подлезли в этакий огонь. Да разве они теперь вылезут оттуда?

Мать Трохимкина все глаза выплакала. Мы, как могли, утешали ее, но сами, по правде сказать, тоже не верили, что они живыми вернуться.

Нет, смотрим — на четвертый день под вечер едут. Мы глянули, а у них полна бричка овса, аж с верхом!

— Да как это вас угораздило? — спрашиваем.

Старичок только руками развел:

— Я, знаете, сам ничего не понимаю. Сначала мы попали в какую-то перестрелку. Потом нас арестовали, обещали расстрелять. А потом почему-то насыпали овса и отпустили. Это вот Трохим все устроил, вы его спрашивайте.

Стали мы спрашивать Трохимку, а он, гад, не говорит ничего. Только смеется над нами:

— Вы думаете, я вам дам? Нет, брат, мы для зеброидов достали. А вы для своих попробуйте сами достаньте.

V

Недели через две после того к нам пожаловали белые войска. Они и раньше захаживали к нам, но тогда от них особого вреда не было. Пограбят бывало немножко и уйдут. Да и грабить-то больше старались ночью, потихоньку.

А тут, видно, дела у них плохо обернулись, вот они и озверели. Как только въехали, так сразу кинулись разорять всё. В белом доме повыбили все стекла. Столы, диваны,

стулья, большие зеркала, шкафы — все это вытаскивали в парк и там разжигали под деревьями костры.

Деревья они, подлещы, нарочно выбирали либо старые, вековые, либо какие-нибудь особо ценные, редкостные, которые были привезены из дальних стран. Чтобы, значит, заодно с мебелью погубить и их. Если какие не поддавались огню, они рубили их топорами и тоже валили в костры.

Садовник наш бегал по парку и ловил офицеришек. Перед каждым плюгавым погонником он падал на колени, плакал и умолял запретить солдатам раззор. Ведь он каждый кустик в парке посадил и выходил своими руками, разве ему не жалко было?

Офицеришки всякий раз обещали ему сделать распоряжение и тут же, при нем, с хохотом кричали солдатам:

— А ну, ребята, поддай жару! А то вот тут доброму человеку жалко: розовая акация, говорит. Так пускай же лучше все погибнет, чем проклятым большевикам достанется!

На площадке перед белым домом у нас цветник был. Он и сейчас хороший, а тогда был — ну, просто сказать, радость людям. Летом, когда расцветут розы, бывало глянешь на него, и перед тобой будто музыка заиграет. Так они в этот цветник прямо с телегами заехали. Все кусты поломали, повыдрали с корнем, порубили шашками. Садовник, когда увидел это, пошел домой и захворал с горя.

В зоопарке металась птицеводка. Она отнимала у разбойников птиц, которых они губили себе на ужин. Вы думаете, они выбирали каких пожирней — скажем, уток, гусей? Как бы не так! Нет, ты им подавай самых дорогих, самых что ни на есть редких. Вот фазаны королевские да золотые, краснозобые казарки, нильские гуси — это им пошло. А обыкновенная птица — где же, разве это им по вкусу?

Вы видали, ребята, у нас на пруду плавает черный лебедь австралийский? Видали, какой это красавец? Ведь за него руку свою отдать не жалко. Этот лебедь теперь злой, он тоскует без пары. А лебедку его бандиты вырвали прямо из рук и тут же оторвали ей голову.

Ночью, когда грабители утихомирились и заснули, я слышу: ко мне тихонько стучит кто-то. Вышел — Трохимка с Семеном Ивановичем.

— Дядько! — шепчет. — Помоги нам, мы хотим зеброидов перевести подальше — в старый лошадиный сарай, который мы собирались на топливо ломать для водокачки.

— Да как же, — говорю, — мы переведем? Ведь они убьют нас, бандиты, если заметят.

— А мы кругом. Я уж отвел Фрегата и Мотылька, Беляки пьяные, спят крепко.

И Семен Иванович просит:

— Пожалуйста, уж помогите! Ведь это же преступление будет, если мы не отстоим таких ценных животных.

Ну, делать нечего, надо было итти. Мне и самому они, небось, не чужие были, зеброиды.

Собрался я и пошел с ними в тарпанник. Стали мы, крадучись в темноте, переводить наших коньков в сарай. Приведем три штуки, подтянем им морды повыше, чтобы не дрались да не лаяли, и за новыми отправляемся.

За ночь всех перевели. Сначала боялись мы страшно. А потом увидели, что бандиты наши, правда, пьяные, спят без задних ног. Мы даже так осмелели, что отвезли в сарай воз сена и остатки Трохимкина овса.

Наутро беляки, как только проснулись, пошли в копышню. Выбрали себе лошадей самых лучших под верх, потом направились к нам, в тарпанник. Офицер как вошел, так сразу и закричал:

— Это что такое? Почему станки пустые?

У меня все замерло внутри. Семен Иванович открыл было рот, хотел что-то сказать, но его перебил Трохимка:

— У нас тут стояли дикие лошади, только их забрали. Приехали вот такие же, как вы, и увели.

Офицер как подпрыгнет:

— Как ты смеешь говорить мне такое? Запорю, мерзавец!

Мы с Семеном Ивановичем стали просить его, сказали, что Трохимка от природы глупый и не разбирает, что к чему. Офицер похорохорился немного, потом стукнул Трохимку по башке и вышел.

К вечеру бандиты все уехали от нас. Трохимка на радостях прыгал, как ошалелый зебренок на лугу.

— Ага! Что, что! — кричал он нам с Семеном Ивановичем. — Кабы не перевели, шиш бы у нас теперь остались зеброиды!

VI

Подошла осень. У нас уж месяца два никого не было. А тут дожди выпали сильные. В степи развезло грязи по пояс. Еще по траве кой-где можно ехать, а уж если чуть свернул на дорогу — крышка, ни за что не вылезешь.

Мы сидим у себя в поселке и радуемся: по такой-то, мол, хляби к нам никто не доберется. Трохимка даже хотел переводить зеброидов обратно в тарпанник.

Вдруг — на тебе! И грязь не спасла. Как-то после дождя мы вышли наружу, смотрим — по дороге к нам отряд

двигается. Здоровый, человек двести. Половина верхом, половина в телегах. Сзади плетутся две пушки большущие. В них лошадей по двадцать запряжено, и то еле-еле тащат.

Не знаю уж, кто они такие были: махновцы ли, морозовцы, или какие другие жулики. Тут их, этих банд, тогда развелось бесчисленное число. Ну, только были они все, как один, пьяные и кругом обвешаны оружием да патронами.

Атаман ихний ехал вразвалку в поповском тарантасе. Был он маленький, дохлый, в очках, а морденка до того поганая — плюнуть, и то противно. Как только въехал, сейчас же призвал наших шесть человек.

— Ну, сказывайте: какие у вас запасы есть?

— Да какие же у нас запасы? Все уж забрали ваши.

— Ага! Нет ничего? Ну, хорошо! Через два часа чтоб мне был приготовлен обед на весь отряд. Слышите? Да чтобы хороший, иначе камня на камне от вас не оставлю.

— Помилуйте, ваше... не знаем, как величать вас. Из чего же мы приготовим, если у нас нет ничего?

— Ага! Не приготовите? Ну, хорошо. Тогда мы из вас самих ши сварим. А какие пожирнее, из тех котлет нажарим. Поняли? Мы — народ веселый.

Наши сперва думали — он шутит. Смотрят — нет, тут, видно, не до шуток. Лицо атамана перекошилось не то от смеха, не то от злобы. Он обернулся к своим помощникам и скомандовал:

— Через полчаса, если не начнется приготовление обеда, расстрелять десять человек и отдать их кашеварам: пусть сварят хороший обед.

— Слушаемся, батько! — заорали пьяные бандиты.

Делать нечего, пришлось нам зарезать породистую красно-немецкую корову и приготовить им обед. Они налопались, перепились еще больше и завалились спать. А наутро, как встали, начали хозяйничать.

Ну, хозяйничали они так же, как и те, первые, еще почище даже. Досталось всем: и зверям, и птице, и овцам, и крупному скоту. Про это я вам рассказывать не буду. Только вот что мы заметили: куда бы они ни пришли, везде они были, как у себя дома. Как будто они заранее знали и где что находится и как его взять. То ли уж они дошлые такие были, то ли среди нас, правда, завелись гады, которые им все рассказывали. Явились они и к нам в тарпанник. Пришли — спрашивают:

— А ну, покажите, где у вас тут знаменитые зеброиды?

Мы было так же, как раньше:

— Нету их, увели. Видите, станки пустые.

Они, подлецы, смеются:

— А до сарая этого далеко, куда вы их спрятали? Ну-ка, проведите нас.

Семен Иваныч побелел, как стена, губы у него затряслись.

— Господа-граждане! — говорит. — Лошадки эти нужны для науки. Мы положили страшно много трудов, чтобы их вывести. А вам они не нужны. Вы лучше возьмите в зеленой конюшне лошадей. У нас там еще остались хорошие кони.

— В зеленой, говорите? А ну, покажите.

Повели мы их в зеленую конюшню. Они забрали там всех лучших лошадей, а своих, дохлых, бросили.

— Ну, а теперь все-таки проводите нас в сарай, к вашему ученым зеброидам.

Семен Иваныч опустил голову и долго не мог выговорить ни одного слова. Потом выпрямился и тихо так, серьезно сказал:

— Я не могу. Это против моей совести. Лучше прикажите расстрелять меня здесь же.

Тут опять Трохимка вылез.

— Да я знаю, где они стоят. Пойдемте, я вам покажу. Там их штук тридцать стоит.

Я аж рот разинул. Что это, думаю, с ним случилось такое? То бывало зубами грызся за зеброидов своих, а то сам отдает. Видно, перепугался сильно хлопец. Нагляделся, как они безобразничают, и струсил. Атаман похлопал Трохимку по плечу и похвалил, как маленького:

— Вот молодец! Сразу видно, что умный хлопец. Я тебе знаешь что подарю? Штык австрийский. Вострый, как кинжал настоящий.

Трохимка и вправду сделался, как маленький, глупый ребенок. Услыхал про кинжал, обрадовался досмерти:

— Спасибо тебе, дядько! Вот пойдем сейчас. Тут близко. Я тебе всё покажу.

Атаман обнял его и так, в обнимку, пошел с ним. Мы все поплелась сзади. Только Семен Иваныч не пошел: видно, правда, не мог смотреть, как будут забирать его воспитанников. По дороге атаман стал спрашивать Трохимку:

— Что, горячие они у вас, эти зеброиды? Говорят, совсем дикие?

— Ах, и страшные, дядько! Пять человек у нас убили. Они кусаются, прямо как собаки.

— Ага, это хорошо! Мы горячих лошадей любим. Для казака, брат, горячий конь дороже матери с отцом... А красивые они, да? Говорят — загляденье?

— Кто? Зеброиды? — Трохимка остановился и давай

хохотать. — Да они ж... они ж... маленькие, как мыши. Разве казак сядет на такую? Смеяться все будут.

Атаман нахмурился.

— Ну, это ты врешь. Смотри, брат, я не люблю, когда мне врут!

— Вру, да? Ну, вот сейчас увидите.

Пришли в сарай. Бандиты оглядели зеброидов и велели вывести одного наружу. Трохимка вывел им Мотылька. Атаман молодецки встряхнул своими плечиками, подошел и протянул руку — видно, потрепать хотел. Мотылек изогнулся да как лязгнет зубами! Чуть руку не отхватил ему. Атамана будто ветром отнесло шагов на десять. С него даже очки слетели. Когда их подняли ему, он усмехнулся, будто ничего не было, и скомандовал своим:

— Ну-ка, Савчук, возьми его в работу! Ты ведь мастак по этому делу. А вы подержите, пока он сядет.

Два здоровых бандита взяли Мотылька под уздцы, а третий сел на него верхом, прямо без седла. Должно быть, он уже выпивши был. Те двое еще держали коня, а он уже размахнулся и бац его по боку нагайкой! Что тут случилось, я и разглядеть не успел как следует. Видел только, что все три бандита и конь полетели в разные стороны. Потом этот Савчук — мастак-то — очутился под носом у Мотылька и завизжал, как поросенок.

Все бандиты кинулись на выручку. Мотылек напоследок рванул Савчука так, что тот перевернулся, и ускакал в степь. Бандиты подняли своего товарища. Он был растерзанный и весь в крови. Атаман велел дать ему скорей водки. После этого он обернулся к Трохимке:

— А ведь верно ты мне сказал, хлопец: дрянь лошади! Виду никакого, и возни с ними было бы... Штык я тебе все-таки подарю.

— Спасибо тебе, дядько.

Когда они ушли, Трохимка отбежал немного, покликнул, посвистал, и Мотылек сам явился. Трохимка обхватил его обеими руками за шею и сказал:

— Вот кому спасибо-то. Молодец, Мотылек, так им и надо.

VII

Прожили у нас эти бандиты еще два дня. Всё пили в белом доме, всё озоровали над нами. Мы думали, это никогда не кончится. Хватъ, на третий день утром примчался к нам какой-то гонец. Спрыгнул с лошади и прямо к атаману — докладывать, видно.

Немного погодя, смотрим, они как посыплются все из

дома! Кто лошадей седлать, кто телеги впрягать, кто к пушкам кинулся. Полчаса не прошло — готово уж, собрались. Атаман погрозил нам из своего тарантаса нагайкой и скомандовал трогаться. Верховые шибко зарысили, не по дороге, а, чтоб поскорей, прямо в степь. Телеги сперва тоже шибко поехали, а после намотали грязи на колеса и стали останавливаться, застревать. А пушки, те как въехали на дорогу, так и увязли выше ступиц. Бились, бились с ними — никак с места не двигаются.

Оно, видите, какое дело: перед этим два дня шли без перерыва дожди. Грязь на дороге захрясла, как замазка. В поду, в степи, она и вовсе грузилась вся за ногами. А пушки — ведь они чугунные, в них какая тяжесть! Разве их по такой грязи сдвинешь?

Атаман приказал всех хороших лошадей, которых они у нас забрали, отдать под пушки. Но, когда запрягли этих, они тоже ничего не могли сделать. Рванут, рванут, а пушки ни с места. Бандиты уж и лупили их в четыре кнута каждую и стреляли над ними — никакого толку.

Атаман ругался, топал ножонками у себя в тарантасе и кричал на своих:

— Да вы понимаете, дурачье, что нас сейчас могут накрыть здесь большевики? Понимаете, что вашей шкуре грозит опасность?

Наконец он плюнул и велел ехать без пушек. Еще бы немного, и они укатили бы. Тут из одной телеги вылез человек. Он хотя старался спрятать от нас лицо, но мы все-таки узнали его: это был панский любимчик. Когда-то, при пане, он нам много вреда наделал. Потом он скрылся от нас и года два пропадал. А теперь вот объявился в подходящей компании.

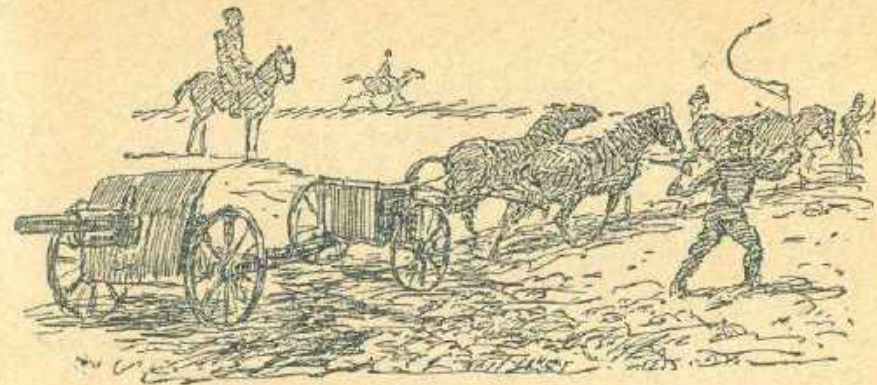
Этот человек подошел к атаману и стал шептать ему что-то. Атаман слушал его и все выше подымал брови.

— Да мы ж видали их... Ну и что же?.. Да ну, ерунда! Не может быть, они же маленькие... Да что ты говоришь! А ну, посмотрим...

Он обернулся к помощнику и отдал распоряжение. Двадцать верховых моментально помчались к старому сараю. А нам атаман приказал:

— Через десять минут чтобы у меня была готова сбруя для всех зеброидов. Если не приготовите, я велю зарядить пушки, и от вашего поселка останутся одни щепки.

Ну, понятно, минут через двадцать все было готово. Верховые подводили по одному, по два зеброида и запрягали их в пушки. Трохимка стоял и глядел на все это. Я один только знал, как ему сладко. Если бы ему на это вре-

Зеброиды подхватили — и пушки захлюпали по грязи, как простые телеги.

мя дать силу такую, он бы, наверно, этих бандитов на клочки разорвал всех. Вдруг он увидал, что ведут его Мотылька: человек десять нацепились на него и тащат. Он брыкается, а они его нагайками лупят. Трохимка бросился к ним и закричал:

— Пустите, я сам его запрягу! Меня он послушается!

И верно, запряг Мотылька и Фрегата. Рядышком, в одну пару. А с остальными бандиты сами справились. Когда все было готово, ездовые чуть только шевельнули зеброидов, для пробы. Они подхватили — и пушки захлюпали по грязи, как простые телеги.

Вот тут-то наш Трохимка и потерял голову. Подбежал он к атаману и давай проситься:

— Дядько, можно мне с зеброидами поехать? Все равно вас они не будут слушаться, а ко мне привыкли. Я знаю, как кормить их, как ухаживать за ними. Назначьте меня конюхом к ним.

Я, как услышал это...

VIII

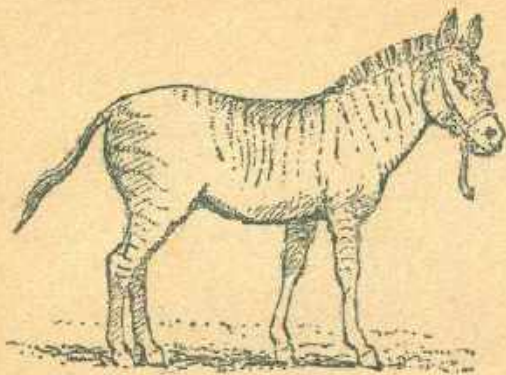
На этом дедушка Федоренко остановился и долго молчал. Потом он неохотно и коротко закончил:

— Ну, не послушал он меня, уехал все-таки. Уехал, а вечером к нам взошла конница товарища Буденного, и все наши муки кончились.

— А потом что? — спросили ребята.

— Потом ничего больше, всё уж.

— А что же с Трохимкой было?

Родился новый Фрегат, еще лучше того, прежнего.

некуда деваться, вот они и решили: чем большевикам достанутся лошади, лучше пусть пропадут.

— Ну и что же?

— Ну и вот. Велели они Трохимке сесть на Мотылька и гнать всех зеброндов в море, будто купаться. А сами подняли ружья... Эх ты, что-то Пальма закряхтела... Пойду, погляжу.

Дедушка убежал и долго пропадал в Пальмином станке. Когда он вернулся, лицо у него сияло большой радостью.

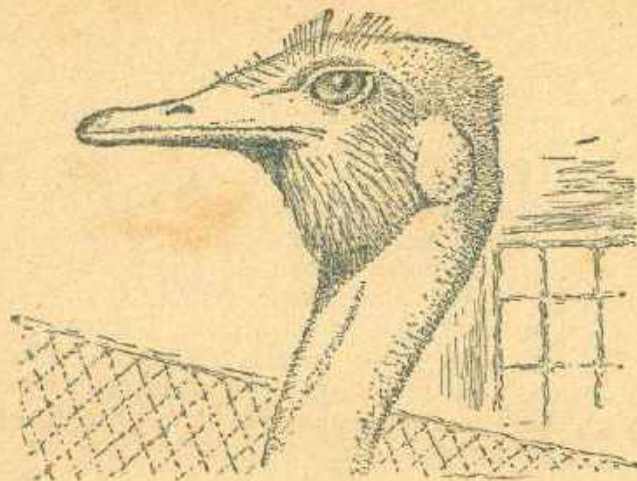
— Варюшка! — закричал он еще издали. — Беги к отцу и скажи, что родился новый Фрегат, еще лучше того, прежнего.

— Розовый, да? — спросила Варюшка, срываясь с места. — С черными лентами?

И, не дождавись ответа, она изо всех сил помчалась к отцу.

Дедушка сморщился и недовольно заворчал на них:

— А-ах, какие вы, ну вас совсем! Все-то им расскажи да объясни... Ну, Трохимка поехал с этими бандитами. Потом задумал угнать от них зеброндов назад к нам, в Асканию. Они два раза ловили его. Потом Красная армия прижала их к самому морю. Им стало

КТО ЛУЧШЕ?

I

Как вам это понравится? Вот смотрите.

Два пальца на большой голой ступне. Над ними — долговязые, больше метра длиной, голые ноги, затем — круглое, упитанное тело, а над телом — опять на целый метр — худая длинная шея. И только там, на высоте двух с лишним метров, скуластая пучеглазая голова.

Голова медленно поворачивается и моргает. На лбу, где у людей морщины, у нее торчат четыре волоса. А темя, на котором полагается, чтобы росли волосы, у нее, наоборот, лысое.

Она — глупая, важная и высокая. Вы думаете, верблюд, да? Нет, это птичка. Самая настоящая птичка, с перьями, клювом и хвостом. Называется она: африканский страус.

Птичка шагает взад-вперед по станку, заложив за спину крылья, и о чем-то думает, как старый профессор. Думает и моргает покрасневшими веками. Станок величиной с хорошую, просторную комнату, но нашей птичке в нем тесно.

Рядом, справа и слева, еще станки. В них также целыми днями расхаживают задумчивые «профессора».

— Да шоб вы повыздыхали все! — ворчит на них старый рабочий Сорочко. — С утра до вечера качает вас, як на том пароходе. Дывитесь, люди добрые, на это хождение: аж тошно делается.

Каждый день Сорочко так выговаривает страусам. Они высовывают головы через загородки станков и моргают.

— Ну, чего вытаращились? Дети будут пучеглазые. Кыш на место! Ложитесь в стороночку и лежите.

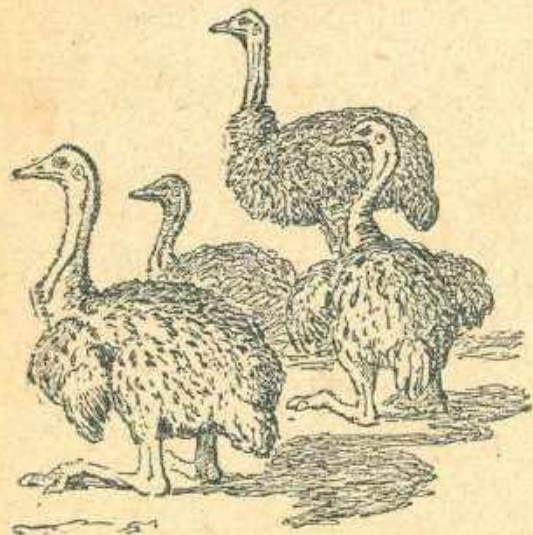
Сорочко разговаривает со страусами очень строго. Со стороны можно подумать, что он их терпеть не может. Но это совсем не так. Каждого страуса он вынянчил и выходил с самых первых дней жизни. Он очень любит их, постоянно о них заботится и даже ночью видит их во сне.

В эту зиму у Сорочко было особенно много забот. Страусовые яйца положили в инкубатор в самом конце лета. Через сорок пять дней из них вывелось четыре страусенка-поздняка. Они не успели подрасти, как уже наступил холода. Сорочко заменял им мать-наседку. Но ведь у него не было широких, теплых крыльев, и он не умел садиться на землю так, чтобы закрыть своим телом сразу весь выводок.

Четыре долговзрых зябких страусенка жались к нему и дрожали. Он покрывал их своей шубой, грел им голые ноги и бегал к технику Августу Иванычу (которого все за глаза звали Страусом Иванычем) требовать, чтобы страусятник лучше отапливали. А Страус Иваныч бегал к Павлу Федотычу.

Топлива в этом году сильно нехватало. Надо было делить его так, чтобы хватило всем. Павел Федотыч скреб в затылке. Но в затылке дров, повидимому, было тоже не очень-то много. Поэтому страусята не переставали жалобно пищать.

Сорочко и Страус Иваныч перевели их в самую солнечную комнату и стали думать. А когда они вместе думают над одним и тем же, тогда уж, будьте спокойны, они наверняка придумают что-нибудь хорошее.

Четыре долговзрых страусенка.

Сорочко вошел в угловую солнечную комнату. В ней никого не было. На полу валялась подстилка из соломы. Стояло корыто с чистой водой и другое корыто, пустое.

В углу комнаты на веревке висело то, что придумали немец с украинцем. Это был большой колпак, такой, как делают иногда над плитами, чтобы вытягивать чад.

Колпак был подвешен больше чем на полметра от земли, и к нему была пришита войлочная юбка. Площадка под колпаком также была покрыта войлоком. Из-под юбки виднелись голые страусячьи пятки, куцые хвостики, и слышалось сонное: буль, буль, трр...

Страусята целыми днями сидели под своей юбкой и сами, своими горячими телами, так сильно нагревали воздух под колпаком, что там было жарко, как в бане.

Сорочко прошелся по комнате, натянул на одно выставшее гузнышко конец юбки и, как всегда, поворчал на страусят. Взрослых страусов он упрекал за то, что они целый день шагают, а на маленьких у него была другая обида:

— Ну, вы! Чего целый день сидите? Гулять надо. Вон солнышко какое веселое. Весна скоро, а вы всё под юбкой сидите, словно рахитики какие. Вот мы отберем у вас колпак, тогда будете знать.

Сорочко перетрушивал на полу солому и гудел себе под нос. А страусята молчали, как будто стыдились своего поведения. Они тихонько ворочались и украдкой выглядывали из-под юбки.

Было время обеда. Сорочко позабирал по станкам пустые корыта, расставил их на столе в кладовой и начал развешивать корм.

Взрослым страусам полагалось размельченное зерно, рубленое сено и обрезки овощей. Маленьким прибавляли еще толченых костей и мяса.

Наполнив все корыта, Сорочко разнес угощение по станкам. А самое большое корыто он с ворчней потащил своим «малым». Страусята, наверное, подглядывали за ним все время. Как только он опустил еду на пол, они сразу зашевелились и повывлазили наружу.

Ноги у них затекли без движения. Они вытягивали их и хрустели суставами. Потом подходили и начинали торопливо глотать из корыта. От спешки и жадности они давились и раскрывали рты. На голых шеях у них то справа, то слева вздувались пузыри. Это еда спускалась по пищеводу в желудок.

Когда страусята поели и напились, Сорочко заставил их немножко побегать. Потом он нагнулся над Гремушкой и стал смазывать ей больной палец мазью. В это время другой страусенок щипнул его сзади за шиворот. Сорочко сердато выпрямился и вдруг улыбнулся. К нему, чуть прихрамывая, подошел его любимчик Малыш — самый маленький из всех страусят. Он внимательно посмотрел на Сорочкину грудь и стал выклеивать пуговицу на его полубке.

Сорочко не мог больше сердиться. Он стал гладить страусенкову спину, шею, покрытую редким пухом, и лысую головушку с круглыми глупыми глазами.

III

В конце марта в степи растаял снег. В поду, где ниже, стояло целое море воды. Ветер гонял по морю широкие волны.

Пролетные птицы — утки, гуси, чайки — толпами слетались в Асканию, как будто на поду справлялось птичье Первое мая.

На высоких местах и курганах лезли к солнцу травы, тюльпаны, тилец. Грачи и пустельги с криком захватывали чужие гнезда. Дрозд на колючие свистел, мяукал и ржал, как жеребенок. Всем, кто слышал это ржанье, становилось смешно и по-весеннему радостно.

А страусы в страусятнике принялись гудеть. Они больше не ходили задумчиво по станкам, как старые профессора. Теперь они метались, как тигры. Круто поворачивались и хлопывали себя крыльями.

Голые шеи и ноги, такие синие и унылые зимой, теперь запылали огнем. Пунцовые от нетерпения, птицы протяжно и громко гудели, словно бык мычал в пустую, гулкую бочку.

— Гудят! — говорили работники на сараях.

— Страусы загудели! — радовались люди в антилопнике.

— Гудят! Гудят! — улыбались в зоопарке. — Весна пришла. Надо готовить и чистить дворики.

Сорочко с помощниками целыми днями возились в двориках. Они не брали выходных дней, работали без отдыха.

— Вот уж выпустим страусов в степь, тогда и отдохнем, — говорили они технику Страусу Иванычу.

Только один раз Сорочко на целый день бросил дворики. Он обходил станки и увидел, что Германка, лучшая

страусиха, что-то совсем загрустила. На каждом шагу она сгибала ноги и ложилась на пол животом.

Сорочко побежал к доктору, к Павлу Федотычу, к технику. Доктора не оказалось дома, а Павлу Федотычу было некогда. Пришлось им лечить Германку со Страусом Иванычем.

Они притащили полтора десятка куриных яиц, проделали в каждом по две дырки и стали над чашкой выдувать из них белки и желтки, чтобы остались пустые скорлупки.

— Август Иваныч! А вдруг она сдохнет от этого? — спросил Сорочко, выдувая десятое яйцо.

— Ручаться, конечно, нельзя. Ведь до нас никто этим делом не занимался. В том-то и задача наша, чтобы самим научиться и потом другим дать указания. А если бы у нас был готовый учебник о том, как лечить и кормить страусов, тогда и никакого труда бы не было разводить их.

Сорочко очень внимательно слушал немца и поддакивал. А когда Страус Иваныч замолчал, он опять, как будто совсем не слышал его ответа:

— А вдруг она сдохнет? Что тогда делать, а?

— Ну, тогда и будем толковать об этом. А сейчас наливай-ка, дружище, касторки в скорлупки.

Они налили касторки в пустые яйца и понесли их Германке.

От сильной боли в животе Германке совсем не хотелось есть, но у нее, как у всех страусов, была привычка глотать все, что попало под клюв, — хоть живого цыпленка, хоть мертвый железный болт.

Она проглотила яйцо. На голой шее сейчас же вздулась и поползла вниз круглая опухоль — яйцо спускалось по пищеводу. Когда оно дошло до зоба, Страус Иваныч задержал его рукой и раздавил: касторка пролилась в желудок. Так, одно за другим, Германка приняла все пятнадцать яиц. Когда ничего не осталось, она клюнула Страуса Иваныча в карман, выхватила оттуда потрепанный кошелек и заодно уж приняла и его.

— Подлое ты животное! — сказал расстроенный немец. — Тебя лечишь, стараешься, а ты безобразничаешь. Ведь там же два рубля денег было. С кого я их возьму теперь?

Через два дня Германка как ни в чем не бывало расхаживала в станке: видно, касторка и кошелек отлично подействовали. Страус Иваныч отметил у себя в книжечке: «Взрослому страусу касторки надо давать сразу целый литр».

Когда Германка поправилась, дворики были уже совсем готовы и начисто выметены. Сорочко со Страусом Ивановичем позвали Павла Федотыча и уговорились назавтра выпускать страусов в степь.

IV

Утро выдалось, как на заказ: ясное, с синим небом, с легким ветерком.

Молодые страусята давно уже забыли про свою войлочную юбку. Они высовывались теперь из окна, разглядывали Сорочко во дворе, смотрели на синее небо, на аистов в стрижей на крыше и подпрыгивали от радости.

Павел Федотыч привел в страусятник счетоводову дочку Лену.

— Вот, Август Иванович, Лена. Она просится помогать вам.

Лена старалась сделать такое лицо, как будто ей уже гораздо больше десяти лет, но оно само так расплывалось, что казалось моложе восьмилетнего.

Первыми стали пускать страусят. Длинный, просторный дворик был посыпан для них песком. Все было заранее приготовлено и устроено. Но люди все-таки заметно волновались. Страус — шальная птица. Никогда нельзя заранее знать всего, что с ней может случиться.

Павел Федотыч сам осмотрел весь дворик, порог в страусятнике и велел потихоньку открыть двери.

Когда ветер и солнце ворвались в комнату, страусята в первый момент как будто даже испугались немножко. Они сбились в кучу и, стоя на месте, вытягивали вперед шею, словно пробовали: а ну, какое оно есть, это солнце?

Люди осторожно погнались к выходу.

Малыш первый перешагнул через порог. Он неуверенно ступает на желтый песок — раз, другой, третий... Вот он уже на середине дворика. Нет больше тесных и жестких стен. Вместо грязной крыши над ним высокое синее небо. Кругом свежий, легкий воздух. От него распирает грудь и кружится голова. А главное — солнце. Ой, сколько горячего, ослепительного солнца обрушилось сразу на маленького страусенка!

Ну, вот он и опьянел. Смотрите: вдруг, ни с того ни с сего, он срывается и бежит, бежит сломя голову. Ноги у него еще слабые от сиденья взаперти. Они скользят, подгибаются, а страусенок знай себе несется. Длинноногий, стремительный, он все наддает и наддает.

Люди перепугались. Они кидаются вдоль сетки, хотят удержать. Но разве может кто-нибудь на свете догнать

несущегося во всю мочь страуса?

Впереди железная сетка, но сумасшедший страусенок не видит ее. Да если бы и увидел — все равно теперь уж он вряд ли смог бы остановиться.

И так, со всего маху, он ударился о сетку. Бедный, глупенький страусенок!

Когда люди подбежали к нему, он уже умирал. Грудь у него была разбита, обе ноги переломлены. Он даже не шевелился. Только голова на тоненькой шее все еще изгибалась, вилась по земле, как будто он в последний раз хотел приласкаться к ней, погладить ее, эту веселую весеннюю землю.

Лена скорей, чтобы никто не увидел, вытирала глаза. Август Иванович, как настоящий страус, хлопал себя длинными руками по бокам. Сорочко хмурился, словно кто-нибудь был виноват в смерти его любимца. Павел Федотыч раньше всех перестал горевать.

— Ну, друзья, — сказал он, — за работу! Там ведь ждут еще три страусенка. Взрослых тоже надо выпускать. А то они с каждым часом мечутся по станкам все бешеней и бешеней. Малыша отнесите препаратору, пусть измерит его. Доктору Иосифу Касперычу скажите, чтобы осмотрел его и составил акт. А потом... потом отдайте страусенка в столовую. Скажите, чтобы повар приготовил из него бульон и котлеты.

После несчастья с Малышом люди еще осторожнее и бережней выпускали остальных страусят. Они обнимали их за шею, выводили во дворик, провожали так до самой сетки и только там отпускали. Теперь у страусят не оставалось места для разбега, и они не могли разогнаться так, чтобы убиться о сетку насмерть. Кроме того, люди на всякий случай ткнули еще всех трех головами в железную проволоку, так что они хорошо узнали, что это за штука.

Страусята, так же как и Малыш, вдыхали весенний воздух и впитывали в себя горячее солнце. Потом они принимались бешено носиться из одного конца дворика в другой.

И бежит, бежит сломя голову...

Набегавшись, наигравшись в новом просторном помещении, они ложились в теплый песок, зарывались в него ногами и чистили им свои перья.

— Ну, молодые устроены, — сказал Павел Федотыч. — Покормите их сегодня получше. Они много бегали, много дышали свежим воздухом — значит, и есть должны больше. А теперь давайте пускать взрослых.

Было уже одиннадцать часов. Солнце припекало, как летом. Одна за другой открывались наружные двери станков. Надутые, красные страусы, сердито гудя, словно ругаясь за задержку, выходили в отдельные дворики.

Тут, под солнцем и небом, они еще больше раскраснелись, еще нетерпеливее стали обмахивать себя крыльями.

Страусы-самцы в блестящих черных костюмах с белым кружевом внизу быстро двигались по дворикам. Они делали огромные, метровые, шаги и поворачивали так круто, что люди каждый раз удивлялись, почему они не падают.

А страусихи в скромных сереньких платицах бегали рысью, приседали и тоже взмахивали серыми рукавами.

Но, когда они вглядывались через сетку в расфранченных страусов, они замирали на месте, сильно вытягиваясь вперед, и даже становились на цыпочки от восхищения.

«Поглядите, поглядите! — казалось, говорили их вытаращенные глаза. — Да поглядите же, какая красота! Нет, это не страусы. Живое существо не может быть таким нарядным и прекрасным. Это роскошные цветы с нашей чудесной родины — Сомали».

Когда страусы достаточно побегали по дворикам и люди убедились, что никто из них не хромает и не киснет, им роздали еду. Они наскоро глотали ее из корыт, разбрасывали по сторонам, а сами все смотрели сквозь сетку один на другого.

— Теперь бы уж можно отпускать их прямо в степь, — сказал Павел Федотыч. — Только мне что-то есть захотелось.

В это время заревел гудок.

— Пусть они тут ходят, а мы давайте пойдем пообедаем. Кстати, у нас сегодня должен быть недурной обед.

В столовой было полно народу. При входе, на двери, висела обеденная карточка. На ней было написано:

Бульон из молодого страуса — 25 коп.

Суп с веришелью из молодого страуса — 30 коп.

Котлеты страусячьи с картофелем — 40 коп.

Страус жареный — 50 коп.

Рагу из потрохов молодого страуса — 60 коп.

Бегая по поселку с разными делами и поручениями, все работники института заранее успели прочесть карточку и рассказать тем, кто сам не читал. Едва на электростанции загудела труба, все заторопилось в столовую. Через пятнадцать минут там не осталось ни одного свободного столика.

Павла Федотыча встретили восторженными криками:

— Ну и страусенок! Просто объяденье!

— Павел Федотыч, попробуйте-ка! Мне достался пупок — пальчики оближете!

На столиках дымилась тарелка с супом, жарким и котлетами. Повар не поспешил и сделал котлеты большими, с хорошей ладонь. Они были такие румяные среди желтого картофеля, так вкусно поблескивали салом, что нашим страусятникам все чаще приходилось проглатывать набегавшую слюну.

Когда наконец освободились места и бойкая подавальщица принесла такие же дымящиеся тарелки и им, даже мрачный Сорочко повеселел. Он забыл про своего любимца Малыша. Перед ним были просто «потроха молодого страуса», которые очень вкусно пахли. Поэтому он вооружился вилкой и принялся усердно работать над ними.

— Позвольте! — крикнул вдруг один служащий. — Да вы нас не надули? Я не понимаю. Ведь страусенок-то был один. Как же вы ухитрились накормить им такую ораву людей?

— Очень просто, — ответил Павел Федотыч. — Малыш весил три пуда.

Все начали удивляться:

— Три пуда! Шестимесячный цыпленок, без всякого специального откорма — и три пуда! Выходит, что страусов, пожалуй, выгоднее разводить, чем даже свиней.

V

Подкрепившись как следует молодым страусом, Павел Федотыч с товарищами отправились к взрослым.

Еще издали видно было, что страусы пришли в крайнее возбуждение.

Они кидались по дворикам во все стороны, круто поворачивали, колыхались, взмахивали крыльями.

Глядя на них, казалось, что вся земля качается под ногами, как парходная палуба.

Павел Федотыч с Леной спрятались за калиточку, а немец и Сорочко стали выгонять страусов из двориков.

Первой выбежала Германка. Она оттолкнулась от земли

босыми до самых ляжек ногами, приподняла оба крыла, как танцовщица юбочку, и плавно повеслась в степь.

За ней вылетела Высокая. Едва она успела добежать до Германки, как обе они распушились еще больше и начали стремительно вальсировать.

— Танцуют! Танцуют! — закричала Лена из своей за-сады.

— Тише ты! — шепнул ей Павел Федотыч. — Если бу-дешь кричать, то они услышат и убегут от нас. Тогда мы ничего не увидим.

— Нет, вы посмотрите, посмотрите, Павел Федотыч! Они как будто музыку слышат. Ой, как они ловко танцу-ют! Прямо как в театре. Я и то не сумею так.

Германка и Высокая старательно перебирали ногами, кидались то в одну, то в другую сторону, поворачивали так круто, что казалось, вот-вот земля выскользнет из-под них.

Они даже не заметили, как из двориков вынеслись Красный, Самум и молодые самцы и самки. Вся степь те-перь танцевала у них под ногами, и они были, как слепые.

Самцы плясали иначе, чем самки. Они меньше кружи-лись, а больше подсакивали, ударяли ногами, неслись впе-ред, а потом, распушив крылья против ветра, пятились на-зад. Лихо, с жаром откалывали они гопака и только через час примерно разглядели друг друга.

Самум и Красный сразу же перестали танцевать. Они оба налились ненавистью и злобой. Шеи и ноги у них по-багровели еще ярче. Они вытянулись в струнку и стали друг против друга, как каменные.

Вот они сошлись ближе, испуская угрожающий шип. Крылья у обоих то поднимаются, то опускаются, хлопая по гладким бокам: раз, два! Левое, правое! Вдруг кинулись, сшиблись грудными мозолями, плавно обежали по кругу — и снова стоят и шипят друг на друга.

Битва в самом разгаре. Страусы уже пустили в ход но-ги. Огромная голая ножища выкидывается вперед и со страшной силой бухает в грудь ненавистного врага. Вот это птички! От одного такого удара свалился бы верблюд. А они даже не покачнутся.

Людям пришлось вмешаться и разделить страусиное стадо. Красного отогнали к той партии, где была Герман-ка, а Самума прогнали к Высокой.

Потеряв противника, страусы принялись хорохориться перед самками. Шеи у них совсем разбухли от крови. Они еще громче гудели, еще чуднее вертели головами, еще яростнее охлопывались крыльями.

При этом их воз-душные мешки, наду-тые доотказа, бубни-ли, как барабаны.

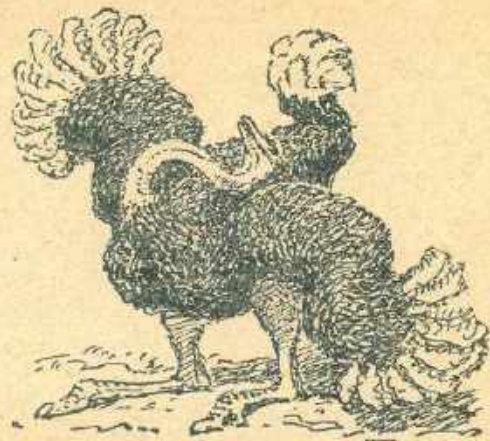
Бум! Бум! Бум! — то и дело слышалось в степи. Это страусы танцевали вокруг стра-усих свой весенний та-нец и били в барабаны, чтобы еще больше по-рваться им.

Вот Самум упал пе-ред Высокой «на коле-ни». Закинул голову на-зад и трепещет крылья-ми, как будто совсем

умирает. Голова на длинной шее то опустится книзу и зме-ей извивается по самой земле, то закинется на спину и вьется там. Хвост распушился, крылья вздрагивают, вздра-гивают и цепенеют.

Страусихи стоят и изумленно моргают на такой заме-чательный танец.

Наконец Высокая подходит к Самуму и опускается ря-дом с ним на траву.

Самум упал перед Высокой «на колени».

VI

Самум босыми ногами сгреб в кучу песок. Сел, приме-рился. Насидел ямку и стал всячески расхваливать это гнездышко страусихе. Она тоже села, тоже примерилась.

И вот на солнце весело заблестело огромное яйцо. Че-рез день рядом с ним появилось второе, потом третье, чет-вертое — и пошла работать машина.

Если бы страусы жили на воле, то через двадцать дней, самое большее — через месяц у страусихи в гнезде нако-пился бы десяток яиц, и она уселась бы парить.

Но Высокая жила среди людей, и у нее дело оберну-лось совсем иначе. Прошел уже целый месяц. Давно пора было усаживаться. Оба страуса подходили к своей песоч-ной куче и подолгу глядели в гнездо. Они, правда, не уме-ли считать, но все-таки замечали, что яиц маловато.

На песке лежало всего только два яйца. На два яйца Высокой было просто противно садиться. Она старалась изо всех сил, подкладывала еще и еще, а яиц все-таки бы-ло только два. Остальные куда-то уходили.

В полдень, когда страусы паслись далеко от гнезда, из кустов вылезла девочка с двумя толстенькими косичками — Лена. Она бережно вынимала из гнезда свежее яйцо и уносила его в страусятник.

Сорочко делал пометку на толстой скорлупе и клал яйцо на весы. Каждый раз весы показывали примерно одно и то же: два кило.

Одно яйцо было жировым (без зародыша). Страусятники решили зажарить из него яичницу с молоком. Оказалось, что для этого нужны две большие сковородки. А чтобы съесть такую огромную яичницу, пришлось звать пятнадцать человек.

Сорочко с Леной набрали одиннадцать яиц. Это было как раз столько, сколько помещалось в новом маленьком инкубаторе. Страус Иваныч не велел им больше забирать яйца у Высокой.

И вот еще через три недели страусиха с очень довольным видом выщипала из живота половину перьев, чтобы они не мешали греть яйца, и уселась на гнездо, вытянув назад голые ноги.

— Так, — сказал Август Иваныч. — В степи будет парить Высокая — страусиха, а в страусятнике будет парить высокая техника. Посмотрим, что из этого получится... Майне либхен! — позвал он Лену. — Вот учишь, как заряжать инкубатор.

В инкубатор по трубкам шел ровный горячий воздух. Одиннадцать большущих яиц чинно лежали на щите. С боков ящика — камеры — были градусники. Они показывали, насколько яйцам тепло и сухо.

В комнате было еще пять инкубаторов. В них грелись лебединые, фазаньи, гусиные и всякие другие яйца.

— Август Иваныч, — спросила Лена, — а страусовым яйцам надо столько же тепла, как павлиньим, или больше?

Страус Иваныч с гордостью посмотрел на свою ученицу.

— Майне либхен, ты задала мне самый важный вопрос. О, ты вырастешь знаменитой страусятницей! Бери вон ту коробочку с градусниками. Пойдем и измерим, какая температура в гнезде, под животом у страусихи.

Когда они пришли в степь, Высокая лежала на своем месте. Длинные ноги ее торчали далеко сзади. Она шипела и щелкала клювом на всех, кто подходил близко.

Страус Иваныч в двух словах объяснил ей, зачем они с Леной хотят подсунуть под нее шесть штук термометров. Высокая перестала шипеть, поджала губы и заморгала.

— Она не обидится, что трогают ее гнездо? — тихо

спросила Лена. — А то еще встанет и уйдет совсем. У нас ведь нет больше свободного инкубатора.

— Ну, разве страусы бросят свое гнездо? Это же такие умные птицы. Видишь... О, старый дурак! Градусник поставил, а часы забыл там, на столе. Ленхен, ты посмотри, чтобы она не вставала, а я сбегаю за часами.

Немец помчался, размахивая длинными руками, в инкубаторскую.

Через пять минут он уже бежал обратно с часами в руках. Тут на него налетела запыхавшаяся Лена.

— Скорее, скорее! Она их проглотила, все шесть градусников.

— Не может быть? Доннерветтер! О, бестолковая тварь!

— Она доставала их из-под себя и глотала. Я хотела отнять, но она как зашипит! Я и испугалась... Август Иваныч, она теперь сдохнет?

Бедный немец схватился за волосы.

— Что подумает обо мне дирекция, Павел Федотыч? Я обязан сейчас же сообщить.

— Август Иваныч, а вы не говорите. Помните, Сорочко взвешивал Катрю, и она проглотила гирьку? Ведь потом гирька вышла, и с Катррой ничего не было... Давайте подождем немного — может, градусники тоже не вредные окажутся.

Был выходной день, но бедный немец не знал покоя. Каждые полчаса он бегал в степь и смотрел на гнездо. Лена тоже бегала с ним. Она вглядывалась в худое лицо техника, в его длинные руки, на пол-аршина торчащие из коротких рукавов, и пугалась:

— Что, заболела? Сдыхает?

Вечером, когда стало темнеть, страусиха поднялась. Вытянула назад одну ногу, другую, покружилась около гнезда и пошла щипать травку.

Лена своими глазами увидела, как хитро придумали страусы: весь день на гнезде сидела серенькая, как песок, Высокая, а к вечеру сел черный, как ночь, Самум.

Немец смотрел, как пасется страусиха, и удивленно бормотал:

— Странно! Повидимому, она совершенно здорова пока. Так и быть, уж помолчу об этом до завтра.

Но и завтра и послезавтра Высокая отлично обедала, гуляла и сидела в свое дежурство на гнезде. Страус Иваныч совсем успокоился. Он начал смеяться, шутить и скоро придумал, как все-таки измерить в гнезде температуру, чтобы Высокая не глотала термометров.

Они с Леной привязали к градусникам длинные шнурки и так, придерживая их руками, смерили. Живот у страусихи оказался очень горячим. Он нагревал гнездо до сорока градусов!

VII

День и ночь сидели на гнезде страусы. День и ночь струился горячий воздух по трубкам в инкубаторе. Страусиха в гнезде перекатывала яйца клювом. Немец в инкубаторе перекатывал их своими длинными ловкими пальцами.

Через месяц яйца стали сами крутиться на столе: это в них брыкались маленькие страусята.

Еще дней через десять, когда Страус Иваныч запел однажды немецкую песенку:

Аллес вей
Махт дер май...

страусята в яйцах слышали и подтянули ему тоненькими голосами: «П-пи-пи...»

Техник стал частенько ночевать в инкубаторской. Днем его и подавно никогда не бывало дома. Его жена подружилась с женой Павла Федотыча, и они вдвоем ругали своих мужей «полоумными».

У Лены в школе появились два «неуда». Учителя никак не могли понять, что на степи и в инкубаторе вот-вот начнут вылупляться новые страусята.

А тут еще произошла история с Дикочкой. Из-за него чуть не пропало все дело.

Дикобраз жил со своей женой и маленьким Диком в углу, возле сетки. Каждый день он ходил на огород воровать морковку. Путь его лежал как раз мимо страусовой песчаной горки.

Как-то вечером он шел и вдруг наткнулся на страуса, сидящего на гнезде. Самум угрожающе зашипел. Дик тоже развоевался: взъерошил свои острые иглы и прет прямо на гнездо. Самум хотел ущипнуть его и чуть не проткнул себе глаз иголкой.

Дик расвирился не на шутку. Он повернулся к страусу спиной и всадил в него иглы. Ему хорошо было воевать: ведь он же мог нападать, как хотел, а Самум очень боялся за яйца. Он прикрывал их своим телом и только старался пугать разъяренного Дика трещаньем и шипом.

Когда пришли люди, Самум был весь изранен. Песок в гнезде сделался красный и мокрый от крови. Дикобраза как следует вздули метелкой, а к Самуму пришлось вы-

звать доктора Иосифа Касперыча, чтобы он забинтовал ему раны.

— Вот дурак! — удивилась Лена. — Чего же он не встал да не отлупил его сам хорошенько?

— Нет, он не дурак, — ответил техник. — Ты напрасно его ругаешь. Это только показывает, какой он хороший отец. Страусы вообще никогда не бросают своего гнезда во время опасности. Они защищают его до тех пор, пока не умрут сами. Вот у нас в прошлом году был случай. Недалеко от гнезда прорвало запруду. Было это вечером, сидел тоже самец. Вода хлынула прямо на гнездо и стала затоплять его. Страус и не подумал уйти. Вода все прибывала. Она была холодная, страус начал замерзать. Но он все-таки не двинулся с места. Он только шипел и трещал, как сегодня на Дика: хотел запугать воду. Наутро там, где было гнездо, образовалось целое море. А из воды торчала голова на посиневшей от холода шее: страус все еще сидел на яйцах, прикрывая их телом. Вот видишь, Ленхен, какие они молодцы! А ты говоришь: дурак.

Немец засмеялся и прибавил:

— Ты думаешь, почему у них такой самодовольный и гордый вид, у страусов? Потому что они с детства привыкают гордиться своим отцом. Они смотрят на всех зверей сверху вниз и думают про себя: «Наш отец — молодец! Небось, у вас ни у кого нет такого».

VIII

В последние дни Самум частенько пристраивался сбоку гнезда. Вместе с Высокой они выкатывали яйца и внимательно изучали их. К этому времени на яйцах появились какие-то темные пятна.

У страусовых яиц скорлупа очень толстая. Маленький, слабый страусенок ни за что бы не смог пробить ее и выбраться на свет. И вот оказывается, что все время, пока он рос, у него перед клювиком выделялась такая едкая жидкость. Эта жидкость постепенно настолько разъедала скорлупу, что к моменту рождения страусенку нужно было только мотнуть головой, чтобы клювик легко высунулся наружу.

Один раз страусы разглядывали, разглядывали так яйца и вдруг заметили один высунувшийся клювик. Они заволновались, наклонили над яйцом свои головы и стали как будто совещаться.

А в яйце шла возня. Страусенок тужился, пыжился и стучал в скорлупу коготком на клюве.

Когда так же закопошились страусята в инкубаторе, Лена испугалась, что они раздавят о жесткую скорлупу свои слабые затылки.

— Нет, они ведь хитрые! Подожди, вот родятся, так я тебе покажу, какая у них штучка приспособлена! — пообещал ей Сорочко.

Страусенок кричал, повертелся, и вдруг — крик! Яйцо разломилось, и страусенок спиной вывалился наружу. Он был горячий, голый и мокрый. Он совершенно не мог ходить, а только перекачивался на своем огромном, как надутый резиновый мешок, пузе. В этом мешке был большой запас питательного желтка, так что первые шесть дней своей жизни страусенок ничего не ел.

Маленькие скрюченные ножки страусенка беспомощно болтались по бокам мешка. Но чуднее всего была его голова. Сорочко недаром успокаивал Лену. На затылке у страусенка была надета большая мягкая подушка. Это такая жировая опухоль — специально для того, чтобы крепкая скорлупа не раздавила ему мягкой головки. После рождения она очень быстро рассасывается, и от нее не остается следа.

Вывалившись из яйца, страусенок запищал во все горло. По правде сказать, он был очень-очень некрасив.

Но Самум вовсе не думал этого. Он с восторгом оглядел своего первенца и сейчас же осторожно подгрел его головой к себе. Мягкие шелковые перья у него на груди разделились. Он прижал к телу и прикрыл теплым пуховым одеяльцем свое ненаглядное дитяtko.

Так в степи над рождающимися малышами целый день склонялись взволнованные страусы.

В инкубационной тоже целый день было волнение. Два озабоченных лица — Сорочко и долговязого техника — наклонялись над мокрыми детенышами. Страус Иваныч так же, как и Самум, прижимал страусят к груди, только вместо роскошного шелкового пуха у него был засаленный, старенький пиджачишко.

В инкубаторской было тепло. Страусята быстро обсыхали и покрывались торчащими колышками, из которых потом образуются перья.

Сорочко готовил специальный стеклянный ящик с паровым отоплением — элевезу, а Страус Иваныч взвешивал новорожденных на весах.

Самый первый страусенок потянул полтора кило. Лене показалось, что это страшно много. Она приняла его с весов и с гордостью сказала: «Вот он какой!» и украдкой поцеловала его в тепленькую спинку.

Когда вылупились все страусята, к песчаной куче в степи явились Сорочко и Лена. У них были веселые, хитрые лица, как будто они собирались здорово надуть страусов. Лена держала в руках банку с разведенной сажей, а у Сорочко был большой лист белой бумаги, исписанный крупными буквами, и толстая папка.

Сорочко поднес лист к самому носу страуса и спросил: — Вот! Бачишь, что тут написано? Ну, что ты на это скажешь?

Самум заглянул в бумагу, похлопал глазами и опять нагнулся к маленьким. Лена решила, что это как раз то, что надо, и захлопала в ладоши:

— Согласен, согласен! Видишь, головой кивает.

Тогда Сорочко аккуратно положил возле гнезда папку, а на папку белый лист. Затем он взял правую ногу Самума и подержал ее лапой кверху, пока Лена густо намазывала ее жидкой сажей. После этого лапу плотно прижали к белому листу, так что на нем отпечатались два огромных страусовых пальца.

То же самое проделали с Высокой. Страусы удивлялись и на всякий случай сердито пипели, прикрывая детенышей. А люди были вполне довольны. Когда отпечатки высохли, они бережно сложили лист вчетверо и завязали в папку.

— Ну, — сказал Сорочко страусам, отцу и матери, — теперь смотрите у меня, не подкачайте. Дело, братцы, серьезное, и если вы провалитесь, то не видать вам больше маленьких, как своих ушей.

— А если мы провалимся? — спросила Лена.

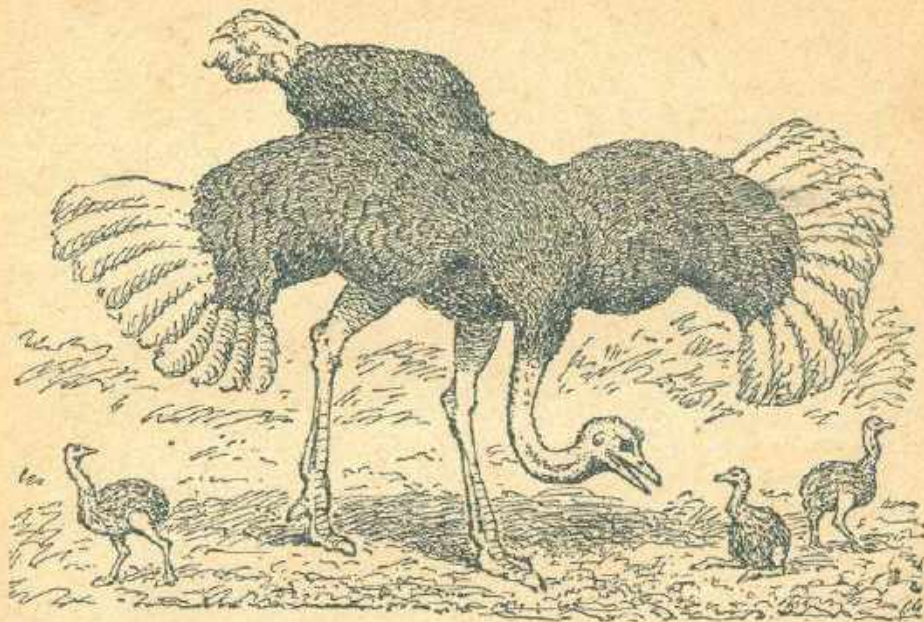
— Ну, тогда нам не видать. Одинаково как нам, так и им.

Когда люди уходили, Самум и Высокая долго смотрели им вслед, моргая красными веками. Может быть, они силились понять, какую хитрость придумали люди? Но так и не поняли ничего.

Прошло две недели, и страусы повели наконец свое веселое семейство в степь. Страусята разбегались, как маленькие автомобильчики, кидались в разные стороны и подпрыгивали с таким упоением, что шлепались на спину кверху ногами.

Самум и Высокая, раслушавшись и раздувшись на страх врагам, вышагивали по бокам выводка.

Маленькая телочка зебу, Варя, остановилась поглядеть на шаловливых страусят. Батюшки ты мои! Самум нале-

Страусята разбегались, как маленькие автомобильчики, в разные стороны.

тел на нее, как бешеный. Он выкинул вперед свою ножицу и так треснул Варю по боку, что бедная коровка бежала, бежала до самого дома и все редела: «Мму! Мму!»

Страусовое семейство прошло через весь загон к кургану, на песок. Там они стали рыться, играть и пощипывать травку. Туда приносил им Сорочко корытце с добавочным кормом и водой, и страусята зажили на славу.

В первые дни антилопы и ламы часто приходили поглазеть на их игры. Но Самум и Высокая сейчас же вылетали вперед, и любопытным здорово доставалось на орехи. После двух-трех хороших потасовок животные опасались даже близко подходить к страусятам.

Один только противный сайгак не унимался. Он то и дело подбегал к выводку, а чуть только показывались родители, моментально удирал. Самуму надоело это. Он помчался за сайгаком и до тех пор гонял его и бил, пока сайгак не догадался спрятаться в пустом сарае.

У страусят стали подрастать крылышки и хвостишки. Озоруя, они уже начинали пробовать танцевать, как взрослые, и становились друг перед дружкой в разные дикие позы.

Кончался осенний месяц октябрь. Степь расцвела и отцветала уже во второй раз. Страусятам исполнилось четыре месяца. Они были выше человеческого роста. Самум начинал с ними ссориться и частенько бегал за молодыми петухами.

Высокая тоже охладела к детям. Но дети не горевали. Они выросли, а у животных со взрослостью кончается любовь между детьми и родителями.

Дети Самума и Высокой стали заметно дичать. Они подолгу пропадали в степи, редко приближались к строениям, а от людей кидались, как от огня.

Август Иванович и Сорочко часто подумывали о том, что скоро придется ловить их в станки на зиму, и заранее вздыхали. Они знали, что с одичавшими буянами немало им будет хлопот и волнений.

Зато они еще больше гордились своими воспитанниками, которые родились в инкубаторе. У Самума и Высокой из одиннадцати яиц вывелось только девять. Два страусенка задохлись. У людей в инкубаторе вышли все одиннадцать.

Каждый день Сорочко в белом халате и Лена выводили своих «детей» на лужок. Страусята паслись, зарывались в песок и играли, как и те, что росли в степи.

Но они были совсем другие. Они очень любили Лену и Сорочко. Они бежали на голос, ели из рук и доверчиво позволяли людям гладить себя, взвешивать и лечить.

На степи раз захворал самый лучший молодой страус. Иосиф Касперыч — старый звериный доктор — уехал в то время в Ленинград, а на его место временно приехал новый. Этот новый доктор никогда не лечил диких животных и очень на все раздражался.

Когда захворал молодой страус, Сорочко побежал к раздражительному доктору. Тот надел на шею трубку для выслушивания, набрал целый ворох бинтов и припарок и пошел за Сорочко.

— Ну, куда же ты ведешь меня, друже? Где ж больной?

— А в степи.

— Что же, я должен идти за ним в степь?

— А они у нас такие. Сами к вам на прием ни за что не пойдут.

— Погано, погано. Я могу лечить только в подходящей обстановке. А тут...

В степи стояла вышка. Сорочко дошел до нее и пригласил доктора подняться наверх.

— Во-он они ходят, — указал он на каких-то крохотных цыплят. — Как вы думаете, доктор, что с ним такое?

— Да вы что, шутите со мной? — заорал доктор. — Почему же я знаю, какие болезни вон у той черной точки, за десять верст?

— А вы поглядите в бинокль, вот он и будет у вас, как на ладони. А ближе подойти к нему все равно не удастся. Они не подпустят...

Вот какие неудобные были эти степные страусы! Шлялись по целым дням где попало и от всех убегали.

То ли дело Леночкин Утик! Он сам поднимал ногу для лечения, когда у него болел палец. Он часто перебирал клювом волосы на Сорочкиной голове, становился на цыпочки и заглядывал в грудной карман немца пиджачка. А Лену он каждый день провожал до самой квартиры, которую он так хорошо знал, что утром первый стучался к Лене в окошко.

В поселок приехало много народу. Всем зоопаркам хотелось купить украинских африканцев. Уже несколько поколений украинских страусов совсем не знали африканского зноя. Теперь им какой-нибудь Крым или Ашхабад, пожалуй, показался бы чересчур жарким. Во всяком случае, зоопарки теперь могли не бояться, что страусы у них подохнут от холода.

Страусят покупали и наши зоопарки и заграничные. За каждого страусенка, который отпирывался за границу, институт получал тысячу рублей золотом.

Покупатели выходили с Павлом Федотычем в степь и намечали каждый для себя страусят. А потом из степи они шли на лужок, где гуляла со своими питомцами Лена. Присмотревшись к ручным страусьятам, они начинали хором упрашивать Павла Федотыча продать им именно этих страусят.

— Ну продайте нам хоть самого маленького, ну вот хоть этого! — просили они и показывали пальцем на Утика.

Лена от страха, что Павел Федотыч согласится, широко открывала глаза. А Утик? Он ничего не понимал и по-прежнему стаскивал со всех шляпы, дергал всех за пуговицы и с удовольствием глотал массу гостинцев, которые перепадали ему от гостей.

Как-то раз, после долгих упрасиваний одного служащего из Берлинского зоопарка, Павел Федотыч сказал просто так, в шутку:

— Ну, хорошо, я согласен продать вам и Утика. Только ведь он стоит вдвое дороже.

Через десять минут двое взволнованных людей, большой и маленький, спешили от страусятника в разные стороны: один на почту, другой в школу. Большой человек на почте послал телеграмму-молнию в Берлин, своему хозяину: «Предлагают ручных страусов вдвое дороже. Телеграфируйте ваше согласие». Маленький человек в школе собирал других маленьких людей и возмущенно рассказывал им историю с Утиком.

От хозяина из Берлина ответ получился только поздно вечером. Он был короткий: «Соглашайтесь немедленно, старая вы шляпа!» От маленьких людей ответ пришел гораздо раньше — через полчаса. Его примчала Лена, и в нем говорилось:

«Мы, юные натуралисты, просим — не продавайте Утика. Он самый умный и ручной, и от него могут образоваться настоящие домашние страусята. Пускай он лучше остается у нас, в Аскании».

Павел Федотыч прочитал этот ответ и засмеялся:

— Чудачка ты, Лена! Я же пошутил. Конечно, я не продам Утика. Но все-таки я удивляюсь тебе. Если бы у меня был такой воспитанник, я бы, наоборот, гордился, что его ценят вдвое дороже, чем всех остальных. А ты обиделась.

XI

Плотник навалил целую гору стружек: он делал двенадцать ящиков — клетки для проданных страусят.

«Диких» страусят с большим трудом загоняли во двор, к страусятнику. Они пугались, метались, и один даже охромел, так что еле добрался до дворика. Там он свалился возле стенки и лежал, как колода.

Но, когда его захотели осмотреть, он опять забился, как бешеный.

Три человека — Страус Иваныч, доктор и Сорочко — совсем измучились, пока забинтовали ему ногу.

Напоследок страусят лучше кормили и изо всех сил старались, чтобы они хоть чуточку обручили: ведь через несколько дней их уже нужно было запаковывать в клетки и отправлять.

Накануне отправки всех ручных страусят снова взвесили. Лена наделала деревянных кружочков с дырочками. Август Иваныч аккуратно написал на них вес и имя каждого страусенка.

Лена продернула в дырочки шнурки и повесила кружочки на шею страусьятам.

Назавтра был выходной день, но в страусятник пришли

и Сорочко, и Страус Иваныч, и даже доктор. Лена бегала с приглашением к двум лаборанткам, к рабочим на птичник, в тарпанник и на дом к Сашко. Она улыбалась и всем говорила:

— Приходите, обязательно приходите!

Когда она бежала звать Павла Федотыча, в конце улицы мелькнули рубахи Индейца и Матвейки. Лена обрадовалась и закричала:

— Матвеец! Индейка! Приходите на страусятник, будет интересное!

Перед страусятником устроили скамеечку — два пустых бочонка и на них доска. Гости уселись на скамейку, и худой небритый немец вышел вперед. Он развернул большой лист белой бумаги и показал всем черные отпечатки двух пар огромных страусиных пальцев.

— Вот видите? — спросил он. — Это подписались собственными руками, то бишь ногами, Самум и Высокая. А вот и наши подписи с Сорочко и Леной. Теперь посмотрите сюда, наверх.

Гости посмотрели и увидели, что там было написано:

ДОГОВОР

Настоящий социалистический договор заключен между страусами Самумом и Высокой, с одной стороны, и работниками страусятника Августом Шульцем, Остапом Сорочко и Леной Сапожниковой, с другой стороны.

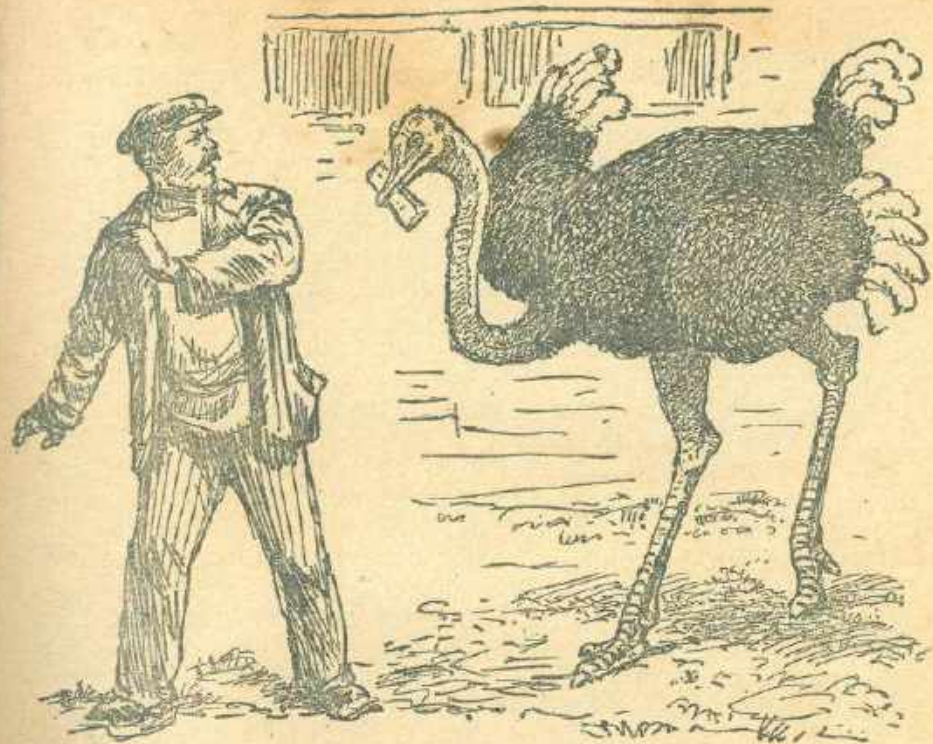
Обе стороны обязуются за время соревнования вырастить своих страусят здоровыми, выносливыми и дисциплинированными. Мы обязуемся добиться того, чтобы наши воспитанники привнесли государству как можно больше дохода и научной пользы.

Дальше подряд восемь строчек до самого конца были посредине замазаны огромной кляксой: это Высокая, когда расписывалась, ляпнула своим пальцем чересчур высоко. Но гости все равно и так поняли.

— Товарищи! — сказал Август Иваныч. — Сегодня все дикие страусята и часть наших, ручных, уезжают. Поэтому мы пригласили вас, чтобы вы, пока они здесь, еще раз оглядели наших воспитанников и сказали, хорошо ли мы выполнили свои обязательства. Верно, Самум, правильно я сказал?

Самум посмотрел на него важно и строго.

— Вот посмотрите на этот выводок «диких», — продолжал техник. — Они все довольно хорошо выросли, все здоровы, только у одного вывихнута нога ввиду его не-

Самум вдруг клюнул Страуса Иваныча в грудь и выхватил соцдоговор.

воспитанности. Осмотрите их хорошенько, потому что вам сейчас придется их сравнивать с нашими.

Гости, смеясь, оглядели «диких» страусят и нашли их очень приятными.

После этого открылась дверь, и перед скамейкой прошла сияющая Лена. За ней чинно шагали страусята с деревянными медалями.

Они все подходили к людям, давали себя гладить и угощать. Август Иваныч сунул свернутый договор в карман пиджака.

Он с увлечением стал прочитывать вслух имена и вес каждого страусенка и рассказывать об их уме и прочих достоинствах.

— В договоре стоит обязательство сделать их полезными. Вот вам самый маленький и плохой из наших воспитанников, Утик. Заграница оценила его в две тысячи рублей золотом! А уж она бы бесполезных не взяла. Что

касается дисциплины — вот, смотрите сами и сравнивайте их.

— Вы победили! — закричали гости. — За вами победа! Ура страусятникам! Ура!

Страус Иванович сделал такое же важное и глупое лицо, как у Самума, и торжественно раскланялся на все четыре стороны.

И вот, когда он выпрямился в последний раз, случилась непредвиденная штука: Самум вдруг клоннул его в грудь, выхватил свернутый союзодговор и моментально его проглотил.

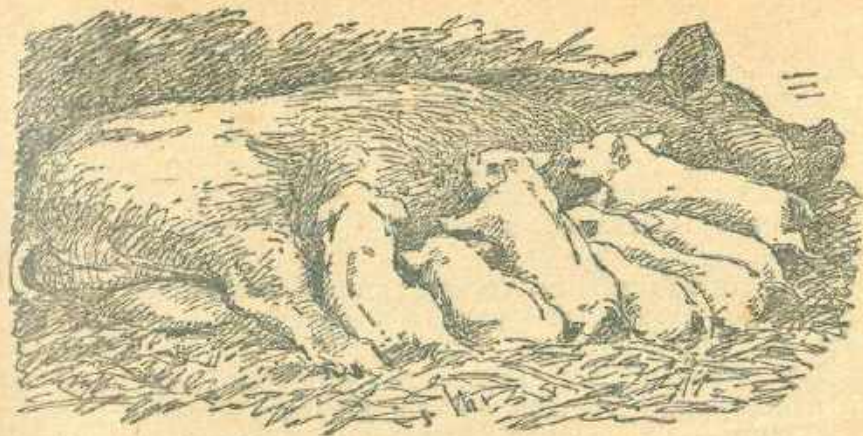
Когда люди опомнились, он уже снова стоял и важно хлопал глазами.

— У, зависта поганая! — возмущенно крикнула Лена. — Что ты этим хотел доказать?

— Тут дело ясное, товарищи: он просто не вынес, что мы вмешиваемся в дела природы и поправляем то, что у нее не совсем хорошо устроено.

Это сказал, выходя из толпы страусят, Павел Федотыч. И все гости, смеясь, ответили на его шутку:

— Правильно. Верно. Пускай он глотает договор. Это ровно ничего не доказывает. Страусята ведь остались. Вот они все перед нами. Сразу видно, кто воспитал их лучше.

ПРО КОВЕР

Над степью, седой от ковыльных метелок, жарко дышал суховей. Ковыльные волны лениво бежали одна за другой. Огромное красное солнце опускалось на далекий конец степной дороги.

Окна и двери в поселке были распахнуты настежь, но в комнатах, как и на улице, стояла жара.

Молоденькая свиноводка Катерина Дмитриевна зашла из свиарни домой. Лицо ее было красно от зноя и раздражения.

— Подлый Юрко! — бормотала она, сердито отпихивая ногой стулья с дороги. — Не может понять до сих пор: раз он мне брат, значит я должна с него требовать вдвое...

Сегодня при обходе свиарни заведующая неожиданно увидела в одном из станков с поросятами незваных гостей. Они, собственно, даже не были «незваными»: их позвал Юрко.

В свиарне был строгий порядок: никто без разрешения заведующей не имел права в нее заходить.

Катерина Дмитриевна вспылила. Сторожу она при всех сделала строгий выговор, а Юрко с товарищами выгнала из свиарни с позором.

Индеец, Варюца и Леночка убежали переконфуженные. Катерине Дмитриевне было и жалко ребят и досадно.

— Ну, ладно, успеем еще помириться. Зато будут знать, как соваться без спросу! — громко утешила сама себя Катерина Дмитриевна и, высунувшись в окно, позвала брата: — Юрко!

Она не успела еще отойти, как в окне, словно в театре, появились четыре загорелые рожицы, и четыре голоса спросили как ни в чем не бывало:

— Можно прямо в окошко влезать, тетя Катечка?

Комната сразу наполнилась суетой: ребята принесли от садовника букет для Катерины Дмитриевны; Индеец накачал ей из колодца студеной воды; Лена и Варюша придвинули кресло поближе к окошку и подобострастно стали упрашивать:

— Тетя Катечка, вы только сядьте! Смотрите, как здесь прохладно. Может, вам радио включить? А вот веер. Хотите, мы будем махать?

Преступники явно раскаялись. Катерина Дмитриевна не могла больше хмуриться. Ребята заметили это и осмелели.

— Вот, вы отдохнете немножко и расскажете нам про ковер, — сказала Варюша. — Ведь вы обещали.

— Расскажите! — дружно заняла остальная тройка. — Тетя Катечка, вы обещали!

Катерина Дмитриевна уселась поглубже в кресло. Четыре пары глаз глядели на нее с мольбой и надеждой.

— Ну, хорошо, подлизы несчастные! Расскажу вам за ваши старания.

Лица у ребят стали как у кошки, когда она вдруг услышит таинственный шорох. Катерина Дмитриевна начала:

— Это случилось, когда я была еще маленькой девочкой. Жили мы тогда в Казахстане. Один раз, поздней осенью, уже примораживать стало, отец мой с товарищами-охотниками собрался на охоту на озеро Балхаш.

Когда он уезжал, мы стояли с сестрами на крыльце и смеялись. Смешно было, что охотников ехало только три человека, а собак с ними собралась целая толпа.

Даже громадного серого Рвача посадили в телегу и повезли.

У Рвача были простужены лапы, и кожа у него на ступнях всегда мокла. Ему сшили мягкие кожаные сапожки, и он в них ходил.

Его очень берегли, на пустяковую работу никогда не брали. А тут посадили и повезли.

Охотники уехали далеко и целый месяц не давали о себе вестей.

Однажды утром они возвратились. Всюду давно лежал снег, у охотников выросли бороды, а вместо веселой толпы собак вернулись домой только три.

На низких розвальнях раскинули обрубленные ноги замороженные закопченные туши свиней, а в тех санях, где ехал отец, лежало какое-то чудище. Отец сидел на нем

верхом. Он перекинул ногу в валенке и уселся бочком на косматом загривке.

— Это кто у тебя, медведь?

Отец устало ответил:

— Ага.

И мы отплатулись от санок.

Это оказался совсем не медведь, а секач — дикий кабан с острыми страшными клыками.

Косматую темную шкуру с оскаленной мордой, с густой теплой гривой и тяжелой кистью на хвосте повесили во дворе на перекладине. Мы старались подальше обходить это место. А охотники, наоборот, никак не могли с ним расстаться. Они рассаживались возле него покурить, обязательно там раскладывали свои охотничьи доспехи и там же принимались починять какую-то сбрую. Они без конца вспоминали свои приключения на этой охоте, и мы узнали тогда о последней схватке секача с нашими друзьями-собаками.

Собаки учуяли след на тропинке, в густых ломких колочках. Они все запели, залаяли, завывали и кинулись догонять.

Впереди всех полетел громадный Рвач. Он забыл про большие лапы и пел низким, как труба, голосом.

Отец стоял на склоне горы, у боярышника. Он знал, что собаки нагонят зверя прямо на него. У отца было хорошее ружье с разрывными пулями, и он был смелый человек.

Но, когда он услышал, как затрубил Рвач, он подумал, подумал и забрался повыше, на развилку дерева. Высоко, за прикрытием ветвей, было не так страшно.

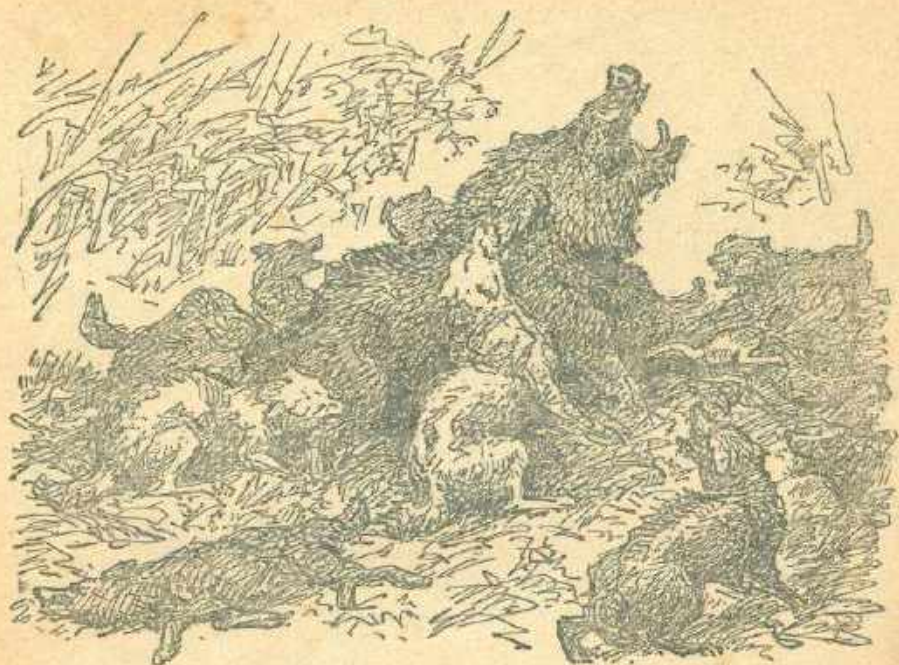
Заросли щелкали и трещали. Собаки взвизгивали, натываясь на колючки. Но хор их голосов звучал все горячее, все ближе. Слышалось тяжелое сопенье. Казалось, бронированный танк ломится сквозь хрупкие кусты.

Зверь выкатил на открытое место. Тут было просторнее, и он быстро крутнулся волчком.

Несколько старых, опытных псов дружно вцепились в чудовище сзади и посадили его. Рвач и Трунилка нацепились ему на уши. Молодые собаки с визгом и лаем закружились перед его страшной вспененной мордой.

Три раза секач вырывался, стряхивал собак и бросался в яростный бой. Отец понимал, что собаки изнемогают в неравной борьбе. Он видел своими глазами их гибель и не мог притти к ним на помощь. У самой кабаньей морды висел старый товарищ по многим-многим охотам.

Отец дрожал, как больной, и с проклятиями сжимал ру-

Рвач и Трунилка нацепились чудовищу на уши.

жье. Наконец он спустил курок. Кабан в последний раз взмахнул клыками и лег.

Он лежал, словно отдыхал теперь после схватки, а возле него с распоротыми животами лежало десять лучших, храбрейших собак.

Вот почему не вернулись с охоты Трунилка и седоусый Рвач в мягких сапожках.

Из чудовища сделали ковер. Ему вставили блестящие стеклянные глаза и начистили острые зубы. Он раскорячился на полу и злобно точил на нас клычищи. Мы и теперь опасались ходить мимо него в темноте.

Живой он весил шестнадцать пудов. Такие громадные дикие кабаны на воле теперь уже не встречаются. Но лет двести тому назад в Пруссии был убит секач весом больше чем двадцать пять пудов.

А ведь дикий кабан очень тощий, поджарый и мускулистый. Чтобы весить так много, он должен быть действительно великаном.

Однажды ковер вытащили проветривать, и на его оскаленную морду набрела наша свишня Лариса.

У Ларисы волосы были совсем реденькие, и розовая спина проступала сквозь них, как темя у плешивого старика. Морда у нее была сильно курносая, с отвислыми пухлыми щеками. Тело круглое, как шар, и до того жирное, что Лариса с трудом могла двигаться.

Ноги у нее тоже совсем не годились для ходьбы: коротенькие, с перевязками и подушечками, как у толстых детей.

Когда Лора впертьвалку трусилась через двор, косточки у нее на ногах шелкали и похрустывали.

Впрочем, она больше лежала, а лоханку с едой ей подносили под самое рыло.

Увидев косматую морду ковра, Лора присела на круглый задок и пронзительно завопила: «Уи-и-и! Уи-и-и!»

Мы засмеялись и спросили ее:

— Ты что испугалась: не узнала своего родственника?

— А разве этот секач был ей родственник? — спросили ребята. — Что же они так не похожи? Вы же сами сказали, тетя Катя, что Лора была без волос, а он был косматый.

— Лору такой люди сделали сами. А когда домашних свиней еще не было, жили на воле Лорины пра-прабабушки. И были они совсем такие, как наш ковер, — ответила Катерина Дмитриевна.

Но ребятам этого было мало. И Катерине Дмитриевне пришлось рассказать все по порядку.

Много тысяч лет тому назад люди ходили почти голые, закрывались от холода шкурами и пропитание себе добывали охотой.

Грубые свои постройки они старались сооружать повыше над землей, на подпорках, так как очень боялись зверей.

Звери тогда сильно обижали людей. Они приносили им гораздо больше вреда, чем пользы, и человек боялся их и молился на зверей, как на богов.

Ничего-ничего еще не было у жалкого первобытного человека, но под его убогим навесом уже прижилась голодная полудикая собака — шакал.

Однажды охотник ранил стрелой дикую свишню. Спасаясь, она забежала в болото, и там ее засосало. А человек с помощью собаки отыскал в траве полосатого поросенка. Он хотел его тотчас убить. Но было жарко. Человек подумал: «Принесу это мясо живым. Так оно, пожалуй, дольше не испортится».

У человека был сын. Он засмеялся при виде поросенка и протянул ему кусочек мяса. Поросенок с радостью съел.

Потом ребенок напоил поросенка водой. Целый день он подкармливал поросенка, играл с ним и нянчил его. Когда взрослый человек хотел отобрать свинку и убить, ребенок принялся кричать и так буйно требовал поросенка, что человек уступил.

Голопузый ребенок улегся под теплыми шкурами. К нему примостился и поросенок. Они грели друг дружку и отлично проспали всю ночь.

Поросенок стал расти с человеком. Они вместе ели, играли, бегали в лес за грибами и ягодами и при малейшем шуме спасались домой, под защиту навеса.

Поросенок привык у жилища человека находить остатки пищи. Он отлично понял, что с человеком ему не так страшно хищные звери. Кроме того, поросенок полюбил своего товарища в играх — человеческого детеныша.

Так прошло больше года. Поросенок вырос. Полосы у него исчезли, и он стал обыкновенной темной дикой свиньей, которые в то время населяли Центральную Азию.

Свинья стала отлучаться в лес. У нее завелись знакомые кабаны. Скоро она ушла и больше не возвращалась.

Мальчик привык играть со свинкой. Она быстро и хорошо находила грибы и вкусные ягоды. Она лучше чуяла врага и первая кидалась наутек.

Человечек искал ее по всему лесу и горевал. А отец припомнил, что когда-то уступил глупому малому, не съел сразу мяса, и надавал сыну подзатыльников.

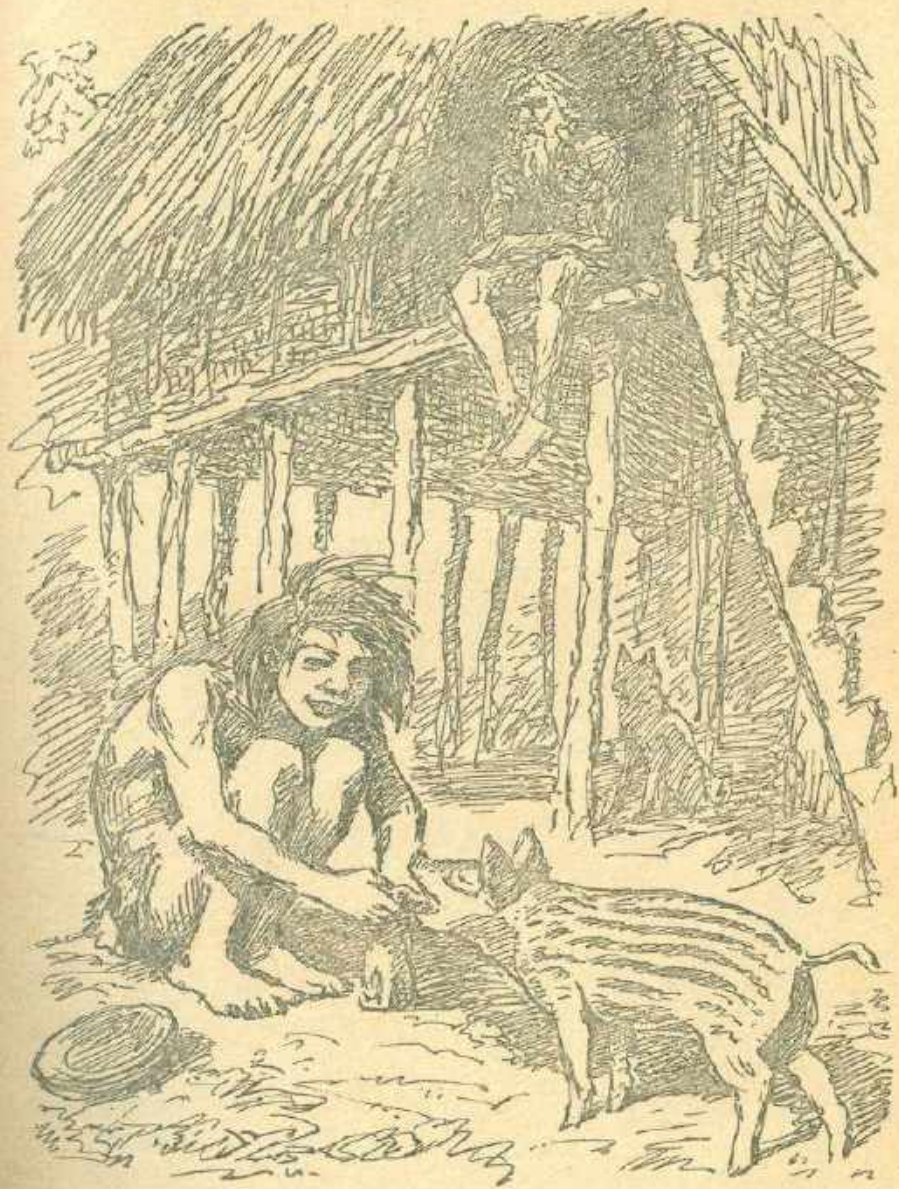
Однажды человек ходил возле жилища. Вдруг густая трава закачалась, и к хижине выбежала свинья. Но она пришла не одна: за ней прытко катили четыре полосатых поросенка.

Люди закричали от радости, что к ним пришло из лесу столько мяса. Они начали ухаживать за свиньячим семейством, откармливали его и зорко стерегли от врагов.

Свиньи совсем обручнели и никогда не уходили от хозяев.

Но домашними свиньями они еще не были. Они ни в чем не изменили своего облика и могли бы снова уйти и жить без защиты людей. Можно сказать, что это были дикие, но прирученные человеком животные.

Природа Азии, где человек впервые приручил дикую свинью, стала портиться. Плодородные местности превращались в безводные, сухие пустыни, и люди уходили на запад, в дремучие леса. Вместе с людьми уходили в леса и прирученные ими животные: собаки, овцы и свиньи.

Он засмеялся при виде поросенка и протянул ему кусочек мяса.

К этому времени наша дикая свинья уже настолько прижилась у людей, что отвыкла быстро бегать, стала жирной, требовала ухода и забот о себе, в более холодном климате сильно простужалась.

В лесах Европы в то время водился другой вид диких свиней. Они были крупнее, сильнее и косматей азиатских. Лесные дикие кабаны очень походили на наш ковер, только были еще пострашнее.

От толстых азиатских хрюшек и европейских диких кабанов расплодилось много полосатых поросят. Только это были уже не те простые полосатые поросята, которых привела когда-то обручневшая свинья к человеческому жилью, то были уже помеси. От лесных кабанов они унаследовали силу, выносливость и косматую шубу, а от своих азиатских мамаш — способность быстро жиреть.

От этих-то помесей и пошли все породы настоящих свиней.

Прошли еще тысячи лет. Люди давно уже хозяйствовали с животными. Они значительно улучшили своих верных помощников заботливым и постоянным уходом и хорошим кормлением. Они научились отбирать самых лучших и выгодных для себя животных и стремились именно от них получать побольше детей, потому что от лучших родителей и дети рождались лучшие.

Кроме того, за многие годы они успели заметить, что если смешивать разные виды животных, то можно постепенно вывести такие породы, какие человек заранее себе наметит.

Обрадовавшись своему замечательному открытию, люди начали сами создавать домашних животных и навыводили столько разнообразных пород, что сразу их даже нельзя перечислить.

В природе, на воле, как было, так и осталось только четыре разных вида. Взрослые свиньи и кабаны всегда защитного цвета, темносерые, и поросята рождаются всегда полосатыми.

А у людей появились всякие: и белые, и черные, и пестрые, и длинномордые, и курносые, как была наша Лариса, и короткоухие, и длинноухие, и жирные, и мясистые.

На воле диким животным жить становилось все трудней и трудней. Убегая от человека, который теперь стал таким сильным, что ему не страшен уже никакой зверь, дикие свиньи стали жить в неудобных, скудных местах. Стали плохо питаться. И с каждым годом становились меньше размерами.

Такого, как тот двадцатипятипудовый секач, которого убили двести лет тому назад в Пруссии, теперь нигде уже на воле не сыщешь.

А в хозяйстве, наоборот, отбирая себе самых крупных и сильных, откармливая их и правильно за ними ухаживая, человек делал породу все крупнее и крупнее. Откармливаемая свинья в шестнадцать или двадцать пудов сейчас для человека уже не находка. Один ученый мечтал вывести такую породу свиней, чтобы были прямо как бегемоты. Ведь чем лучше, полезнее домашние животные, тем богаче хозяйство, тем зажиточнее и счастливее будет жить наш народ. Вот мы все и стараемся вывести самых полезных и лучших.

— Ну и что же, удалось вам, вывели? — спросила Варюша.

— Украинская степная белая, — ответил Варюше Юрко. — Вот я вам сегодня как раз и хотел пока... по-ка-зять...

Катерина Дмитриевна так строго взглянула на брата, что он поперхнулся, закашлялся и замычал:

— Я... м-м-м... Мы... Я х-хотел... м-м-м... показать им Аскания и еще тех свиней, что поедут с ним вместе на выставку, — бормотал он в смущении.

— Это мы пристали к нему, тетя Катя, а он вовсе не хотел нас пускать, — дружно вступились за Юрко ребята. — Нам уж очень хотелось поглядеть на Аскания. Мы в тарпаннике были, в страусятнике были, в антилопнике тоже бываем, когда захотим, а только на свилярню никак почему-то не можем прорваться...

— Я вот, например, не решила: сайгу для зоопарков мне разводить или взяться уж за свиней, — деловито сказала Варюша.

— Тетя Катя, — спросила вдруг Леночка, — очень трудно выучиться на свиноводку? Вот вы, например, как вы стали работать?

— Ну, про это, Леночка, долго рассказывать, а мне уж пора на свилярню.

Ребята опять было начали приставать, но Юрко сделал им таинственный знак, и они замолчали.

Катерина Дмитриевна надела белый халат, повязала волосы белой косынкой и ушла.

Как только за ней закрылась дверь, Юрко сказал:

— Чего вы просите? Я лучше ее это знаю.

Катя всегда хотела работать с животными, но никак не могла выбрать, кого ей учиться разводить: коз, овец, лошадей или коров.

Одно время ей очень нравились куры и индюки. И она развела тогда дома целый полк индюшат.

Потом были у нее утки, пятьдесят штук. Они бегали за Катей по пятам, а утром выстраивались под окном, и как она бывало высунет голову, так они хором: «Кря-кря-кря!» Это, верно, по-утиному что-нибудь вроде: «Здравствуй, милая Катя!»

Про свиней Катя тогда даже и не думала. Поехала она в город, поступила в сельскохозяйственную школу и стала жить одна у чужих. Ну, конечно, ей первое время скучновато казалось, и она уходила в сад и там плакала.

Раз она сидела в траве, видит — стебли колышутся. Кто-то маленький бегаёт и испуганно приговаривает: «Уй, уй, уй, уи-и-и!»

Голос очень несчастный. Катя раздвинула траву, а там крошечная беленькая свинка. Потерялась, отстала, видно, от матери и совсем замоталась от страха.

Ну, понятное дело: поросенок без мамы — и Катя без мамы; она сразу его пожалела и стала ловить.

Долго носилась Катя за ним по саду, наконец поймала. Он дергался, визжал, барахтался, но Катя терпеливо его уговаривала. Поросенок был очень голодный. Катя понесла его в свою комнатку, напоила молоком, и он заснул у нее на коленях. Тут явилась квартирная хозяйка. Катя ей говорит: «Посмотрите, какая прелесть!» А она вдруг как зареет: «Никакая не прелесть, выбросить ее надо, эту грязь-уху! Ни за что не позволю свиней держать в комнатах! У меня дом, а не свиношник».

Катя тогда не была свиноводкой и не знала, что надо на это ответить. Она забрала свои вещи, взяла свинку подмышку и пошла из дома в дом — просить, чтобы ее пустили на квартиру. Но всюду, где только видели свинку, ей кричали: «Ты что? Такую-то грязь!»

И никто ее не пускал. А Катя все-таки не бросила свинку и все ходила, ходила, пока наконец не устроилась.

А знаете, как она ухитрилась?

Она завернула свинку в шаль и сказала про нее: «Да, вот еще у меня тут есть котенок, так вы, пожалуйста, поставьте ко мне в комнату ящик с песком. Он у меня умный и нигде у вас не запачкает».

Так и устроились.

А свинка эта была та самая Патя, которую вы сегодня ходили смотреть, когда Катя вытурила нас из свинарни.

— Ну, и как же, так никто и не догадался, что она не котенок, а свинка? — спросила Варюша.

— Патя была очень умная. Как только кто-нибудь поворачивал в скважине ключ, «котенок» прятался под кровать. Никто его и не видел. Говорили только, что он беленький, вроде ангорского, и шерстка у него вся в длинных локонах.

Один раз Катя ушла не надолго, а дверь позабыла захлопнуть на замок.

Хозяйка зашла и видит: в комнате возится свинка — подбрасывает клубок ниток и похрюкивает от восторга.

Свинка поиграла, попрыгала, потом побежала в угол, где стоял ящик с песком, разрыла песок пяточком и присела над ящиком с важным видом.

Тут хозяйка не выдержала и воскликнула: «Ах ты, обзвьяна ты этакая!» Свинка кинулась под кровать и замерла, как неживая.

В это время вернулась Катя.

Хозяйка подперла руками бока и говорит: «Ну, матушка, видела я твоего котеночка!»

Катя страшно перепугалась: «Что же, прогоните нас теперь?»

Но хозяйке очень понравилась умная свинка: она так аккуратно убирала за собой песок! Хозяйка попросила: «А ну, вызови ее из-под кровати, хочу на нее еще раз поглядеть».

Патя вышла и еще больше понравилась.

Так они с Катей и дожили на этой квартире до тех пор, пока Катя не окончила институт и не уехала в Асканию свиноводкой.

А потом и я переехал сюда, — закончил Юрко. — Только я в первый год ни-че-го не понимал в свиноводстве.

— А теперь больно много понимаешь! — презрительно сказала Леночка.

— Теперь? Вот попросите Катю, чтобы она позволила вам прийти на свинарню. Я вам обо всем могу рассказать, — с достоинством ответил Юрко.

Гордость Аскании-Нова — прекрасную новую свинарню — недавно отстроила на краю поселка. Это было красивое одноэтажное здание с центральным корпусом и двумя крыльями, в виде буквы «П». Широкая входная дверь была устроена в середине центрального корпуса. Внутри здания, в просторных залах, находились станки для свиней и поросят, потом шел длинный коридор, и в конце по обе стороны его расположены были кухня, кладовая и ванная.

— Ну, вот вам и Патя, — сказал Юрко.

В большом, просторном станке разлеглась жирная ло-

поухая свишня. Полтора десятка шустрых поросят бегали по ней в догонялки. Они были беленькие и розовые, как пастилки, а копытца у них блестели, как перламутровые.

В стене станка были устроены маленькие откидные двери. Наигравшись, поросята откинули мордочками дверку и пролезли в свое детское отделение. Тут у них в маленьких корытах была каша с молоком. Они поели каши и побежали в дальний угол станка, на песок. Они отлично знали, что пачкать можно только здесь, в этом отдаленном углу помещения, и никогда нигде больше не пачкали.

Ровно в полдень раздалось в свинарне громкое: бом! бом! Это был обеденный колокол.

«Ии-и-и-и-и!» сейчас же послышалось за стеной, и десятки проворных ножек застучали по деревянному полу.

Отъемыши прибежали с прогулки и все столпились у входа в душевую комнату. Пол в ней был покатый и в центре дырчатый, как решето, а с потолка шел сильный прохладный дождь. Поросята с наслаждением прыгали и вертелись под струйками.

— Да будет, будет вам! — кричали на них свинарки и самых отчаянных чистюль вытаскивали из-под душа крюками.

— Вот, — сказал Юрко товарищам, — небось, дети, и те не всегда моют руки перед едой! Раз у нас тут испортился душ. Поросята никак не хотели обедать без умыванья. Кое-как удалось прогнать их, а вот Патины дети так и не захотели обедать. Они целый час стучали своими пяточками в дверь душевой комнаты и ну прямо со слезами визжали: «Пусти-и-и-и!»

— Так они и не пообедали?

— Так и не пообедали, — ответил Юрко. — А некоторые люди еще до сих пор ругаются: грязный, говорят, как поросенок. Вот тебе и «как поросенок»!

После купанья отъемыши разбежались по своим станкам. Жили они по десять-пятнадцать в одном стойле и все были один к одному по возрасту и по силе.

— А почему вы их сразу по пятьдесят не поселите? — спросили свинарок Варюша и Леночка. — Вот бы им было весело!

— И так-то за ними не углядишь, а то вон еще какую ораву! Да они живо отгрызут кому-нибудь уши, забьют, затолкают. С ними беда!

В свинарне все делалось по порядку, для каждого дела был свой час. После обеда отъемыши опять убежали на клеверную лужайку — пастились и загорать. Станки сразу затихли и опустели.

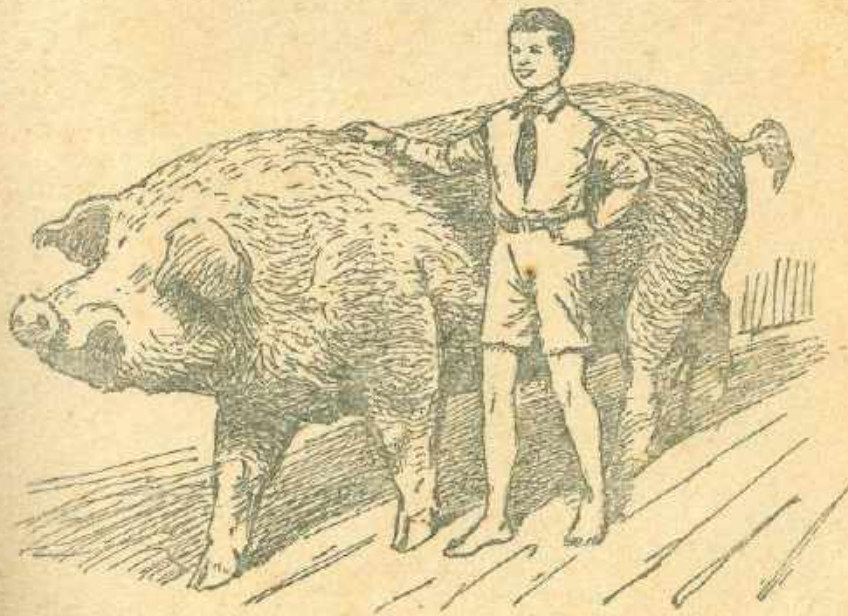
— А годовички — молодые подсвинки и кабанчики — у нас живут на даче, — сказала свинарка. — Специально для них засеяно люцерной целое га. Они там дни и ночи проводят на воле. На лужайке в два ряда стоят у них переносные деревянные домики на ножках. Двери домиков широкие, сходни удобные и пологие, и молодые подсвинки и кабанчики отлично могли бы располагаться на соломе внутри домиков. Но наши «барышни» предпочитают все забиваться под домики. Мы скоро повезем для них обед, и вы можете с нами пойти поглядеть. Все будут, наверное, под домиками, набьются, как в трамвае, и только задки белые наружу торчат.

Ребята поблагодарили свинарку и собрались было бежать с ней на поросячью дачу.

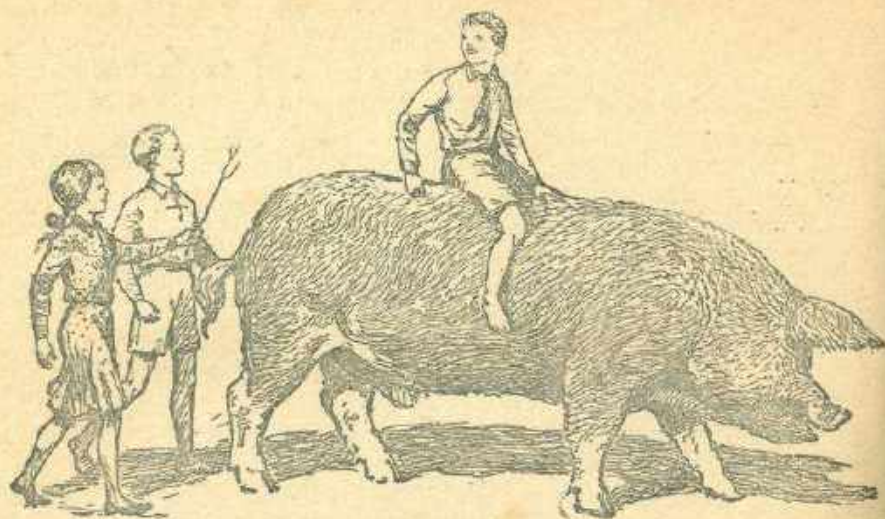
Вдруг кто-то на все помещенье сказал густым, низким басом: «Хрю, хрю!»

Вдоль станков не спеша шел громадина-хряк. Он был белый и длинный, как гигантская колбаса. Громадные волосатые белые уши хлопали на каждом шагу о толстые пушистые щеки.

Рядом с ним, положив руку ему на спину, шел Юрко. И спина хряка приходилась выше Юркиной руки.

Рядом с ним, положив руку ему на спину, шел Юрко.

Юрко ловко вскочил на спину Асканию.

Они оба прошли мимо онемевших ребят, и Юрко, чувствуя их молчаливый восторг, на ходу произнес:

— Асканий Третий, он весит тридцать пудов.

Мальчик с хряком вышли из свинарни. Юрко ловко вскочил на спину Асканию, и хряк не торопясь отправился вдоль клеверного поля.

Три круга сделал Асканий со своим седоком. Все три круга за ним в молчании следовала свита потрясенных ребят.

— Ну, довольно, Асканий, — сказал наконец Юрко и хлопнул своего «коня» веткой по правой щеке, чтобы вернуть его на середину двора.

— Ну-у, зачем ты его заворачиваешь? Дай ему погулять! Пусть подышит еще свежим воздухом, — стали упрашивать Юрко Леночка и Варюша.

Юрко хотел им что-то ответить, но не успел: посредине двора была специально приделанная косая жердь — «чухало». Асканий просунулся под жердь и «счистил» с себя седока.

Юрко шлепнулся на траву. Ребята дружно захохотали, а величественный зверь чуть ослабил и стал сосредоточенно чесать себе спину.

ШУТКА

Она шагала посредине дороги. Было очень жарко и душно. И если бы она была человеком, она давно бы уже отдувалась и обмахивала платком потное лицо и шею. Но она не была человеком и не могла потеть. Вместо этого она далеко высовывала красный мокрый язык, и капельки с него мягко падали в пыль.

В поселке ей наперекоски вынесся дворовый пес Аромат. Он развязно закрутил хвост в два полных кольца и сунулся нюхать.

От обнюхивания — вы, наверное, это знаете — никто не может уклониться. Это так же невежливо, как не пожать протянутую руку. Но пожимать — то есть я хотела сказать нюхать — можно по-разному.

Трусы делают это с подлизыванием, смирененько поджав хвостик, смельчаки — независимо, закрутив его над спиной.

Пришедшая со степи собака всем своим хвостом выразила, что считает Аромата ничтожеством и мелочью.

Она задержалась на целых пять минут.

Все это время она придирчиво и требовательно нюхала Аромата со всех сторон. Отступал Аромат — она делала шаг за ним. Кружился Аромат — и она кружилась следом.

И только тогда, когда кольца Аромата совсем развились и хвост виновато повис между задних ног, собака оставила его и зашагала дальше.

В середине поселка, на главной улице, была почтовая контора. Громкий бас заставил конторщика просунуть нос сквозь железные прутья окна.

Вся в белых длинных локонах, громадная собака смотрела в окно из-под косматых бровей.

— Шутый¹ с овчарни пришел за хозяйской газетой. Минута в минуту всегда прищелкает. Как будто у него на лапе часы!

Осторожно взяв в зубы газету, собака отправилась в обратный путь.

Аромат снова перенял Шутого на дороге.

Но теперь пасть у Шутки была занята. Положить хоть на минутку хозяйскую газету пес не согласился бы ни за что на свете.

Он проходил мимо не останавливаясь.

И хвост его — волнистая линия с полуколечком на конце — ясно показывал, что хотя он и не бонтея, но задевать тоже никого не желает.

Выйдя в открытую степь, Шутка завернул хвост калачом и потрусил к едва видневшимся вдали точкам — сараям.

Справа и слева от дороги белели полынь и ковыль.

Ветерок шевелил седые космы на Шуткиной голове.

С ветерком прилетел из степи в его ноздри родной, милый запах овечьего стада — отары.

Далеко в степи стоял, опираясь на посох, пастух-чабан. Пастушья овчарка хлопотала возле стада.

А пушистые, как тюки ваты, овцы меринсы тихо па-слись.

Шутка родился возле овец, прожил с ними всю жизнь и состарился. И вот, когда он стал совсем старым, у него отняли овец и поместили его вместе с собаками на псарне.

Ему не приходилось больше целыми днями загонять и считать овец.

Не нужно было трудить старые лапы в бесконечных переходах, дрожать в непогоду и в бурю.

Он жил на пенсии.

У него было теплое логово под крыльцом флигелька, и единственной его обязанностью было ходить ежедневно в поселок за хозяйской газетой.

Это было вовсе нетрудно.

Положительно, Шутка к старости заработал отличную жизнь и покой!

И все-таки, если бы он мог немножко меньше слушать-

¹ Шутый — по-украински значит безрогий.

ся своего хозяина, тут же на месте он положил бы в пыль газету и свернул бы от сытой, спокойной жизни туда, к пастухам, к овцам, к тревогам и бурям.

Но газета...

Шутка отогнал воспоминания молодости. Такие, как он, редко вздыхают. Он продолжал свой путь.

Неожиданный шум и задорные голоса в полыни, у дорога, собрали суровые морщины на Шуткином лбу.

Что за непорядки? Этого никогда здесь не было.

Звонкие голоса рычали, захлебывались, лаяли. В траве заваривалась веселая кутерьма.

На край дороги, под самым Шуткиным носом, выбежали четыре мордастых щенка.

При виде нахмуренного Шутки веселье сразу потухло, и щенки в замешательстве сели рядком. Шутка подошел, опасный, как плетка.

Во-первых, что это за шум и беготня в рабочее время? Потом, кто им позволил убежать так далеко от сарая в степь? И вообще, как они себя держат со своим дедушкой?

Щенки опрокинулись на спины, задрыгали ногами, извинялись. Шутка строго обнюхал каждого. Придраться было не к чему, а лежачего не бьют.

Через минуту щенки увивались и целовали его в морду. И вдруг один сорванец дернул зубами газету! Газету! Газету, которую Шутке доверил его хозяин!

Шутка рывкнул, как гром. Газета упала на траву. Негодный щенок, захлебываясь плачем, потирал лапой прокушенное ухо.

Теперь он будет знать, как надо обращаться с хозяйскими вещами!

Шутка вернулся к газете и... остолбенел. Газета пропала.

Вдалеке, почти у самого крыльца сторожки, неслись три мордастых белокурых щенка. Они прыгали, подбрасывали в воздух и разносили на клочки то, что было священной хозяйской газетой...

Хозяин не кричал и не отколотил Шутку.

Он сделал гораздо хуже. Он отвернулся, когда Шутка, как червь, виновато подполз к нему на животе. Он оттолкнул его ногой, не дал облизать свои сапоги. И в голосе его Шутка услышал отвращение.

— Пошел ты от меня вон, старый, ни на что не годный бездельник! Теперь я сам буду ездить на велосипеде в институт за газетой. Пшел... пшел!

— Напрасно ты с ним этак, товарищ Боровский, — заступился за Шутку чабан, зашедший на псарню. — Это пес трудовой. Это — Шутый, собака Шевченко. Такого, как он, на всей псарне не выбрать. Помню, нас, чабанов, он не раз выручал из беды. Однажды на пожаре он спасал овец и так обгорел, что целый месяц приезжал к нему в степь из поселка ветеринар, мазал мазью и перевязывал ему лапы и морду.

— Я знаю, пес был очень хороший. А сегодня старик осрамился — бросил газету щенкам. А они рады — в клочки ее изорвали... Ну, пошел, убирайся к себе под крыльцо!

Ветер дул от овечьих сараев. Шутка лег под крыльцо, поймал ноздрями знакомые запахи. Опустил на лапы голову и загрузил...

Атагаса — старшего чабана — Шевченко и тогда уже называли «пивторадидку». Свой полный трудовой век отработал чабан да еще прихватил половину чужого века.

Вот и выходило — один с половиной дедовых века: полтора дйда вику.

Молодые чабаны удивлялись, откуда у старого деда такая прыть. Никто не мог угнаться за ним на степи.

Легконогий, бежал он за Шуткой к новорожденному ягненку. Нес на плечах большую овцу к далекому сараю. И, распевая, помахивал посохом — герлыгой — долгий летний день.

— Вот наш дидко так дидко! Богатырь — не чабан. Ему бы над войском воеводить, а он в чабанах век коротает.

Все любили и уважали деда Шевченко. Но больше всех любил его верный помощник и друг — овечья собака Шутый.

Шутка тогда был совсем молодым. Он был самой большой овчаркой во всей Медитопольщине. И так ревностно и умело сторожил свое стадо, что в отаре Шевченко никогда не случалось пропаж и потерь.

Однажды отара паслась далеко от сарая, в пяти-шести километрах от залива Сиваш.

Шевченко лежал на земле и глядел в синее небо, а Шутка лежал и глядел на хозяина.

Далеко в углу неба наплывало облачко.

Вдруг Шевченко поднялся с земли и с необычной торпливостью стал натягивать полушубок.

Шутка тоже вскочил. Обежал вокруг стада, сбил овец в кучу, взглянул на Шевченко.

Хозяин велел поворачивать домой. Он так торопился, что ронял свою палку.

Волнение его передалось собаке. Она сильно толкнула вперед вожака, козла с бубенцом — тронкой — на шею. Козел было замешкался. Шутка дернул его за штаны. Цап — козел — побежал, громяхая бубенцом. За цапом пошло стадо.

Не успели они отойти и версты, как маленькое облачко разрослось в огромную тучу.

Горько-соленый ветер примчался от Сиваша и затрепал полушубок человека и белые космы собаки.

Туча росла, росла и, как хищная птица, спускалась все ниже к земле.

Стало темно, словно ночью. Овцы дрожали. Цап оставался, не хотел вести стадо. Козел ждал чабана. С человеком он меньше боялся.

Вот туча накрыла крыльями землю. Ветер рванул клубы пыли.

Сверкнула молния. С треском раскололось все небо.

Овцы кинулись врассыпную. Чабан успел снять с козла ошейник с тронкой. Он тряс его что было мочи, звонил.

Шутка носился по кругу. Овцы снова сбились к тому месту, где звонил бубенец вожака.

Первый натиск грозы миновал. Отара пока уцелела.

Может быть, сейчас хлынет ливень и гроза пронесется над стадом так же стремительно, как налетела?

На это сильно надеялся старый Шевченко.

Но гром разразился опять.

Раз! Два! Три раза подряд загрело вверх.

Овцы не слышали больше тронки. Они мчались неизвестно куда. Пришло страшное чабанское несчастье. В ненастные «воробьиные ночи» — ночи среди дня — так гибнут целые отары овец.

— Отара рушает! Рушает! — закричал старый чабан и в горе упал лицом на землю.

Ливень прошел стороной, но в тех местах, что пришлось в полосу дождя, потоки смыли целые хаты.

Над Шевченко гроза пронеслась без дождя, только ревел ветер да зеленый огонь пробегал над лежащим вичком пастухом. А овцы бежали по степи.

Шутка пробовал их собрать в кучу, остановить. Напрасно! Овцы не слышали лая, не чувствовали укусов. Они бежали все прямо, в черноту степи.

И Шутка бежал вместе с ними.

Так овцы домчались до берега моря. Перед ними плескались соленые воды Сиваша.

Овцы кинулись в воду. Поплыли... Вода закружилась от сотни огромных овец. Сверкнула молния. Овцы боролись с волнами, плыли, не зная куда.

На рассвете Шевченко разыскали товарищи. Старик за одни сутки осунулся, как после болезни. Он ни о чем не хотел слышать. Пропали овечки, и Шутка пропал. Ну, какие тут могут быть разговоры?

Ни за что не хотел он вернуться домой. Он решил исходить всю степь — разыскать овец и Шутку, живых или мертвых.

Целый день, как помешанный, рыскал старик по степи. Он звал Шутку, тряс бубенцом. За ним, усталые и голодные, плелись пастухи.

Перед вечером ветер снова подул от залива. Он был так тоскливо и страшно, что сердце стыло в груди.

— Ишь, воем над морем! Ну, прямо нечистый дух! Какие тут, к ночи, овечки? Темно уже стало. Вертаемся, дедко, домой!

Но дед ничего не слышал. Он несколько раз остаивался, а потом двинулся прямо на вой.

Вот блеснула вода в заливе. Дед стоял у самой воды.

Над заливом темно и ненастно. Темная пена клубится у ног. Темная пена туч наверху.

Жуткий голос поет над заливом: «У-у-у!»

Старик скинул тулуп, чоботы и пошел прямо в воду.

— Очумел ты, старик! Утонуть вздумал с горя. Ну, топись, коли так, мы тебе не товарищи!

А старик только машет рукой. Погрузился по горло. Поплыл. Он плывет, а навстречу ему страшный голос: «У-у-у-у!»

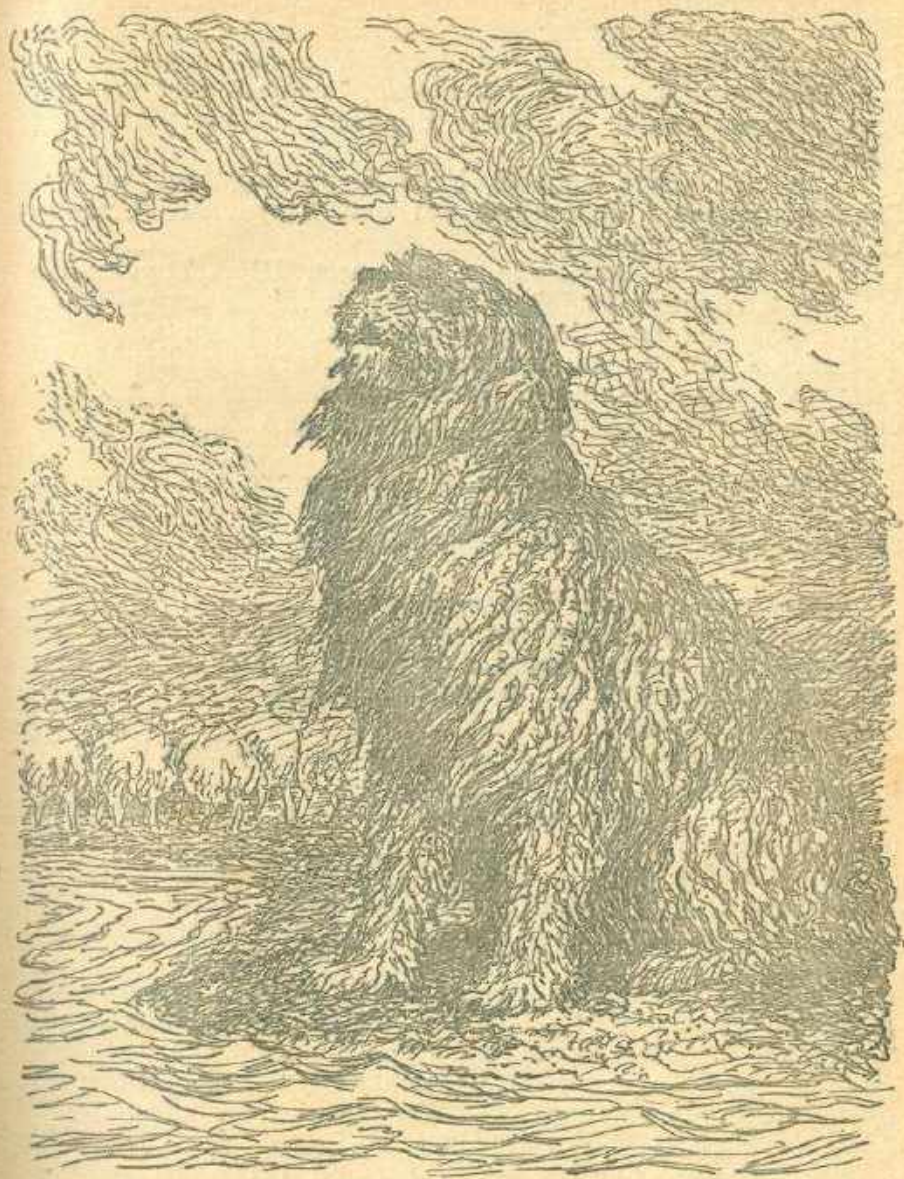
Вот перед дедом песчаная отмель. На ней мокрые овцы столпились у самой воды и трясутся. А чуть в сторонке сидит Шутка, поднял голову по ветру и надрывается: «У-у-у!»

Через день на сараях набралось много народу. Говорили о злых «воробьиных ночах» — о ненастных ночах среди дня. И, кончая рассказ, каждый чабан оборачивался к порогу и кидал угощение.

На пороге лежала собака. Шутка слушало «воробьиных ночах». Он смотрел на хозяина. Шутка знал, что сейчас говорят о нем, что хозяин доволен и даже гордится им.

Вот как было когда-то...

Старый пес заворочался. Лежать ему стало неловко. Небось, когда он был молодым и работал лучше других, им все дорожили, берегли его и ласкали. А теперь...

Шутка поднял голову по ветру и надрывается: «У-у-у!»

Над Шутым затопали. Он поднял голову, насторожился. По ступенькам спускался хозяин. Это не был Шевченко. Старика нету больше на свете. Это был новый Шуткин хозяин — Боровский, тот самый, который сегодня при всех осрамил седого служаку. Боровского звал из псарни рабочий:

— А ну, идите скорей! У Белянки родились щенки. Глядите, товарищ Боровский, вот они, в лукошке. Слышите, как здорово пищат?

Шаги быстрее побежали с крыльца. Шутый услышал радость в голосах людей и, крихтя, полез наружу — повилать возле них хвостом, разделить с ними радость.

Рабочий из псарни, практикант института и Боровский хлопотали возле лукошка. Прибежала Белянка и в тревоге прыгала на грудь Боровскому: просила не обижать маленьких.

Люди не заметили Шутки, и он, напрасно повилыв хвостом, полез в свое логово. Ветер с овечьих сараев снова занел свою тихую песню, и Шутый опять задремал.

После купанья овец надо беречь от дождя. Через несколько недель начинается стрижка; попадут овцы под дождь — подпарится шерсть, собьется в ком. Не будет в ней той шелковистости, блеска. Большой будет убыток камвольному делу.

У атагаса Шевченко овцы всегда приходили на стрижку все, как одна.

Уж кому, как не Шевченко, знать, как водить тонкорунных овец!

Однажды с утра ушли пастухи с овцами в степь. Только успели они отойти, дед Шевченко зашел за сарай и стал громко, протяжно гукать — чабанов домой заворачивать.

Неохотно повернули овцы домой. Душно летом в сараях, парно, как в бане. Тяжко дышат заросшие длинной и жаркой шерстью бока мериносов и английских баранов линкольнов. Рты открыты, на мордах — мученье. Все толпятся у выхода и у окон. Суют головы ко всякой щелочке, лишь потянет чуть-чуть ветерком.

Хорошо им среди степен, на воле! А тут только пошли, отдышались — и снова назад, в эту баню.

Запрыгали, балуясь, цапы. Трясут бородами, не хотят возвращаться назад. И овцы словно прилипли к траве — не отцепишь никак.

А старик-атагас гукает все сильнее, кричит на всю степь:

— А-а-а! А-а-а!

Овцы потянулись к сараю. Старик всех принимал, размещал по загонам и показывал на небо: дескать, видите, — тучки.

Наконец вернулось из степи последнее стадо — отборная сотня баранов. Все самцы мериносы. У каждого на голове крутые кольца рогов. Каждый весом семь-восемь пудов. И у каждого в ухе продета медаль: «Асканийское элитное стадо».

Такая элита — гордость всякой страны.

Атагас сосчитал, проверил их и поставил на место в сарай.

Только успели попрятать овец — вся степь почернела, на небе засверкали зарницы.

Дед стоял на пороге сарая, опираясь плечом о косяк, и шутил с чабанами.

Старика не поймает. Нет у него ни барометра, ни термометра, а чувствует непогоду, словно петух.

Тут подкралась к сараю тихая молния. Сверкнула. И дед, как стоял, повалился на землю.

— Шевченко убило! В деда молния ударила! Атагаса убило! Убило! — закричали вокруг чабаны.

Они подхватили атагаса. Отнесли от сарая, положили на землю и давай рыть лопатами яму, закидывать атагаса землей.

Ох, не понравилось все это Шутке!

Чабаны забросали Шевченко и бегом побежали к сараю.

Но Шутка не мог так оставить хозяина. Он стал раскидывать лапами землю и рычал от волнения.

Вдруг из ямы поднялся оживший Шевченко. Сел, потрогал руками лопату, погладил собаку и хотел снова лечь, но взглянул на сарай и, как бешеный, крикнул:

— Ратуйте! На помощь! Овцы!

Сарай полыхал, как береста. Чабаны не знали, за что раньше хвататься. Тут мимо них мелькнул удалой атагас.

— Элитное стадо! — кричал он на бегу. — Спасайте элитных баранов!

И прямо через это был «Восемь тысяч сороковой», огонь в дым сарая...

Ну, а кто же за дедом?..

Первым прыгнул за ним, ни минуты не мешкая, Шутка. За ним подпрыгали все чабаны.

Что было в сарае!!

«Воскресший из мертвых» Шевченко хватал за рога надменных элитных баранов, пихал их ногами, тащил к огню и кидал через костер на свободу.

Шутка лихо вгрызался баранам в ляжки, в загривки, помогал хозяину.

Один, без людей, он пугнул из угла штук сорок глупых баранов. Лязгнул, рывкнул на них, и они не помня себя пронеслись через пламя наружу.

Наконец остался в сарае один меринос, но какой!

Это был «Восемь тысяч сороковой». У него были две золотые медали. Он ездил в Германию. Все лучшие бараны в СССР были сыновьями Восемь тысяч сорокового.

Стоил он много золота. И такой чемпион вдруг забился за бревна в углу, тряс рогами и ни за что не хотел выходить — испугался.

А сарай уж светился насквозь, трещал весь и шатался, как будто он трогался с места. Крыша вот-вот собиралась рухнуть.

Атагас напрягал все силы, но восемь пудов упирались, тянули назад.

В едком дыму люди не видели друг друга.

Чабаны пробирались на воздух. Атагас и баран, задыхаясь, боролись в углу.

В это время на Шутку свалилась сгоревшая в уголь решетка. Он завыл. Шерсть на нем завялась. Он хотел покататься по полу. Пол был весь в горячих углях.

У Шутки сгорели ресницы и брови. Лапы до мяса спеклись на жару.

Тут он услышал голос:

— А ну, Шутка, поддай! Шутый, усь, усь, собака! Ату! Ну-ка, Шутка!

Шутка сразу забыл про свою боль. Пал на спину барана. Вцепился. Баран сиганул, и все трое промчались на волю.

Следом рухнула крыша. Обожженные люди кричали, смеялись.

А старик и собака упали у ямы. И сырая земля оживила их снова...

Лапы сильно задергались, словно Шутка побежал куда-то во сне. Пес залаял спросонок, заворчал и проснулся.

Над степью занималась заря. Скоро солнце начнет припекать.

Боровский с утра обошел все хозяйство, выдал пару щенков чабанам на сарай.

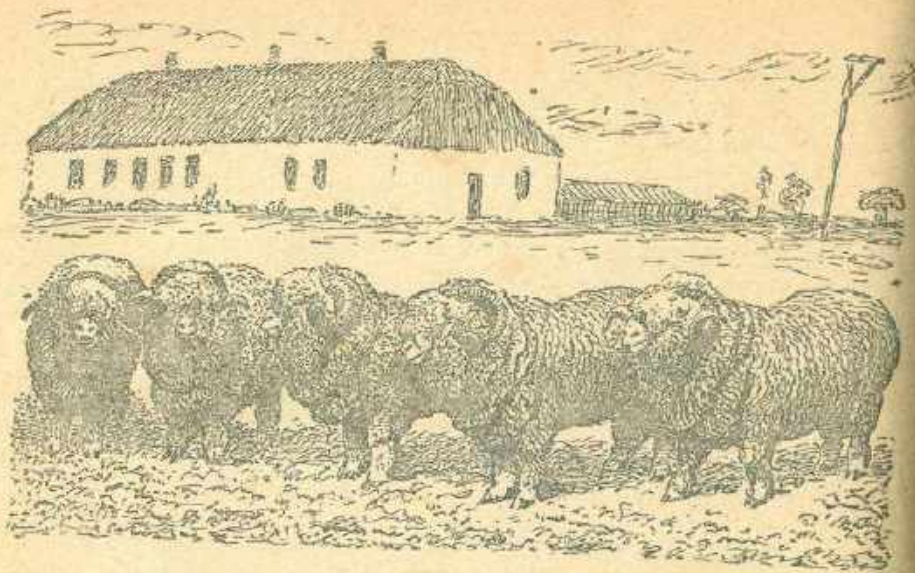
— Хорошие будут щенки. Не такие, как Шутка, а все-таки хорошие будут собаки. Прощайте, товарищ Боровский!

Проводив чабанов, Боровский занялся своим велосипедом: нужно было поехать узнать распоряжения. И газетку ему захотелось почитать: интересно ведь все, что творится на свете.

Тут он вспомнил про Шутого и заглянул к нему под крыльцо.

Но Шутого под крыльцом уже не было.

Боровский выпрямился и посмотрел на степную дорогу. По дороге торжественно шествовал старый служака. Высоко подняв голову, нес он в зубах драгоценную хозяйскую газету и еще издали радостно приветствовал хозяина пушистым хвостом.

ЗОЛОТОЕ РУНО

ДЕД ЧЕРНОГУБ

I

База овечьего совхоза была недалеко от станции. Митроха узнал ее по ворохам леса и камней, по каким-то машинам и двум темнокрасным цистернам, которые стояли у двора. До самого совхоза было еще двенадцать километров. Оттуда должен был приехать дядя, взять и определить Митроху в ученье... думаете, на комбайнера или тракториста, или хотя бы на счетовода? Как бы не так. Учиться на чабана! Митрохе казалось, что глупее и позорнее этого не может быть ничего на свете.

Он не пошел в гостевую, как велела мать, а уселся на крыльце. Было 15 апреля. Четвертый день стояла настоящая весна. Все форточки в гостевой были открыты; в них то и дело слышался сердитый женский голос:

— Алло, алло! Это совхоз? Да что за безобразие! Я полдня жду машину и не могу... Алло, алло!

Наконец приехал дядя на тачанке. Он был предупредителен и ласков, как будто чувствовал себя виноватым, что устраивает Митроху в чабаны. Из гостевой вышла женщина в кожаном пальто и без шапки. У нее было красивое

тонкое лицо, пышные волосы с красноватым отливом. Дядя заулыбался ей, как старой знакомой.

— Здравствуйте, Юлия Ивановна! Давненько не были. Прямо из Москвы?

— Здравствуй, Федор! Тебе никого больше брать не надо? Тогда, знаешь, я лучше с тобой поеду.

«Барыня, — решил про себя Митроха. — Начальникова жена».

Дядя вынес вещи — большой чемодан и что-то вроде мешка с замком. Когда Юлия Ивановна садилась в тачанку, вдруг обнаружилось, что она толстуха: Митроха сдвинулся на самый край, а она заняла все сиденье. Ну да, барыня. Делать нечего, вот она и катается взад-вперед.

Не успели тронуться, она затараторила:

— Ну, как дела, Федор? Как Ольга, детишки? Я им гостинцев привезла: маленькому ботиночки, а тем рубашку и платье. А это кто, племянник? Чабановать хочет? — Тут она обернулась к самому Митрохе. — Это хорошее дело, очень интересное. Тебе сколько лет, пятнадцать? Ну что же, самое время к чему-нибудь пристраиваться.

Митроха отвечал ей неохотно, про себя же он думал: «Интересное! Самой бы тебе... Ленька говорит, в чабаны только лентяи нанимаются, которые никуда не годятся. Пустят овец, а сами спят весь день. Там взбесишься от скуки. Я убегу, честное слово убегу!»

II

Электрическая станция, конюшня, мастерские, гараж. Сколько машин, волов и даже верблюдов! И все это для овец. Правда, овец много, шестнадцать тысяч, но все-таки... Митроха подсчитал: у них в селе один пастух с парнишкой водят восемьсот голов. Значит, здесь надо было бы сорок, ну, пускай, пятьдесят чабанов, а тут целая деревня. Смешно. Чего им делать-то?

Они с дядей сидели у длинного сарая. Сарай был без стен, соломенная крыша его доходила до земли. Рядом — баз, окруженный толстым забором из старой, слежавшейся соломы. Из сарая часто слышался одинокий крик овцы. На ее грубый низкий голос каждый раз отвечало штук десять звонких, ягнячьих. Вдали, на холмах, уже зеленых, паслись две отары.

Пока Митроха думал о совхозе, дядя наскоро учил его:

— Как подъедет, ты встань, поклонись. Да смотри, не назови: дед Черногуб. Это его за глаза только, а так он

Кузьма Петрович, овцевод, голова над всеми чабанами и отарами. Будешь стараться — и ты до овцевода дослужишься. А может быть, пошлют в техникум, тогда и во все...

— В какой еще техникум? — насмешливо спросил Митроха. — Как за овцами ходить?

— А как же? Такой есть, в Орджоникидзе. Вон Арсен Григорич. Вель он даже чабаном не был. Простой кучер, как я вот. А теперь помощник директора, шутка сказать...

Из-за сарая выскочила шустрая белая лошадка. На ней сидел человек в кубанской шапке, с серыми усиками и удивительными иссиня-черными губами. Он легко спрыгнул с лошади.

Митроха не хотел вставать — это не мог быть семидесятилетний старик, — но дядя подтолкнул его; пришлось подняться. Человек уставился на него большими круглыми глазами.

— Так. Манну кашу с сахаром любишь?

— Кто, я? — удивился Митроха. — Люблю.

— Хорошо. А спать любишь мягко или жестко? Ну, сказывай правду!

— Мягко.

— Правильно. Шелковы рубахи носить уважаешь?

— Уважаю.

— Тоже правильно. Так вот: сладкой кашей у нас не кормят. Спят у нас жестко, а иной раз и вовсе не спят — некогда. Шелковых рубах не носят: летом ее зной спалит, осенью дождик намочит, а после того мороз вдарит, она вся полопается. Работа хлопотливая, трудная, и нельзя сказать, чтобы за нее каждый день по головке гладили. Теперь как, будешь проситься до нас?

Удивительное дело: пока дядя и мать расхваливали совхоз, Митроха думал о нем с неприязнью. Поступать в чабанята ему смертельно не хотелось. Но вот пришел этот насмешливый человек, стал отговаривать, пугать — и Митроха упрямо заявил:

— Буду. А что вы говорите, я этого не боюсь: пускай хоть дождь, хоть жара.

— Смотри, тогда не хныкать у меня.

— Вы сами скорей захнычете.

Митроха испугался, что брякнул лишнее. Но Кузьма Петрович засмеялся, очень довольный.

— Правильно, молодец! Всегда так отвечай. Стало быть, по рукам. Нынче будешь кузетать с Шяяновым. Сейчас пойдя выпись, а к вечеру приходи сюда.

Митроха не смог заснуть: новое место, день, кругом шумят. Потом он не знал, радоваться ему, что поступил на работу, или жалеть. Над этим вопросом он мучился до шести часов, когда тети Ольга позвала его:

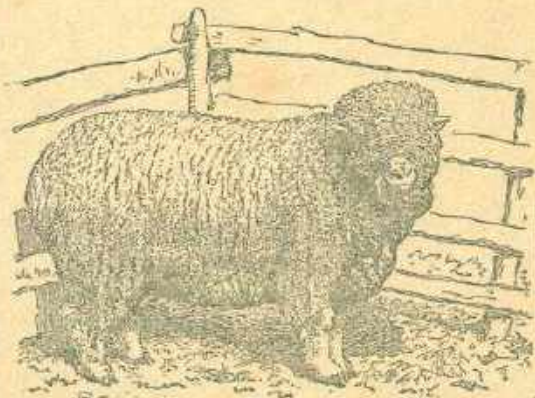
— Митроша, а Митроша? Вставай! Чаю попьешь, да итти пора.

Когда они с дядей второй раз подошли к сараю — подешнему кошару, — солнце уже село. На небе после него оставался яркий костер, но и он быстро потухал. Было тихо, тепло. От зеленых холмов к сараю медленно двигалась отара. Она переливалась незаметно, как выступившая из берегов вода. Это были сунгные матки. Такая отара называется очень внушительно: «гросс».

Вблизи вид ее оказался еще более внушительным. Впереди всех, как главнокомандующая, шел, помахивая бородой, огромный пегий козел. За ним лениво и снисходительно переступал мохнатый пес с глазами такой твердости, что в них невозможно было смотреть. Дальше, по флангам, были еще собаки, две или три. На правом фланге шел высокий человек в брезентовом плаще. На плече у него была длинная палка с крючком, похожим на цифру 7, — герлыга. По ней и по высокому росту Митроха решил, что это и есть Шяянов, старший чабан.

Дальше двигались овцы — но что это были за овцы! Никогда в жизни Митроха даже во сне таких не видал.

Во-первых, все одинаковые, как яйца в решете. Интересно, как их отличают? Должно быть, номерки подвешивают. Но это еще ничего, а вот глаз у них нет, совсем никаких. Да не только глаз, у них ничего нет — ни шеи, ни спины, ни хвоста. Вместо головы — круглый ком ваты. Только внизу чуть высывается крохотный

...Вместо головы — круглый ком ваты.

носок да с боков торчат голые ушики. К круглому кому приставлен продолговатый, раза в четыре больше. На ногах ватные штаны до земли. Как они живут без глаз? Ведь можно в яму свалиться. Ах, нет, вон есть и с глазами. Это, наверное, поводыри. Ну и овцы! Идут неуклюже, головы поднять не могут...

Митроха вспомнил обыкновенных овец, каких он с детства привык видеть в своем селе. Те были стройные, легкие, с прекрасными карими глазами, с витой длинной шерстью. А эти... кому нужны такие тюки?

— Ворота, ворота! — крикнул высокий чабан.

Митроха был недалеко от ворот и кинулся отворять. Вдруг он почувствовал мягкий удар в бок. Какая-то сила отбросила его в сторону и ударила головой о соломенный забор. Немного погодя, очнувшись, он увидел над собой оскаленную пасть и страшные глаза, в которые невозможно смотреть.

— Буран! Буран! Пошел, Буран! — испуганно закричали с разных сторон.

Чей-то слабый, тоненький голос совсем рядом тихо сказал:

— Пошел! Вставай, парень: ничего.

Буран поджал хвост и отошел. Митроха поднялся. Перед ним стоял маленький человек, загорелый, с бледными висячими усами.

— Что, испугался? — спросил он с улыбкой. — Ты зачем сюда пришел?

Дядя подошел и все объяснил за Митроху.

— Тогда вот что. Собаки у нас лютые, от них все равно не убежишь. Ты, если нападут, сядь на землю и не шевелись. Не бойся. Гавкать будут, а порвать не порвут.

Отара сбилась около база. Чабаны открыли ворота. Они протяжно посвистывали и кричали, приглашая заходить:

— А-ля, э-эй, а-ля!

Но овцы заупрямились и ни за что не хотели идти в ворота. Тогда высокий грозно заорал:

— Васька! Места не знаешь!

Козел пробрался вперед и смело вошел в ворота. За ним вошла одна, другая овца. Потом они хлынули, как в прорванную плотину. У бледноусого тоже была гердыга. Он орудовал ею, как огненным мечом, сдерживая поток, стараясь, чтобы овцы не помяли друг дружку в воротах.

— Эй, эй! Та стой же, холера! От проклята худоба!

Овцы, по привычке, отвечали ему многоголосым грубым ревом: «Бя-а-а, бя-а-а, бя-а-а!» Вдруг он сунул гер-

дыгу в поток. Крючком выхватил за заднюю ногу овцу. Оттащил ее в сторону и пальцами начал растирать какую-то корочку у нее на спине. Потом вынул из кармана бутылку, полил это место, втер жидкость в кожу и отпустил овцу.

— Антон! Надо поглядывать. Кажется, клещ заводится. Последние овцы зашли. Чабан закрыл ворота и стал закуривать. Подошли высокий и дядя. Они тоже вынули кисеты. Все молчали. У пожилых чабанов это уж такая привычка: они могут за час не сказать с человеком и десяти слов.

— Ну, бывайте! — Дядя потушил цыгарку сапогом и ушел.

— Пойду поужинаю, — сказал высокий.

— Погодя. Я что-то одной овцы не вижу. Знаешь, той, что с «Красного чабана», от Восемь тысяч сорокового.

Оба зашли в баз, спокойно осмотрели отару. Овцы не было, но они ничем не показали испуга. Высокий видел ее последний раз при выходе из балки. Маленький велел ему идти туда.

— Если окотилась, возьми матковозку, на руках не носи.

— Слушаюсь, товарищ начальник!

— Так это вы — дядя Шиянов? — удивился Митроха, когда ушел высокий.

— Я. А что, не похож?

II

Быстро сгущались сумерки. Над базом вспыхнул фонарь. Как раз в это время подъехала тачанка с помощником директора и Юлией Ивановной. Сзали, на своей белой лошадке, скакал дед Черногуб. Шиянов почтительно поздоровался. Юлия Ивановна сразу закидала его вопросами: как идет окот? Чисто ли в кошаре? Нет ли поноса у маленьких? Где поят? Хватает ли щитов для клеток, хорошего сена? Есть ли матковозка? Завтра она придет и все проверит.

Она была все в том же кожаном пальто и без шапки, с пышными волосами. Митрохе это казалось неприличным, и он со злостью думал: «Тоже, лезет еще, распорядится! Ну что она смыслит в мужичьей работе? Барыня, все время на тачанке. А эти слушают ее, даже Кузьма Петрович».

Когда начальство уехало, Шиянов с озабоченным лицом направился к кошаре. У дверей они с Митрохой обмокнули ноги в противень с темным раствором. Сейчас же за дверью начинался широкий проход. Налево были загородки из щитов, клетки величиною со стол. В каждой стояла овца

е ягненком. Направо тоже была загородка, но большая, целый дворик. Там свободно гуляли мамыши с младенцами, все вместе.

В первых двух клетках ягнята сосали, и Шиянов прошел мимо них. В третьей овца все время поворачивалась, брыкала задними ногами. Ягненок ходил вокруг нее и жалобно мекал. Шиянов вывел овцу в проход. Ягненок вышел сам.

Ноги у него были большие, неуклюжие, а тельце щупленькое, все в морщинах. Голова болталась на тоненькой шее. Настоящий старичок.

— Становись вот тут, — сказал Шиянов. Митроха встал. — Раздвинь ноги. Так.

Он просунул голову овцы между ног Митрохи. Овца сразу присмирела: она не видела, что делается у нее сзади. Шиянов подсунил под нее проголодавшегося ягненка. Тот ошалел от радости и ткнулся вместо вымени в середину живота.

— Да не туда, дурень!

Шиянов сам вложил ему в рот сосок. Ягненок завертел хвостиком и начал поддавать с такой силой, что зад овцы подпрыгивал кверху.

— Вот так будешь кормить. Зажимать сильно не надо. Ей абы не видеть. Пососет немного, подпусти его с другого бока. Это дурные матки: сами не дают. Пока привыкнут, с ними намучаешься.

Дурных маток было одиннадцать. Одна оказалась до того бешеной, что ее пришлось привязать к щиту, а задние ноги держать, пока ягненок не насосется.

— Раньше недели из-под ареста не выйдет, — сказал про нее Шиянов.

Одна овца резко выделялась по виду: она была не белая, а черная, на тонких ногах, голову держала высоко и гордо. Шерсть на ней не свалилась, а висела отдельными витыми сосульками. Митроха невольно остановился перед ней.

— Это каракуль, мамка. Видишь, она чужого кормит. Своего у нее отобрали.

— Куда отобрали?

— На смушек. Видал каракулевые воротники, шапки? Вот! Их режут на другой-третий день. Мать остается с молоком, вот ее и берут в мамыши. А у этих, рамбулей да прекосов, молока мало. Двоих окотят, уже и прокормить не могут.

Каракульская мамыши была последней из «дурных». Дальше стояли пустые клетки. Шиянов сказал, что теперь ему

надо сбежать поужинать. Вдруг откуда-то выскочил ягненок, уже немного округлившись, резвый, на твердых ножках.

Он закричал дрожащим от волнения голосом, быстро завертел хвостиком и начал тыкаться в ноги Шиянова.

— У ты, моя сироточка! Сейчас, сейчас, я еще домой не ходил. — Загорелое лицо Шиянова сморщилось, стало ужасно некрасивым и смешным. — Это у нас сиротка. Первый в окоте. Из соски кормим. Пускали до мамыши — не привыкает. Как скажешь: «Си-си-си!», так он аж трясется весь, вот до чего привык.

Отворилась дверь, в кошару вошла женщины с узелком. Шиянов обрадовался:

— А я только бежать собирался. Вот спасибо! Ты хворую напоила?

— Напоила.

— А воспитонку принесла?

— Как же, самое главное да забуду!

Шиянов первым делом вытащил из узла бутылку с парным молоком и соской на конце. Женщины мягко вырвала ее у него из рук.

— Ладно, я покормлю. Сам-то поешь.

Она пошла кормить «сиротку», а Шиянов устроился на сене, в овечьей кормушке. Он жадно ел черную кашу с молоком, яйца, хлеб. Иногда, с полным ртом, он вскакивал и кричал жене:

— Держи, держи, бутылку выбьет!

— Да знаю. Неужели я сроду ягнят не поила?

III

В общем дворике были ягнята постарше. На белом боку у каждого стояла большая черная цифра: 4, 9, 12. Такие же цифры стояли у каждой мамыши. Но маленькие еще не умели читать ни глазами, ни по запаху и все время путали мамышей. Они бегали по дворнику, жалобно кричали, лезли сосать чужих. Те иногда позволяли, но чаще всего, облюбовав, жестоко долбали лбом, так что ягненок отлетал в сторону. Тогда принимались кричать оба: мать звала потерянного младенца, а ягненок — мать. Шиянов много раз посылал Митроху восстанавливать там порядок. Когда он находил потерянного, мать принималась облизывать ягненка, радостно бормоча какие-то овечьи слова. Ягненок же порывал скорей юркнуть ей под живот.

Вернулся высокий чабан с пронавшей овцой. Он передал баз молодому «кузетчику» Степану, а сам пошел спать.

Вечер давно перешел в ночь. Овцы в клетках и в дворике тоже стали ложиться. Ягнята прижимались к их теплым бокам и засыпали.

Степан раза три уже приносил новорожденных. Митрохе ужасно хотелось потрогать их рукой. Еще больше ему хотелось посмотреть, как они появляются на свет. Но он не решался попросить об этом Шиянова. Один раз молодой чабан вошел с пустыми руками. Вид у него был встревоженный.

— Данилыч, иди, там вроде нехорошо с одним.

Шиянов ничего не сказал Митрохе, и он тоже пошел с чабанами. Баз был хорошо освещен электричеством; кроме того, у молодого был ручной фонарик. Почти все овцы спали. Чабаны старательно обходили их, чтобы не вслугнуть. Одна лежала на соломе и тяжело кряхтела. Шиянов нагнулся над ней. Митроха сунулся посмотреть и неловко задел чабана.

— Ты чего тут делаешь? — Лицо Шиянова нахмурилось. — Я тебя где оставил? Там матки, может, ягнят подавили, а ты суешься тут не в свое дело!

— Вы же ничего не сказали. Я хотел...

— Марш на место!

Митроха побежал в кошару. Эх, дурак! Зачем он пошел за ними? Теперь его, наверно, выгонят. И правильно: не лезь, куда тебя не просят.

Минут через двадцать Шиянов вернулся с ягненком на руках. Матка бежала сзади. Ягненок был еще мокрый. Ножки у него расплзались в разные стороны. Он весь дрожал и тыкался носом в грязную шерсть матери. Ему

хотелось молока, но он не знал, как его найти. Сунется к вымени, поймет, поймет — и назад. Шиянов пощупал рукой вымя и опять нахмурился, еще сильнее.

— Ну-ка, позови Степку!

Митроха сбегал, привел молодого.

— Эй, друг милый, это вы так с Антоном готовили маток? Все вымя заросло. Шерсть сохла и не дает сосать,

смотри, и вокруг глаз не обстригли. Она же ягненка не видит — как она может привыкнуть к нему?

Степан смущенно молчал. Шиянов велел ему принести вожжицы. Они осторожно выстригли шерсть вокруг вымени. Это была особенно заросшая овца. Митроха считал, что она слепая. Шиянов выстриг ей лоб, и у нее оказались чудесные большие глаза. Поворачиваясь к свету, они сверкали зелено-голубыми огнями.

IV

Молодой ушел. Шиянов все еще хмурился. «Сейчас прогонять будет», подумал Митроха.

— Вот что, парень. У нас работа строгая, аккуратности требует. Худоба ценная. Вот хоть этот ягненок: цыпленок! Чуть отвернулся — и нет его. А он от Восемь тысяч сорокового, и матка у него знаменитая. Кто знает, может, из него выйдет такой, что целого гурта мало. Бывали случаи, по сто тысяч золотом за одного барана платили. Вот ты и загуби такого!

— Дядя Шиянов, я больше не буду, вот с места не сойти! Я же пионер. Мне скоро в комсомол переходить.

— В комсомол? Вот видишь, какое дело. Ты что же, учиться-то кончил?

— Нет, я... — Митроха заппнул. Даже при слабом свете лампочки видно было, как он покраснел. — Меня склЮчили. Два года просидел в одном классе, а на третий... ну, и склЮчили. Баловался очень.

— Так... ну, ничего. Если голова есть, и тут можно в люди выйти, была бы охота. Ты чего побежал-то за нами — надоело тут?

— Ага. Нет, мне...

— Я бы и сам послал тебя. Тут теперь дела немного. Иди, помогай Степке. Да смотри, там-то уж не зевай!

Была глубокая ночь. Если отойти подальше к забору, можно было видеть нарядное небо. На юге дрожала и переливалась большая красная звезда.

Стало очень свежо. Митроха озяб, и его начало клонить ко сну. Он раздирал слипающиеся глаза и твердил сам себе: «Теперь самое главное — не заснуть. Самое главное. Заснешь — и все пропало».

Работа его заключалась в том, чтобы обходить с фонарем баз и слушать, не кряхтела ли какая-нибудь овца. Тогда подстилали солому, и овца начинала котиться. Если все было благополучно, Степан относил ягненка в кошару.

Ножки у ягненка расплзались в разные стороны.

Вначале делать было почти нечего, и Митроха жалел, что овцы как будто раздумали котиться. От безделья особенно клонило ко сну. Потом закричало сразу четыре овцы в разных местах. Степан еле успевал бегать от одной к другой. Когда закричала еще одна, он сказал:

— Сам поди подстели. Что же я, разорваться должен?

«Ага, эта моя будет!» — обрадовался Митроха. — Все сам сделаю». Он принес чистой соломы вдвое больше, чем нужно. Но как подстелить? Митрохе казалось, что у овцы болит каждая шерстинка. Когда он подымал ее, у него от страха и жалости тряслись руки. А что, если он уже повредил ей? Нет, ничего. Лежит, отдувается, как все. Умница, спасибо ей! Может, все сойдет, как надо.

Только вот беда: нельзя над одной «своей» стоять. Нужно ходить по базу и смотреть за другими. Он схватил фонарь и побежал в обход: «Хоть бы они погодили немного!» мысленно просил он. Но овцы не желали годить: в этот обход он нашел еще четыре крихтуны.

— От проклята худоба! — выругался он по-чабански и побежал докладывать Степану.

Степан сам сдрейфил и велел звать Данилыча. Пока Митроха бегал за ним, еще три матки собрались котиться.

Двенадцать штук! Кто знает, может, сейчас закричат еще двенадцать. Может, вся отара вздумает окотиться в один час! Что тогда будет?

С приходом Шиянова все вдруг стало удивительно легко и просто. Этот худенький тихий человек умел не торопиться и все успевать. Он на своем веку принял не одну тысячу ягнят.

Скоро все котные матки тужились на своих подстилках, а людям, собственно, и делать-то было нечего.

Шиянов зевнул и сказал, что он пойдет соснуть. Если что, пусть его разбудят. Вот так он весь окот: день на ногах, а ночью не успел прилечь — зовут.

Митроха с уважением проводил его глазами.

— Вот увидишь, — сказал он кому-то: — целую неделю теперь спать не буду!

V

Давно уже пора было поглядеть «свою» овцу. Митроха побежал к ней и по пути увидел, что окотилась горбоносая матка, черная с седым отливом, каракульская. Ягненок сразу встал на ноги. Митроха осветил его фонарем и застыл в полном восхищении: ягненка будто высекали из черного блестящего камня. Атласная шерсть на нем то переливалась чуть заметными волнами, то завивчалась в

круглый мелкий завиток, то оставляла гладкие сверкающие дорожки. Глаза, уши, нос, вся фигура были тонкие, благородные. У белых ягнят хвост висел кнутиком, у этого он был широкий, полный, с перемычкой внизу, как пышно завязанный хвост у лошади. Отними этот хвост — и, кажется, половина красоты исчезнет.

Наверно, долго бы еще любовался Митроха на каракульского ягненка, если бы его не окликнул Степан:

— Митроха, Митроха! Поди-ка сюда. Придется, видно, опять звать Данилыча. Шут ее знает: окотилась давно, а не встает.

Возле овцы уже стоял ягненок, а она все еще тяжело отдувалась, как будто и не думала котиться.

— Позвать?

— Да не знаю. Жалко его. Нет, погоди. Ты постой около нее, а я пойду — вон там еще одна рассыпалась.

— Как постой? Мне нельзя, у меня там... — Митроха чуть не сказал «своя». — Надо же обходить других.

— Ничего, я сейчас.

Степан ушел. Не прошло и минуты, как он закричал на весь баз:

— Митроха, Митроха! Беги скорей за Данилычем. Скажи, сдохлый родился.

Шиянов лежал на сене недалеко от входа. Он или не спал, или спал так чутко, что все слышал. Как только Митроха вошел, он сейчас же спросил:

— Что такое? Какой сдохлый, что вы там городите?

Последние слова он договорил уже на ходу.

Матка уже встала. Она нежно облизывала ягненка, обдавала его горячим шумным дыханием, а он лежал без движения. Ножки его были подогнуты под себя, голова безжизненно откинута назад. Шиянов осторожно пощупал его. Разжал пальцами рот. Взялся за передние копытца, вытянул их вперед, к голове, потом согнул и приложил к груди. Еще раз вытянул и прижал, еще и еще.

— А ну, Митроша, хлопни его тихонько ладонями с боков. Так. Теперь надави немножко. Так, еще раз. Теперь опять хлопни.

И вдруг случилось чудо: мертвый ягненок хватил ртом глоток воздуха. Вздрогнул и снова хватил. Глазки у него открылись, ноздри стали раздуваться. Он ожил и сейчас же начал топорщиться, вставать. Митроха чуть не завизжал от радости. Он даже про «свою» овцу забыл. Сейчас ему казалось, что могущественнее и прекраснее Шиянова на свете нет никого. «Две недели спать не буду, вот честное слово!» решил он бесповоротно.

Митроха выбрал наконец время, чтобы сбегать к «своей» овце. Когда он прибежал, недалеко от нее стоял хорошенький шустрый ягненок. Мать смотрела на него подозрительно и с опаской, как на редкого зверя. Ягненок с плачем хотел подойти — она угрожающе затопала ногами, зафыркала, потом в ужасе отпрыгнула в сторону. И так несколько раз. Может, это не ее ягненок? Может, она раздумала? Нет, по всему видно, уже окотилась. Почему же она не подпускает его?

От страшной догадки у Митрохи онемели ноги: что, если, пока он бегал, ее ягненок потерялся, а к ней подошел чужой? Он хотел крикнуть Степана и не смог: ну как ему скажешь такую вещь?

Ягненок еще раз сделал попытку подойти к матери — она так шарахнулась, что других переполошила. Штук пять овец повскакало на ноги. Они с интересом смотрели на маленького. Это были старые овцы. Они еще не котились в этом году, но им хотелось поскорее кормить и лизать маленького. Кто знает, может быть, это уже их ягненок? Одна подошла и лизнула его. Ничего, понравилось. Другой стало завидно, и она тоже облизала. Тогда подошли две сразу и начали облизывать, как нанятые. Мать увидала: зверь не страшен, и тоже подошла. Но как раз ей не понравилось: чужой запах оттолкнул ее.

Митроха совсем потерялся. Промучившись еще минут десять, он побежал к Степану и все рассказал. Тот не очень рассердился, но все-таки нахмурил брови и, подражая Шиянову, сказал:

— Друг милый, как же ты глядел? Вот так вот и получают «казачки» — стало быть, ничьи ягнята. Затеряется в отаре, оближут его чужие матки — и готов сирота. Мать-то не ушла еще от него? Ты ее узнаешь?

— Да вон она, ее сразу видно! Вот иди-ка сюда.

— А, эта? Она первый раз котится. Ничего, мы ее с ним в клетку поставим. Привыкнет!

После семнадцати штук был перерыв. Потом окотилось еще двадцать две. Потом снова наступил перерыв. Митроха очень устал, но был доволен. Теперь он окончательно решил, что дядя и мать молодцы: чабановать в сто раз интереснее, чем весь день сидеть и ездить взад-вперед на комбайне или тракторе. Тут ты сразу и доктор, и хозяин, и часовый, и агроном. Вон как Шиянов — много таких комбайнеров найдется?

Он глянул через забор и с удивлением увидел, что небо

посветлело, а звезды пропали. Неужели уже рассвет? Вот здорово! И главное, спать нисколько не хочется. Ленька бы тут давно свалился. Шиянов, наверное, расскажет Кузьме Петровичу, как работал Митроха. «Всю ночь, — скажет, — как на пружинах. Молодец, таких нам и надо!»

В углу лежала куча соломы. Митроха присел отдохнуть и весь утонул в ней. «Эх, хорошо! — подумал он. — Теперь уж недолго осталось. Честное слово, можно целую неделю продержаться без сна».

Только он так подумал — сон подкрался и моментально придавил его. Как раз в это время он понадобился. Степан искал его по всему базу, кричал изо всех сил — он ничего не слышал.

САКМАЛЫ И ЯСЛИ

I

Проснулся он часов в девять. Горячее солнце заливало весь баз. Отары уже не было. Митроха сначала не мог сообразить, где это он находится. Потом вспомнил все и в ужасе вскочил на ноги. Что теперь будет?

Дверь в кошару была закрыта. Недалеко от нее стояла овца. Рядом, сидя на корточках, возился над чем-то Шиянов.

Когда он встал и отошел немного, Митроха увидел подстилку из мягкого сена и на ней слабенького сморщенного ягненка: ягненок весь дрожал, стариковский взгляд его был устремлен в землю. Солнце согревало его; он перестал дрожать. Овца, как будто понимая, зачем ее маленького вынесли, зашла с другой стороны, чтобы не закрывать солнце, и принялась облизывать больного младенца. В этот момент Шиянов обернулся и увидел Митроху.

— А, проснулся! Ну как, хорошо спать с овцами?

— Я нечаянно. Дядя Шиянов, простите меня, я больше...

— Что такое, за что простить? Это, брат, пустяки, со всеми бывает. Я первый раз в поле уснул, днем. Чабаны вздумали подшутить надо мной и всего раздели. Проснулся голый. Вот потеха была!

Митроха спросил, что ему делать. Оказывается, он свое отдежурил и до вечера был свободен. Но он не хотел быть свободным. Наоборот, сейчас ему хотелось взять какую-нибудь особенно трудную работу, чтобы доказать Шиянову, что он может не только спать.

— Да у нас особо трудной-то нет. В нашей работе надо терпение и заботу, главное заботу. Вот разве... будешь сакмал пасти?

Митроха сказал «буду», хотя он еще не знал, что такое сакмал.

— Постой, да ты же голодный! Ступай к нам — вон белый дом, направо первая дверь. Скажи бабушке, я, мол, завтракать пришел.

В белом доме, первая дверь направо, оказались две большие комнаты, чистые дорожки на полу, цветы в горшках, шкаф с большим зеркалом, фотографии на стене, книги на полках. Там была толстая снизу, похожая на грушу бабушка, молодой парень, жена Шиянова, девочка и ребенок в люльке. Большие сидели за столом. Они все оглянулись на дверь.

Митроха стоял весь красный. У него не поворачивался язык сказать: «Я к вам завтракать...»

— Ты что? — спросила жена Шиянова (кажется, он вчера называл ее Наташей).

— Я... этот... сакмал пасти.

— А, значит вместе будем. Сейчас я... Садись с нами, позавтракай.

— Я не хочу.

Митроха сказал это и проглотил слону: на столе стояла полная чашка его любимых вареников в сметане.

— Садись! В гостях нехорошо со своей волей.

Пока тетя Наташа собиралась, бабушка подкладывала ему вареников и разговаривала с ним, как с большим. Говорила она по-казачьи: «тоди», «ще», «було». У нее по разным станицам жило шесть дочерей и пять сыновей. Но больше всего она гордилась Сашко (Шияновым). Он родился в поле, во время работы.

— Нынче други́ кажут — плохо жить. А тоди, в старое время, було: рожу, ще болыть усе, а я у поле — вязать. Дытё у канаве де-нибудь надрывается. Станут люди, дам ему пососать — и дальше. По пять дней не купала. Раз до того дошло — зарос весь. В борозде после дождя вода собралась. Солнышко пригрело ее — я в той воде выкупала его, тай добре... — Лицо бабушки сморщилось, из глаз полились крупные слезы. — А нынче берегут людей. Нынче скотину, и ту кохают, як тех наследников царских.

Она было принялась дальше рассказывать: как Сашко семи лет нанялся пасти овец — за полтора рубля все лето! — как он нечаянно сжег в поле коншу сена и помещик хотел его посадить в тюрьму, но парень недовольно перебил ее:

— Бабушка, зачем вы? Ну, какой ему интерес слушать про старое? Ты вот что, Митроха. Пионерский отряд у нас есть только здесь, на центральной ферме, при школе. А ты

будешь в степи все время. Подавай заявление, мы тебя до срока в комсомол переведем.

Митроха смотрел на них на всех и удивлялся: что это за люди? Ведь он им чужой. Особой пользы им от него ждать нельзя. Почему же они так стараются, чтобы ему, было как можно лучше?

II

Тетя Наташа покормила маленького и отдала его бабушке. Митроха пошел с ней обратно в кошару.

У входа стоял небольшой ящик с какими-то белыми прутиками, запачканными кровью. В общем дворике они увидели Шиянова с ножом в зубах. Вид у него был страшный. Он зажал в коленях беленького ягненка, взял в руки его хвост, оттянул кожуцу вверх, к корню. Чик! — и хвост упал на солому. Ягненок выскользнул. Он болезненно задергал обрубком, закричал и побежал вприпрыжку по дворику.

Так, значит, у них от природы есть хвосты, только их обрезают! Митрохе было жалко ягненка. Когда Шиянов подобрал еще штук пять мохнатых прутиков и велел отнести их в ящик, он спросил:

— Дядя Шиянов, зачем вы отрезаете? Пускай бы с хвостами.

— А для чего? Пользы от них нет. Только репы собирать, грязь. Да корм на него лишний пойдет.

Через калитку и проход старший сакмал — двадцать ягнят с матками — выпустили на волю. Там около база лежало четыре больших белых камня. Они были гладко отшлифованы и насквозь светились. Внутри у них были красивые узоры. Овцы первым делом кинулись не на траву, а на один из этих камней. Они жадно лизали его, старались оттеснить друг дружку, чуть не раздавили одного ягненка. Это был «лизунец», простая каменная соль. Овцам так же надо солить еду, как и человеку, но из-за того, что нельзя посолить всю степь, им дают соль отдельно.

Шиянов распределил овец поровну на все четыре камня. Когда они нализались вдоволь, он сказал тете Наташе:

— Держись поближе к кошаре. Подует ветер или чуть соберется дождь — скорей гоните назад. Ты объясни Митрохе, что надо. Попасете часок, тогда оставь его со старшими, а сама приходи, погонишь второй сакмал. Маленькие останутся: им еще рано.

Зеленая травка начиналась у самого база. Овцы сразу принялись щипать ее.

Ягнята не ели, а только мешали им. Они уже хорошо

знали матерей и все-таки постоянно терялись, поднимали крик. Овцы переставали есть и кидались разыскивать. Иногда они не могли найти друг друга, и ягнят приходилось подтаскивать. Принесешь — опять волнение: от радости. Мать облизывает, ягненок лезет ей под ноги, дергает, подкидывает всю.

Тетя Наташа позвала Митроху, чтобы рассказать ему насчет пастьбы.

Только присели на бугорке, вдруг она вскочила с испуганным лицом.

— Беги, беги скорей! Вон, видишь, один лег на землю! Подыми его, а то простудится, земля еще холодная.

Митроха сбегал, поднял. Только присел обратно — новая тревога:

— Ой, к сусликовой норе подходит! Отгони, Митроха! Ягненок был далеко. Пока Митроха добежал, он уже подошел к норке. Вокруг нее лежала мягкая крупчатая земля. Ягненок набрал в рот земляных горошинок и с удовольствием начал жевать. Митроха закричал на него — не слушает. Ударить такого маленького нельзя. Отодвинул ногой — он опять лезет. Пришлось взять на руки и отнести подальше.

— Они ее досмерти любят. И что в ней за сладость, сама не знаю. А наглотаются — у них от этого понос.

Митроха опустился рядом с тетей Наташей. Она долго молчала — видно, собиралась с мыслями. Наконец открыла рот и неожиданно закричала:

— Пырт! Пырт! Брось, паршивец! Смотри, шерсть у матери сосет. По губам его, по губам! Да сильно-то не бей, так только, чтобы отучить.

Митроха стоял возле овцы и не давал ягненку сосать шерсть.

Это было недалеко от тети Наташи, и она с места говорила ему:

— Они пососут, пососут, потом есть начнут. Наедятся, шерсть у них в животе скатается комом и заткнет кишку, будто пробка. Тогда его хоть режь, хоть так оставь помирать.

Три овцы отбились и пошли в сторону, к проезжей дороге. В это время как раз показалась грузовая машина. Тетя Наташа побежала заворачивать овец. Когда машина проехала, они решили, от греха, подальше отогнать весь сакмал. Отогнали, а там сусликовых нор полно. Вдобавок все ягнята и овцы перепутались, надо было подбирать их по номерам. Наконец восстановили порядок. Митроха вспомнил:

— Тетя Наташа, вы же хотели рассказать мне, как пасти сакмал!

— Ну что я тебе буду рассказывать? Сам видишь: надо смотреть да смотреть за ними.

III

На дороге показалась тачанка с Юлией Ивановной и зоотехником. Сзади, на белой лошадке, — дед Черногуб. Тачанка свернула к кошаре, а дед подскакал прямо к сакмалу. Он осторожно объехал ягнят и еще издали закричал:

— Здоровеньки булы! Наташа, заворачивай сакмал до кошары. Юлия Ивановна новый декрет объявила: будем «детские ясли» открывать. Сакмалы, говорит, отжили свой век.

— Как так?

— Не знаю, брат. Шестидесять годов пас в сакмалах, а от них теперь, видишь, самый вред. Ну, пускай! Им по науке видней. Я что же, мужик сиволапый. Какое у меня образование?

Он был не в духе. Новое распоряжение ему, видно, очень не нравилось. Но даже всердцах он не оставлял своей привычки шутить. Увидев Митроху, он снял шапку и низко поклонился.

— А, молодой человек! Здравия желаем. Слыхали, слышали про вас: на мое место целитесь?

— Кто вам сказал?

— Все говорят, весь совхоз. Ну, что же, в час добрый.

Он повернул лошадь к кошаре, чуть тронул поводья, и она снова побежала рысью. Сегодня у него даже спина как будто горбилась. И во всем виновата эта московская барыня без шапки!

— Что ее носит тут? — спросил Митроха. — Разве она понимает что-нибудь в чабанском деле?

— Кто, Юлия Ивановна-то? — Тетя Наташа засмеялась. — Да тут ни один человек не знает, как она. Хоть директор, хоть Кузьма Петрович, они во всем ее слушают. А зоотехник так и глядит ей в рот. Приведи ей любую овцу, она только глянет и сейчас выложит тебе, как по книжке: цена ей вот какая, шерсть у нее вот какая, на вес она может потянуть столько-то. Даже какая у ней под шерстью холка, грудь — все насквозь увидит. Она ученица Иванова, — говорят, на весь свет ученый был. Потом она шесть лет работала в Аскании Новой.

— А что это?

— Не знаю, как и сказать тебе. Вроде мастерской или

школы такой. Там следы на практике учатся, как выводить самую лучшую скотину. Выведут баранов мировых, чтобы двадцать кил шерсти давали, — сейчас детей от них передают в совхозы, на племя. У нас половина отар — внуки и правнуки Восемь тысяч сорокового либо Двенадцать семьдесят девятого. Это вот как раз асканийские бараны, они на весь СССР известны. А уж от нас потом самых отборных передают в колхозы, чтобы и там стадо лучше делалось. Так и идет кругом.

Когда пригнали сакмал в кошару, там шел горячий спор насчет «детских яслей». Юлия Ивановна вся раскраснелась. Тихий Шиянов сердито доказывал ей, что этого сроду не было и быть не может. Как это ягнят весь день в помещении держать? Сама же наука говорит, им нужен воздух и движение. Да матки без них и пастись не будут, они моментально разбегутся. Зоотехник поддерживал Юлию Ивановну. Дед Черногоуб изредка вставлял несколько ядовитых слов: может, ягнят с ложечки кормить? А как они спать будут — по звонку или сами? Юлия Ивановна упорно гнула свое.

— Кузьма Петрович, вы не смейтесь. Сами потом спасибо скажете. Вы забыли, сколько у нас болеет и гибнет ягнят как раз в первые три недели? Ручаюсь вам, что трудно будет только в первый день, пока привыкнут.

В конце концов сделали все по ее: вместо одного двора из щитов соорудили три. В первый поместили ягнят возрастом до двух дней, во второй — до пяти и в третий — самых старших. Из каждого двора вела в проход калитка. Самый проход сузили так, что пройти могло сразу не больше двух овец.

Всех маток стали выгонять наружу. Ягнята подняли крик. Овцы не шли — каждую приходилось вытаскивать почти на руках. На воле случилось то, что предсказывал Шиянов: овец нельзя было удерживать вместе, они кидались в разные стороны. Как только им удавалось прорваться сквозь цепь людей, они бежали назад и толкались лбом в закрытые двери кошары.

Юлия Ивановна с прутиком в руках сама кидалась заворачивать овец. Бегала она плохо. Чтобы не упустить овцу, она крепко держала ее руками и подталкивала сзади коленками. Дед Черногоуб стоял в стороне и посмеивался:

— Ну как, Юлия Ивановна? Может, раздумали?

— Перестаньте болтать глупости! Вы лучше помогите вот отогнать. Главное, чтобы они не слышали ягнячьего писка.

Все сбились с ног. Даже деду Черногоубу пришлось по-

бегать, как мальчишке. Глупые овцы на этот раз оказались необычайно хитрыми. Отгонись, она нагнется, делает вид, что щиплет траву, а сама косит глазом на людей и незаметно забирает в сторону. Чуть отвернулся — она бежать.

Наконец крика ягнят из кошары не стало слышно. Овцы начали понемногу успокаиваться. Правда, они часто поднимали головы и напряженно прислушивались. Но если уж принимались за еду, то ели по-настоящему, жадно и торопливо. Их никто не тормозил и не дергал, ни одной минуты у них не пропадало зря.

Юлия Ивановна, зоотехник и дед ушли первые: их помощь больше была не нужна. Потом ушел и Шиянов. Матки так смиренно вели себя, что через полчаса даже тетя Наташа вспомнила про дом и убежала «на минутку». Минутка эта затянулась часа на два.

Митроха остался один. Он слушал, как овцы влад отрывают траву губами, и на досуге старался понять две вещи, которые дожимали его. Во-первых, Шиянов оказывался как будто вовсе уж не таким мудрецом. Над ним стояли дед Черногоуб, зоотехник и выше всех Юлия Ивановна. Они указывали ему, как надо работать. Пожалуй, и насчет хвостов он не сам придумал. Во-вторых... Ну ладно, пускай они ученые там, пускай все делают, как лучше. Но разве же эти овцы самые лучшие? Глаза зарастают почти до слепоты, чуть что — хворают. Ни окотиться, ни жить без человека не могут. Зачем разводить таких? Сдохнет, вот тебе и вся польза от нее.

Пришла тетя Наташа. Овцы опять начали беспокоиться, бегать. Удерживать их вместе становилось все труднее. Хорошо, что как раз в это время Шиянов вышел из кошары и сделал рукой знак возвращаться. Обрато овцы пошли охотнее, но обычного волнения и торопливости не проявляли. В кошаре тоже не слышалось больше отчаянных криков. Только когда уже осталось шагов двести, ягням словно телеграмму кто послал: они закричали все разом. Овцы заорали им в ответ и бросились бежать.

Юлия Ивановна либо совсем не уезжала, либо прнехала посмотреть первую кормежку. Она стояла с дедом и Шияновым у калиток. Овцы двигались по узкому проходу. На левом боку у них были номера. Заметив подходящий номер, люди открывали калитку. Овца с криком забегала в свой дворик. К ней сейчас же кидался ягненок и начинал яростно долбить ее носом из-под низу.

Через пять минут водворилась полная тишина. Все ягнята сосали.

— Кузьма Петрович, ну как, правильно я говорила?

— Може, и правильно. Как говорится: цыплят по осени считают.

— И считать нечего. Сама видите, что правильно. Это еще в первый раз. А вот погодите, они привыкнут, тогда с ними один человек может управиться. И матки будут спокойнее и ягнята здоровее. Завтра сделайте распоряжение, чтобы на второй ферме попробовали эту систему. Пасти три раза в день по три часа, по часу на кормежку.

— Слушаюсь, Юлия Ивановна!

Все оказалось в точности так, как она говорила. Уже к концу второго дня овцы спокойно уходили из кошары и спокойно возвращались в нее. Каждая отлично знала свой дворик, а если не знала, то ей напоминал ягненок за шитом. Овцы сами лбом открывали свои калитки. Пока матери паслись, ягнята спокойно играли, прыгали друг на дружку, бегали по дворику или засыпали, улегшись один на другого, иногда в три этажа. Но вот проходило три часа, и они все поднимали страшный крик. Немного погодя им в ответ раздавался такой же крик за стенами кошары.

Митроха окончательно уверовал в Юлию Ивановну. Поэтому, хотя он и привык к Шияновым, ему все-таки стало очень весело, когда прискакал дед Черногуб и сказал:

— Молодой человек, с завтрашнего утра вы поступаете до бонитера Юлии Ивановны, в полное распоряжение. Велит она тебе голову снять с себя — сымай, в огонь прыгать — прыгай. Иначе под суд тебя и на расстрел.

БОНИТРОВКА

I

Рано утром Митроха шел к Юлии Ивановне. Весь совхоз еще спал. Только у конюшни запрягали в тачанку лошадей да где-то стучал трактор. Навстречу попадались топорливо бегущие женщины с корзинками.

«А вдруг я поработаю с ней и сам сделаюсь ученым!» Митроха даже остановился. Ему представилось, как он на «М-1» приезжает в свое село. Его встречают мать, Ленка, все товарищи, огромная толпа народа. В толпе шепчут: «Это ж ученик Юлии Ивановны, которая шесть лет в Аскании Новой работала! Он всякую овцу насквозь видит». Мать слышит и горделиво улыбается.

Лицо самого Митрохи тоже невольно растеклось в счастливую улыбку. Он бросился вперед и налетел на встречную женщину. Они здорово стукнулись. Женщина рассвирепела:

— У, раззява! Закрой рот, оглобля въедет!

Митроха насупил брови и побежал дальше. Он взлетел на крыльцо, распахнул дверь в коридор, с разбегу забарабанил в другую — и тогда только сообразил: может, она еще спит? Нет, за дверью шаги. Щелкнул ключ, высунулась Юлия Ивановна в белой кофте, немного растрепанная, с двумя чашками в руках. Митроха вытянулся.

— Юлия Ивановна! Меня Кузьма Петрович... до вас...

— Знаю, знаю. Здравствуй, Митроша! На вот тебе деньги, сбегай на рынок и купи творогу и сметаны. Если унесешь, купи еще вареных яиц штук шесть. Да хлеба еще!

Когда Митроха явился с хлебом подмышкой, с яйцами в карманах и с полными чашками в руках, Юлия Ивановна уже была одета. На ней была мужская защитная гимнастерка, серая юбка и грубые сапоги. Она намешала творогу со сметаной, посыпала сахаром.

— Садись, Митроша, давай завтракать... Ну, завтракал — так еще раз, за компанию.

После завтрака она надела на себя широкий прорезиненный плащ-халат, который завязывался сзади тесемками, и на голову гладкий кожаный плем. Захватила с собой яйца, хлеб, в карманы сунула какую-то линейку, нож, два карандаша и сверточек. А Митрохе дала большую книгу.

— Поехали, Митроша!

К крыльцу уже подали пароконную тачанку с сеном. На ней сидел какой-то человек с калмыцким лицом. Рядом стоял заведующий конюшней. Он сказал, что кучером поедет Митроха. Лошади на весь день доверяются ему. Пусть, когда надо, напоит и накормит их, а вечером сдаст в конюшню. Дорогу Юлия Ивановна знает.

Доверие польстило Митрохе, а звание кучера немного разочаровало: он ожидал для себя какой-то другой работы, более важной. Ну, ничего. Зато лошади какие! Рыжий и Карька. Оба высокие, стройные, сытые. Таких не всякому тоже доверят на целый день.

Поехали мимо садика, мимо стеклянных парников и овечьего лазарета, мимо длинного ряда белых домиков. Потом выехали в степь. Взошло солнце. Было свежо, но не холодно. Лошади сами бежали по мягкой пружинистой дороге. Митроха сидел впереди по-ямщицки, боком. Так ему было слышно все, что говорят сзади Юлия Ивановна и тот «калмык».

В их разговоре было много непонятных слов и выражений: «крипторхи», «маркиртные», «пузо, как барабан, — ягнята под ним пещком ходят». Но главное до Митрохи

дошло. Фамилия «калмыка» Юшкин. Он и Юлия Ивановна когда-то вместе учились, и теперь он такой же руководитель стада, как она, только в другом совхозе. Еще разница в том, что Юлия Ивановна пришла в свой совхоз давно. Она много работала, беспощадно выбраковывала «всякое барахло», оставляла на племя лучших из лучших. И теперь у нее стадо ровное, породистое. А Юшкину дали новый совхоз, и ему надо начинать все сначала. Стадо у него «с бору по сосенке», много простых, грубошерстных овец неизвестного происхождения и вот этих самых уродов — маркирных и голопузых.

Об овцах они говорили, как некоторые мальчишки о голубях. Юлия Ивановна гордилась своим стадом, Юшкин ей завидовал. Когда она рассказывала о каком-то молодом баранчике, который в один год дал двенадцать кило тончайшей шерсти, лицо ее все сияло, а голос стал нежный и тихий, как будто этот баранчик спал где-то рядом и она боялась разбудить его. Юшкин сейчас же пристал:

— Юля, дай мне этого! Ну что тебе, жалко?

Он, оказывается, приехал как раз для того, чтобы отобрать десять баранчиков-улучшателей для своего стада.

— Чудак, как же я тебе отдам его, когда он у меня в первой элите, кандидат на сельскохозяйственную выставку? Из первой элиты тебе никто не даст.

— А из второй?

— Из второй? — Видно было, что ей и этого жалко, но она пересилила себя. — Ладно, из второй дам. Только тебе, Володя.

II

Свернули с дороги в степь. По чуть заметному следу приехали к высокому сараю под железной крышей. Митроха привязал лошадей. Он еще издали заметил по обе стороны сарая два больших база из щитов. В них ходили чудовищные серые свиньи величиной с корову. Митрохе очень хотелось скорей побежать посмотреть на них, но оба специалиста делали вид, что ничего не замечают.

— Вот это зимняя кошара, — сказала Юлия Ивановна.

Сарай был высокий, с деревянным полом, с большими створчатыми окнами вверху, с отдельными станками для каждого животного. Юшкин жадно осматривал все, ахал и опять завидовал: у них в совхозе пока еще ничего подобного не было. Выйдя из сарая, Юлия Ивановна дрогнувшим от волнения голосом объявила:

— А вот это моя выставочная группа. Бараны. Хочешь посмотреть?

— Еще бы! Конечно, хочу.

Митроха остолбенел: громадные свиньи оказались на самом деле баранами. Темносерыми они казались потому, что на них надеты были брезентовые попоны от дождя и грязи. Баз был сотни на три обыкновенных овец, а этих помещалось в нем всего штук семьдесят. Одни из них были коренастые, плотные, на коротких ногах, с пышно-волнистой оборкой на груди, с круто завитыми толстыми рогами, до ноздрей обросшие шерстью, в широких штанах. Глаза у них или совсем были закрыты, или проглядывали маленькими свирепыми огоньками. Держали они себя осанисто, по-королевски, и назывались «мериносы рамбулье».

Другие были крупнее, но нескладнее: совсем безрогие, туловище круглое, как бочка ведер на десять, ноги тонкие и голые выше колен, морда чем-то похожа на верблюжью, тоже голая, кроме лба. Глаза добрые, узкими треугольниками. Из носу у всех течет — вообще видно, что большие рохли. Эти назывались «прекосы».

Высокий чабан с смешной фамилией Черномидиметрий (звали его Иван) поймал одного прекося, с трудом подтащил к Юлии Ивановне, снял попоны. Шерсть под ней оказалась гладкой, как устоявшаяся мыльная вода. Тонкие трещины делали ее похожей на мрамор. Это был баран-рекордист. Он весил сто сорок восемь кило.

В прошлом году с него настригли пятнадцать кило шерсти за один раз.

— Ах, какая прелесть! Красавец! — с умлением сказал Юшкин, глядя на этого «верблюда».

Он положил на спину обе ладони, тихо надавил. Шерсть размялась, образовала щель. Митроха заглянул и по-детски вскрикнул: «Ой-ой-ой!» Шерсть внутри была нежнейшего желто-кремового цвета, как разломленный торт. Хотелось попробовать ее на язык. На дне проглядывала узкая розовая полоска. Стенки щели, высотой с хорошую ладонь, бы-

Держал он себя осанисто.

ли не гладкие, а мелковолнистые, как лепесток розы. Только внимательно приглядевшись, можно было увидеть, что они состоят из отдельных тоненьких-тоненьких волосинок.

Щель закрылась. Перед Митрохой опять стоял грязносерый верблюд с глупой и доброй мордой. Юшкин ходил вокруг него, чмокал губами, становился на колени, залезал под брюхо и восторженно кричал:

— Ах, красота! Брюхо какое роскошное — все заросло, как спина. Юля, у тебя много его детей? Дай мне парочку!

Потом Юшкин фотографировал самых лучших маленьким аппаратиком. А Юлия Ивановна нарочно сама держала баранов: ей хотелось, чтобы все знали, что это она вывела таких замечательных животных.

Снимались бараны неохотно: они отворачивались и убежали. Два раза спшибли Юлию Ивановну с ног. А так вообще они были ручные. Сами подходят, трутся мордой, обнюхивают.

Митроха долго чесал одного возле носа и за ухом, потом бросил и отошел. Баран за ним. Митроха бежать — и баран бежать. Наконец как будто отстал. Митроха занялся другим. А тот в это время подкрался и как подденет его под зад! Митроха птицей взлетел над вторым бараном и шлепнулся за ним. Спасибо, там была соломенная подстилка и рядом что-то мягкое. Это был тоже громадный баран. Митроха задел его при падении — он встрепенулся, хотел вскочить на ноги и не смог: ноги не слушались его. Они дрожали и расплзались в разные стороны, как у маленького. Юлия Ивановна бросила сниматься. Митроха подумал, что она перепугалась за него, и хотел ее успокоить. Но она даже не взглянула на него. Нагнувшись к барану, она стала гладить его по сопатому носу и нежно приговаривала:

— Попочка, старичок мой бедный, ударили тебя?

— Что, заболел? — спросил Юшкин.

— Да нет, просто старый, восемь лет уже. Это Попка. Был наша краса и гордость. У него, наверно, целая отара детей, и все один другого лучше. А теперь вот ноги отнялись. На мясо такого жалко отдавать, пускай доживает.

Она заботливо расспросила Черномитрия, как Попку кормят, хорошо ли ухаживают, как часто меняют подстилку. Со стороны можно было подумать, что она говорит об уважаемом человеке, заслуженном герое труда.

III

После выставочной группы поехали смотреть элиту вторую. Тут Юлия Ивановна чуть вдребезги не разругалась с Юшкиным. У него на руках было распоряжение Наркомзема, и она обязана была отобрать ему десять лучших баранчиков. Кроме того, по старой дружбе, она сама доброй обещаала помочь ему выбрать действительно лучших. Но когда дело дошло до отбора, она под всякими предлогами увиливала от помощи. Мало того: как только Юшкин выбирал себе подходящего баранчика, она вспыхивала и со страданием на лице говорила:

— Нет, Володя, этого я не могу! Я как раз собиралась переводить его в первую элиту.

Юшкин, сердито нахмурившись, долго выбирал другого. Он тщательно вымеривал в разных местах шерсть, осматривал брюхо, щупал грудь. А Юлия Ивановна в последний момент опять:

— Нет, этого я ни за что не отдам. Он правнук Восемь тысяч сорокового, а мать у него от Двенадцать семьдесят девятого. Мне кажется, он будет лучше своих прародителей.

Юшкин наконец не выдержал и вспылил. Он собрался пешком уходить в совхоз. Юлия Ивановна то краснела, то бледнела. Лицо ее покрылось пятнами.

— Володечка, милый, ты, пожалуйста, не сердись на меня! Я на них много крови потратила. Не знаю, может быть я дура набитая, но мне отдавать их самой — все равно что отрубать пальцы у себя на руках. Давай лучше так сделаем: я уйду подальше, а ты без меня выбери, каких хочешь. Выберите с чабаном и составьте акт, а я подпишу.

Она в самом деле ушла далеко в степь. Без нее дело пошло быстро. Десять баранчиков были отобраны и помечены буквой «О». Юлия Ивановна подписала акт, нарочно не глядя. Но в последний момент она обратила внимание на одного отобранного баранчика и вдруг обиделась:

— Володька, ты кого выбрал? Да ему и в элите-то не место. Неужели уж в такой отаре нельзя было найти по лучше? И второй такой же. Эх, Володька, Володька! Дайка я тебе сама выберу.

Через десять минут перед Юшкиным стояли десять новых баранчиков, гораздо лучше первых. А он взволнованно хлопал глазами и не знал, как благодарить Юлию Ивановну.

— Ну, спасибо! Ну я не знаю... прямо... спасибо тебе, Юля! Ведь не для меня же, все равно для нашего же государства.

Вдали проезжал случайный грузовик. Юшкин попросил остановить его.

— Знаешь, Юля, я еще, может быть, на станцию поспею сегодня, к поезду. Всего хорошего, побегу. Спасибо тебе, Юля. Через пять дней я пришло за баранчиками.

IV

Опять лошади бежали без дороги, по едва намеченному следу. Направо тянулось бесконечное поле люцерны, налево — беловатая солонцовая степь. Отару в ней увидели, только когда до нее осталось шагов триста. Подъехали. Косматый пес с хриплым лаем кинулся под колеса. Давно не бритый чабан с вывернутой ступней подковылял и таким же хриплым басом рывкнул:

— Здравия желаем!

— Ты почему не оставил отару на базу? Тебе разве не сообщил зоотехник, что сегодня будем бонитировать? Поворачивай назад.

— Не буду я заворачивать! Шо вы, смеетесь чи шо? За пять километров худобу вертать. Дитячи игрушки играют. Один приказуе, другой отказуе.

— Ну-ну, не горячись. Тут, во-первых, не пять, а одного не будет. Придет зоотехник, там разберемся, кто прав.

Чабан отковылял немного и сердито крикнул своему помощнику заворачивать отару, а тачанка покатила к базу. Там ее встретили три собаки, одинаково злые и хрипачье: Кобзарь, Молодой и Трубка. Юлию Ивановну они узнали, а Митроха из-за них никак не мог выпрячь лошадей и дать им сена. Чуть пошевелинется, они бросаются со всех сторон и рычат так, что все нутро переворачивается.

Откуда-то выбежала остроглазая девочка лет шестнадцати. Она уняла собак и радостно поздоровалась с Юлией Ивановной. Юлия Ивановна тоже обрадовалась ей.

— Здравствуй, Шурочка! Ну, как поживаешь? Не надоело еще?

— Нет. Дядя Сентюра добрый. Он только с виду рычит. И еда хорошая. Мы тут книжки читаем, до выборов готовимся. Вчера я ходила на ферму — там комсомольское собрание было. После собрания кино и танцы. Я фокстрот выучилась.

Около база — красный вагон на колесах; в нем кровати, сундуки, глыбы соли, мешки с зерном, бутылка с керосином и наверху полочка с книгами. Перед вагоном в ямке горит костер, над ним прокопченная тренога с подвешенным на проволоке котлом. На другой стороне — бочка с водой, питьевые колоды и решетки для зерна. А кругом степь

и ни одной живой души. Ох, наверное, скучно тут, особенно когда подует ветер или на весь день зарядит дождь!

Митроха было приуныл, но вспомнил насмешливые глаза деда Черногуба и упрямо сказал сам себе: «Ничего, брат! Еще посмотрим, кто сладкой каши запросит!»

Они с Шурой натаскали щитов и кольев. Юлия Ивановна потуже завязала рукава халата, взяла в руки топор. К воротам база пристроили длинный раскол — воронкообразный проход. Один конец его был шириной как раз с ворота, другой суживался настолько, чтобы могла пройти только одна овца. У одного конца, при выходе, Митроха вырыл две ямы с обеих сторон. Ямы были четырехугольные и продолговатые, повыше колен. У правой ямы поставили табуретку, на нее положили книги, карандаши и нож для очинки.

Приехал молодой зоотехник с тремя рабочими. Юлия Ивановна набросилась на него не хуже Сентюры:

— Николай Васильич, вы что же это? Являетесь к обеду, с вечера никого не предупредили! Хорошо, что отара недалеко ушла.

— Простите, Юлия Ивановна. Даю вам честное слово: не мог лошадей допроситься.

— Ну как вам не стыдно: разве можно быть такой шляпой? Какой же у вас будет авторитет среди чабанов, когда вы простой вещи не можете сами сделать?

Подошла отара. Ее загнали с другой стороны в баз. Сентюра больше не ворчал. Он подошел с улыбкой и собрался о чем-то благодушно побеседовать с Юлией Ивановной, но она перебила его:

— Давайте, давайте, Сентюра! Некогда. Видите, время — обед уже! После поговорим.

V

Двое рабочих залезли в правую яму, один стал у конца раскола, Митроха — посредине. Зоотехник уселся на табурет с книгой и карандашом в руках. Сентюра приготовил блестящие щипцы и бутылку с белым раствором. Сама Юлия Ивановна встала в левую яму. Второй чабан с Шурой начали загонять овец в раскол. Овцы пугались узкого прохода, пятились назад. Тогда пустили вперед козла. Он прошел и у выхода раскланялся на обе стороны. За ним потянулись овцы. На середине раскола они замечали впереди людей и останавливались — Митроха нагибался сверху, проталкивал их дальше. Перед выходом они со страху со-

всем ложились — рабочий подымал их за шерсть и выпихивал наружу. Тогда они бешено прыгали вперед — двое рабочих ловили их на лету и ставили между ямами. Сентюра выворачивал ухо, слюнями оттирал номер, наколотый тушью, когда овца была еще ягненком.

— Пятьсот пядесят два! — кричал он, и зоотехник записывал в книгу.

Юлия Ивановна быстро оглядывала всю овцу, в трех местах пальцами разнимала шерсть и скороговоркой диктовала:

— Тип эр-пе, густота шерсти два эм, длина девять сантиметров, уравненность полная. Голова три восьмых, жиропот минус, шея, холка, грудь нормальные, задние ноги буквой икс, спина провислая, крестец и величина — норма, оценка четыре ноля, брюхо головатое.

После бонитировки Юлия Ивановна говорила, к какому классу принадлежит овца: элита, первый, второй, четвертый. Сентюра щипцами вырубал на ухе один или два выщипа то сверху, то снизу, то на конце, вдоль уха. Из вырубленного клинышка капала кровь. Овца дергалась и мотала головой. Сентюра заливал выщип белой жидкостью и отпускал ее. Она шарахалась от него, как угорелая, и долго потом встряхивала головой, как бы желая сбросить с уха острую боль.

Митроха уже знал, что от этой бонитировки будет зависеть потом вся жизнь овцы: в какую отару она попадет, продадут ли ее на мясо, или оставят на развод, какие у нее будут дети, даже как ее будут кормить. Как же может один человек в полминуты все определить, взвесить и вынести правильное решение?

Сначала Митроха отказывался верить своим ушам, потом он перестал верить Юлии Ивановне. Ерунда, не может быть! Просто она всем морочит голову, а они верят. Но вот случилось, что овца после бонитировки вырвалась и убежала. Сентюра не успел сделать выщип, зоотехник — записать. Они спросили Юлию Ивановну:

— Какой, вы сказали, жиропот? А голова, шея, грудь? А класс?

— Не помню, — созналась она. — Придется снова.

У Митрохи стояла в ушах вся бонитировка, но он не осмелился напомнить им. Шура долго гонялась за овцой, наконец привела ее обратно. Юлия Ивановна, как граммофон, в точности повторила свои слова. Зоотехник смотрел в книгу и только приговаривал:

— Да это есть, есть. И сортимент есть. Вы с головы начинайте.

Значит, все верно, никакого надувательства нет. Теперь Митроха боялся даже смотреть на Юлию Ивановну, как на солнце. А она будто чувствовала, что ей удивляются, и расходилась еще больше. Скороговорку свою она довела до того, что рабочие не успевали подавать ей овец, Сентюра — находить номер и делать выщип, зоотехник — записывать. Уже много раз зоотехник путался и просил все повторить сначала. Юлия Ивановна с раздражением сказала:

— Николай Васильевич, нельзя же так! Мне надо пробонитировать шестнадцать тысяч. Если мы будем тратить на каждую овцу пять-десять минут, то мы за год не управимся. А через месяц начнется стрижка. Нас ждать не будут.

Митроха заметил, что тип овцы зависит от шеи, складчатая она или гладкая. Это открытие так обрадовало его, что он стал громко выкрикивать:

— Вот идет тип «Ц»! А вот тип «А»!

Юлия Ивановна сперва не слышала, потом обратила внимание:

— Ого! Да ты, брат, молодец! Тебе бы учиться надо, у тебя замечательная память и наблюдательность.

Митроха потупился от смущения. Он решил доказать, что сразу отличит и класс, но сейчас же проштрафился: спутал элиту с четвертым классом. Рабочие засмеялись. Как нарочно, после этого Юлия Ивановна решила еще поддать жару и затарахтела, как пулемет. Люди замучились. Даже Сентюра начал покряхтывать и левой рукой тереть себе поясницу. Через час зоотехник не выдержал:

— Юлия Ивановна, даю вам честное слово: рука запела, не пишет.

— Эх, вы! Поработали бы вы с Михаил Федоровичем Ивановым, он бы вам показал, где раки зимуют. Ну, ладно, ребята, шабаш! Давайте пообедаем и отдохнем.

VI

Шура принесла большой котел с постными шами и два каравай хлеба. Юлия Ивановна покрошила в ши яйца. Митроха сбегал, напоил лошадей, потом сел сам обедать. Никогда в жизни постные ши не казались ему такими вкусными, как тут, в поле, среди чужих людей.

После обеда все рабочие и чабаны легли отдыхать на соломе под вагоном. Юлия Ивановна присела у бочки с водой. Митроха спросил ее, как это зоотехник ухитрился одной строчкой записать всю бонитировку.

— Это особый ключ. Там буквы и значки.

Ему хотелось еще спросить, где она училась, как стала такой умной, нельзя ли и другим сделаться такими. Но она отвечала неохотно — видно, тоже здорово устала. Митроха пошел к зоотехнику — тот лежал с рабочими, но не спал, а задумчиво ковырял в зубах соломинкой. Митроха взял его книгу, долго рассматривал буквы и строчки бонитерского ключа.

— Николай Васильевич, вот маленькое «мы»; это что такое?

— А ты откуда знаешь, что это «эм»?

— Я латинские буквы знаю. Нам в школе показывали.

Зоотехник принялся лениво объяснять. Митроха не отставал от него весь обеденный перерыв. Он по пять раз переспрашивал, что такое уравненность, сортимент, жиропот. Когда зоотехник прогнал его наконец, он отправился опять к бочке.

— Юлия Ивановна, пускай Николай Васильевич делает выщипы, а я буду записывать. Я умею.

— Да что ты говоришь?! — Она отдохнула и теперь снова оживилась. — А ну-ка, скажи: как ты узкие ребра отметишь?.. Правильно! Молодец! А вот если не вполне уравненная шерсть?

Митроха показал. Она продиктовала ему всю строчку, он записал без единой ошибки.

— Батюшки, да ты же у меня золото неоценимое!

Все встали на свои места. По расколу одна за другой потянулись овцы. Бонитировка продолжалась. Юлия Ивановна сперва диктовала медленно. Зоотехник стоял над Митрохой и проверял, как он записывает. Ошибок не было. Юлия Ивановна ускорила диктовку — он легко поспевал. Она еще ускорила — строчки ложились в книгу во-время, всё такие же ровные и аккуратные.

Зоотехник отошел. Они со старшим чабаном поделили работу. Сентюра делал выщипы, а он отыскивал номера в ушах.

Юлия Ивановна забарабанила так, что все ее помощники света не увидели. Много часов подряд в воздухе только и слышалось: «шея, холка, грудь, крестец, уравненность, брюхо, сортимент». У Митрохи стала неметь рука. Одно время ему казалось, что он не выдержит и тоже, как зоотехник, скажет: «Юлия Ивановна, даю вам честное слово: не могу больше». Потом стало легче, потом прошло как будто всего полчаса — и карандаш окончательно перестал слушаться. Как раз в это время он услышал замечательные слова:

— Всё. Кончено.

Оглянулся — вечер. Солнца уже нет на небе. Все люди и овцы и даже красный вагон — сонные, валяются от усталости.

— Давай запрягать, Митроша, — сказала Юлия Ивановна. — Поедем домой.

В совхоз вернулись уже в полной темноте. Юлия Ивановна все время молчала. Только у самого дома она пожала Митроше руку и сказала:

— Я, брат, тебя не отпущу до самого конца бонитировки. Николай Васильевича мы не будем трогать, пусть он занимается своим делом.

Через две недели был такой же вечер, и они так же возвращались домой. Небо позади тачанки было в самом низу багрово-красное, немного повыше розовое, потом желтое, голубое и прозрачно-синее. Юлия Ивановна смотрела на загоревшее веселое лицо Митрохи и говорила:

— Из тебя, Митроша, выйдет замечательный работник. Сейчас мы тебя назначим в бригаду к Слисаренко. Это старый, опытный чабан, стахановец. Попасешь с год, потом поедешь в Орджоникидзе. Я уже говорила с директором, он обещал. Кончишь — мы и дальше будем работать вместе. Теперь дорога перед тобой открыта.

СОДЕРЖАНИЕ

История одной ночи	3
Начало одной сказки	15
Маленький слон	22
Володькино семейство	34
Дедушкин пиджачок	45
Лошадь Пржевальского	55
Разбойница Минна	63
Как усатый зверь сдавал экзамен	69
Полосатые лошадки	83
Тяжелые пушки	95
Кто лучше?	111
Про ковер	135
Шутка	149
Золотое руно	160

500

Цена 3 р. 85к